

ПИОНЕР

Апрель

Изд. во ЦК ВКП(б) «Правда» 1937 г.

4

ПРОСЬБА К ЧИТАТЕЛЯМ:

При обнаружении экземпляров с производственным браком (перепутанные страницы, плохая печать и т. п.) возвращать их для обмена в Издательство «Правда».

Адрес: Москва, 40, ул. «Правды», 24, комн. № 216.

П И О Н Е Р

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й Д Е Т С К И Й Ж У Р Н А Л
Ц Е Н Т Р А Л Ь Н О Г О К О М И Т Е Т А В Л К С М

№ 4

Апрель 1937

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Шота Руставели.

Шота из Рустава

(1187 — 1937)

Е. Лундберг

Его называют «великим сердцем Грузии», Шота из Рустава, и все-таки он был и остается пока для нас и для всего мира великим незнакомцем. Все, что мы знаем о нем, ненадежно и неточно. Сомнителен его чудесный портрет. Оды, о которых он говорит в прологе к своей поэме «Витязь в тигровой шкуре», до нас не дошли. Историки эпохи царицы Тамары не упоминают ни имени Шота Руставели, ни названия его поэмы. Может быть, они хотели, чтобы Шота был забыт? Он был вольнодумец. Имя Христа в его поэме вовсе не упоминается. Он насмешливо относился не только к христианству, но и к мусульманской религии. Историками той эпохи были обычно монахи и священники. Или, может быть, имя его забылось во время той страшной катастрофы, которая разразилась над Грузией вскоре после создания поэмы. Монголы разгромили цветущую страну. Пять раз вырезали они ее население. Культурная жизнь Грузии замерла на долгие годы, и лишь много времени спустя звучные строфы Шота ожили снова.

Шота Руставели утверждает в поэме, будто он заимствовал свой сюжет из иранской народной поэзии. Может быть, это и так. У кого бы он ни заимствовал свой сюжет, он дал в поэме верное изображение грузинской жизни, превосходную картину того, чем жили и как думали наиболее передовые люди грузинского общества восемьсот лет назад. Судя по отдельным строфам поэмы, Шота был очень образован. Он в совершенстве изучил арабскую и персидскую литературу, знал греческую литературу и философию и знал и любил песни своего народа, черпая из него свои образы и сравнения. Ему была до мельчайших подробностей знакома придворная жизнь. Он прославлял рыцарство, разбирался в военном искусстве, умел в коротких, летучих словах передавать философию своего времени. Кто же был этот волшебник?

Одним из уцелевших литературных памятников эпохи царицы Тамары является ода поэта Чахрухадзе. Существует мнение, будто Чахрухадзе был братом Шота Руставели, отец же их — одним из вельмож царицы и будто даже ее летописцем. Если это правильно, то Шота происходит из очень культурной семьи. В оде говорится о большом поэте, который в последние годы своей жизни много путешествовал, побывал на границах Московии, в Индии, в Персии, в Египте, в Аравии, в Йемене, в Константинополе, был признан и там великим поэтом и погиб на чужбине. «Тело его досталось птицам», — говорит Чахрухадзе. Был ли то Шота? Мы не знаем. Однако это он в начале 13-го века нарисовал образ скитальца Тариэла; который мужественно борется с врагами, верен в любви и дружбе и в самые трудные минуты жизни сохраняет ясный ум и благородство.

История Тариэла, витязя в тигровой шкуре, полюбившего Нестан Дареджан, дочь индийского царя, и разлученного с нею, дает Шота возможность показать все разнообразие современной ему жизни: чужие страны, сражения, охоту, жизнь вельмож и рабов...

Шота мало внимания отдает жизни низших, трудящихся сословий, и это естественно в эпоху средневековья. Но в рабе он видит человека. Дружбу он прославляет так же, как и любовь. Дружба у него — бескорыст-

нейшее из всех человеческих чувств. Он говорит: «Камень есть в раях Китая. Надпись там на нем такая: «Кто не ищет друга—злая жизнь его—себе он враг».

Шота любит радость и жизнь. Поэзия его времени была пропитана религиозными чувствами, но Шота стоял несравненно выше всех своих современников. Он любит жизнь и чувствует ее великий смысл. Шота возвышается над людьми своего времени еще и тем, что он свободен от грубых национальных предрассудков. Он дома — во всем мире, с людьми разных национальностей. И, быть может, потому поэма его и понятна и звучна всем в мире, без различия национальностей.

Судьба поэмы «Витязь в тигровой шкуре» так же своеобразна, как и образ создавшего ее поэта.

Грузины уже века твердят наизусть строфы «великого сердца Грузии». Писатели позднейших времен то и дело приводят его слова в своих произведениях. Его мудрость заново расцветает из века в век в беседах лучших людей страны. Безграмотные крестьяне знали ее наизусть от строки до строки, утешались ею в горе, радовались в радости. Но за пределами Грузии Шота Руставели был мало известен. Он с трудом поддается переводу — так богат и звучен его язык. Литература о Шота очень бедна. Лишь за последние годы, после установления советской власти, поэма Шота приобретает все большую известность в литературе. В этом году и в СССР и во всем мире празднуется 750-летний юбилей со дня его рождения. Поэт достоин великого почета — и этот почет впервые будет оказан ему в полной мере через семь веков спустя после создания его поэмы. Мы должны сделать так, чтобы великий незнакомец перестал быть незнакомцем. Мы должны его читать, понимать и знать. Наша наука должна смахнуть слои библиотечной пыли с древних рукописей и перебрать камни древних разрушенных городов, чтобы ближе подойти ко времени, когда он жил и творил. В Грузии, в 70 километрах от Тбилиси, сейчас идут раскопки древних развалин. Может быть, они хоть отчасти разъяснят нам тайну Руставели. В монастырях Палестины, Турции, Болгарии и Греции и поныне тлеют тысячи неразобранных рукописей на грузинском языке. Когда-нибудь все это будет прочтено и разобрано. Осенью мы будем праздновать юбилей великого поэта. Во всем мире громко прозвучит славное имя Шота Руставели, и монастырские архивы должны открыться нашим ученым так же, как нынче уступают нашему напору страницы каменных летописей.

Витязь в тигровой шкуре

Перевел и обработал Н. Заболоцкий

Повесть первая. О Ростеване, арабском царе

Жил в Аравии счастливой царь — могучий Ростеван,
Повелитель правоверных, покоритель многих стран.
Справедливый, милосердный, долго правил он народом,
Лишь под старость повелитель стал, увя, седобородым.

И была у Ростевана дочь — царевна Тинатина,
И краса ее сияла безмятежно и невинно.
Много витязей отважных о красавице вздыхали,
Но красавица смеялась и не ведала печали.

Вот съезжает царь могучий мудрых визирей своих.
Величавый и спокойный, он усаживает их.
Говорит: — О, как непрочна все устроено на свете!
Сядем, други, я нуждаюсь в вашем дружеском совете.

Вот в саду моем прекрасном сохнет роза, увядая,
Но на смену ей из листьев появляется другая.
Долго жил я в этом мире, ныне смерть ко мне стучится. —
Дочь моя пускай отныне правит вами как царица.

— Царь, — ответили вельможи, — восходящая звезда
С умирающей луною не сравнится никогда.
Пусть в саду твоём прекрасном роза тихо увядает —
Увядаящая роза слаще всех благоухает.

Но, чтоб сделалось приятным для тебя решение наше,
Пусть страной отныне правит та, которой нету краше.
И умом и благородством отличается девица,
Льву всегда детеныш равен, будь он львенок или львица.

Среди витязей отважных был красавец Автандил,
Молодой военачальник, юный воин, полный сил.
Он давно любил царевну и теперь был рад всех боле,
Услыхав, что Тинатина воцарится на престоле.

Вместе с визирем Согратом он воздвиг ей пышный трон,
И толпа арабов знатных собралась со всех сторон,
И несметной силы войско потянулось караваном,
Чтоб приветствовать царицу и проститься с Ростеваном.

Вот царевну Тинатину усадил на трон отец,
Дал ей в руки царский скипетр, на главу надел венец,
Трубы грянули, кимвалы загремели над девицей,
Весь народ ей поклонился и назвал ее царицей.

Плачет, плачет Тинатина, из очей струятся слезы,
Рдеют нежные ланиты и пылают, словно розы.
— О не плачь, — отец ей шепчет, — ты царица, будь спокойна;
Перед войском и народом сокрушаться непристойно.

Посмотри, как солнце греет нас лучами золотыми,
Будь такой же милосердной с приближенными своими,
Справедливой будь и щедрой, как душа тебе подскажет,
Щедрость славу приумножит и сердца к тебе привяжет.

Поучениям отцовским дочь послушная внимала
И казну из подземелий тотчас вынуть приказала.
Принесли в больших кувшинах сотни яхонтов, жемчужин,
И коней ее арабских вывел конюх из конюшен.

Улыбнулась Тинатина, поднялась из-за стола,
Все народу раздарила, все богатства раздала.
Даже воины простые потеряли счет наградам,
Тот, кто был доселе беден, из дворца ушел богатым.

Солнце близилось к закату. Приутихнул пир честной.
Царь задумался, и долу он поникнул головой.
Автандил сказал Сограту: — Царь, как видно, утомился.
Скажем что-нибудь смешное, чтобы он развеселился.

Вот встают они с подушек, наливают по стакану,
Выпивают без остатка и подходят к Ростевану.
Говорит Сограт с улыбкой, опускаясь на колени:
— Царь, ты бледен и печален. В чем причина огорчений?

Ты, наверно, вспоминаешь о сокровищах своих:
Дочь твоя, не зная меры, раздала народу их.
Лучше было бы, пожалуй, не сажать ее на царство.
Чем пускать на ветер столько драгоценного богатства!

— Смел ты, визирь, — отвечая, засмеялся царь-отец, —
Клетвник и тот не скажет, что арабский царь — скупец.
Вспоминая о минувшем, потому я огорчился,
Что никто науке ратной от меня не научился.

Слушай, визирь мой отважный, слушай, дочка Тинатина,
Все имел я в этом мире, только не дал бог мне сына,
Сын сравнялся бы со мною, а теперь по воле бога
Лишь один военачальник на меня похож немного.

Слово царское услышав, улыбнулся Автандил.
— Ты чему смеешься, витязь? — царь, нахмурившись, спросил.
— Царь, — ответил юный витязь, — дай сперва мне обещанье,
Что меня ты не осудишь за обидное признание.

Улыбулась Тинатина, поднялась из-за стола.
Все народу раздарила, все богатства раздала.

Царь, напрасно ты кичишься перед целою страной,
Что никто в цауке ратной не сравняется с тобой.
Мне известна в совершенстве вся военная наука.
Если хочешь, будем спорить, кто вернее бьет из лука.

Ростеван, смеясь, воскликнул: — Принимаю вызов смелый.
Пусть устроит состязанье, а уж там что хочешь делай,
Повинись, пока не поздно, а не то, побитый мною,
Трое суток ты проходишь с непокрытой головою.

Снова царь развеселился и смеялся и шутил.
Вместе с ним смеялся визирь и отважный Автандил.
Увидав царя веселым, гости вмиг повеселели,
Снова яства задымилась, снова кубки зашипели.

И как только на востоке разлилось сиянье дня,
Автандил-военачальник сел на белого коня.
Золотой чалмой увито было снежное чело,
И оружие гремело, ударяясь о седло.

Окруженное цепями, перед ним открылось поле,
Меж кустами, по оврагам, звери прыгали на воле.
Вдалеке отряды ловчих и загонщиков лихих
В трубы звонкие трубили и сгоняли в кучу их.

Вот и царь явился тоже на коне своем арабском,
И охотники склонились перед ним в почтенье рабском,
И помощники искусных вкруг него скакала рать,
Чтоб считать зверей убитых или стрелы подавать.

— Ну, за дело! — царь воскликнул. — Будем бить легко и верно!
Две стрелы взвились из луков — пали враз козел и серна.
Мгда окутала все поле, понеслись как ветер кони,
И животные помчались врассыпную от погони.

Но все чаще били стрелы, звери падали во мгле,
Дикий рев стоял на поле, кровь струилась по земле,
Два охотника летели и, стреляя на скаку,
Вдруг коней остановили на скалистом берегу.

Позади лежало поле, впереди река и лес.
Из зверей кто жив остался, тот теперь в лесу исчез.
Царь сказал: — Моя победа! Эй, рабы, возьмите стрелы!
— Государь, моя победа! — возразил охотник смелый.

Так, шутя и препираясь, над рекой они стояли,
Между тем зверей убитых слуги царские считали.
— Ну, рабы, откройте правду, — приказал им повелитель, —
Кто из нас на состязанье оказался победитель?

— Государь, — рабы сказали, — хоть убейте нас на месте,
Автандилу вы не ровня, это скажем вам без лести,
Много царских стрел нашли мы на земле в песке и глине,
Автандил же полководец бьет без промаха отныне.

Царь, услышав эти вести, обнял славного бойца,
И уныние слетело с утомленного лица.
Затрубили громко трубы, и веселая охота
Под деревьями уселась, отдыхая от похода.

Повесть вторая. О том, как Ростеван увидел витязя в тигровой шкуре

Вдруг заметили вельможи, что над самою рекою
Виден некий чужестранец, всех пленивший красою.
Он сидел и горько плакал. И коня за повод длинный
Он держал, и конь был в сбруе драгоценной и старинной.

Этот витязь неизвестный, молчаливый и понурый,
Вместо пышного кафтана был одет тигровой шкурой.
Плеть в руке его виднелась, вся окованная золотом,
Меч был к поясу привешен, и казался он богатым.

С удивленьем и тревогой царь на витязя взирает.
Вот раба к себе он кликнул, за героем посылает.
Раб под'ехал к незнакомцу, молвил царское он слово,
Но молчит, не слышит витязь, только слезы льются снова.

Что ему слова привета! Что ему царевы речи!
Он молчит и горько плачет, только вздрагивают плечи.
Раб испуганный и бледный повторяет приказанье,
Раб зовет его к Ростевану. Но в ответ — одно молчанье.

Раб вернулся. Что тут делать? Царь зовет двенадцать лучших
Молодых рабов отважных, самых смелых и могучих,
Говорит: — Черед за вами. Вот мечи, щиты и стрелы.
Приведите незнакомца. Будьте доблестны и смелы.

Те поехали. Услышав стук оружия на дороге,
Незнакомец оглянулся. — Горе мне! — сказал в тревоге,
Вытер слезы, меч поправил, на коня вскочил, помчался.
Но рабы уже настигли. — Стой! — могучий крик раздался.

Горе, горе, что тут случилось! Он схватил передового,
Бил им вправо, бил им влево, он одним метал в другого,
Он иных ударом плети рассекал до самой груди,
Кровь текла, хрипели кони, как снопы валились люди.

Царь был взбешен. С Автандилом скачет он на поле брани.
Незнакомец едет тихо. На прекрасного Мерани
Конь его похож. И витязь, словно солнце в небе, светел.
Вдруг погоню он увидел и царя в ней заметил.

Он сидел и горько плакал. И коня за повод длинный
Он держал, и конь был в сбруе драгоценной и старинной.

Он хлестнул коня, и взвился чудный конь, покорный воле
Седока... И все исчезло. Никого не видно боле —
Ни коня, ни чужестранца. Как сквозь землю провалились!
Где следы? Следов не видно. Не нашли их, как ни бились.

Опечаленный и мрачный возвратился царь домой.
Весь дворец пришел в унынье. Как помочь в беде такой?
Затворясь в опочивальне, царь задумчивый сидит,
Не играют музыканты, арфа сладкая молчит.

Так проходит час за часом. Вдруг раздался зов царя:
— Где царевна Тинатина, где жемчужина моя?
Подойди, дитя родное, тяжелы мои заботы:
Диво дивное случилось нынче утром, в час охоты.

Некий витязь чужестранный повстречался нам в долине,
Лик его, подобный солнцу, не забуду я отныне.
Он сидел и горько плакал, он молчал в ответ посланцу,
Не пришел ко мне с приветом, как пристало чужестранцу.

Рассердившись на героя, я послал за ним рабов,
Он напал на них, как дьявол, перебил и был таков, —
Он из глаз моих сокрылся словно призрак бестелесный,
И не знаю я доныне, кто тот витязь неизвестный.

Мрак мое окутал сердце, потерял я свой покой,
Миновали дни веселья, нету радости былой,
Все мне в тягость, жизнь постыла, нет ни в чем мне утешенья,
Сколько дней ни проживу я, не дождусь успокоенья!

— Государь, — царевна молвит, — на золотом твоём престоле
Ты владыка над царями. Все твоей покорны воле.
Разошли гонцов надежных, пусть об'едут целый свет,
Пусть узнают, кто тот витязь, — человек он или нет?

Если он такой же смертный, человек, как мы с тобою,
Он со временем найдется. Если ж нет, тогда, не скрою,
Был, как видно, это дьявол, соблазняющий царя.
Но к чему тебе крушиться? Что тебе томиться зря?

Так и сделали. Наутро понеслись во все концы,
Чтоб о витязе разведать, ростевановы гонцы.
Год проходит — их все нету. Наконец, приходит час —
Возвращаются посланцы, но печален их рассказ:

— Государь, в течение года мы повсюду побывали,
Мы об'ехали всю землю, но его мы не видали,
Мы расспрашивали многих, но, увы, один ответ:
«Нет таких на свете, кто бы в шкуру тигра был одет».

— Ах, — ответил царь, — я вижу, дочь моя была права,
В сети адские попал я, не погиб от них едва.
То не витязь был, но дьявол, улетевший, точно птица.
Прочь печали и тревоги! Будем жить и веселиться!

И зажглись огни повсюду, засверкали вновь наряды,
Заиграли музыканты, завертелись акробаты,
Снова пир пошел веселый, и опять даров немало
Роздал тот, кого щедрее нет и раньше не бывало.

В струны арфы ударяя, одинокий и печальный,
Автавдил сидел, тоскуя. Вдруг в его опочивальне
Появился негр, служитель той, чей стан как бы алое:
— Госпожа моя, царица, просит вас в свои покои.

Он ярых ударом плети рассекал до самой груди.
Кровь текла, хрипели кони, как снопы валялись люди.

Авандил пошел, оделся в драгоценные одежды.
О как громко билось сердце, где зажегся луч надежды!
Он предстал пред Тинатиной, но мрачна была царица,
Он смотрел на Тинатину и не мог ей надивиться.

Грудь заботливо ей кутал мех прекрасный горностая,
Над челом вуаль сияла, нежной тканью ниспадая,
Шли ей черные ресницы, шел ей черный длинный локоп.
Авандил смотрел на деву, но понять ее не мог он.

— О царица, — он воскликнул, — что, скажи, тебя тревожит?
Может быть, найдется средство, то, которое поможет?

— Ах, меня тревожит витязь, тот, что плакал над рекою.
День и ночь его я вижу. Нет душе моей покою.

Ты меня, я знаю, любишь, хоть в любви мне не открылся,
Будь же верным мне слугою и найди, куда он скрылся,
Злого демона плени ты, исцели меня от муки.
Лев, тебя полюбит солнце! Знай об этом в час разлуки.

Ты ищи его три года. Возвратившись на четвертый,
Ты свою увидишь розу неувядшей, непоблеклой.
Полягнемся же друг другу, что решенья не нарушим:
Коль вернешься с доброй вестью, будем мы женой и мужем.

— О, — воскликнул витязь, — солнце, чьи ресницы из агата,
Я клянусь тебе всем сердцем — ты одна моя отрада!
Ждал я смерти неизбежной, ты всю жизнь мне озарила,
Для тебя я все исполню, что бы ты ни попросила.

Так друг другу дали клятву Авандил и Тинатина,
Так, любовью загораясь, стал агат сестрой рубина,
Но ударил час разлуки, и они расстались снова.
О, как горек час разлуки был для сердца молодого!

Ночь прошла в тоске и горе. Но, проснувшись утром рано,
Авандил предстал веселый перед тронном Ростевана.

— Государь, — сказал царю он, — чтоб узнали о царице,
Должен я об'ехать снова наши славные границы.

В честь великой Тинатины, равной славному царю,
Я обрадую покорных, непокорных покорю,
Я твои умножу земли, беру я дань повсюду
И с богатыми дарами снова я к тебе прибуду.

— Лев, — ответил царь, — известно всем бойцам моей страны,
Не пристало полководцу уклоняться от войны.
Знай, мой сын: твое решенье сердцу царскому приятно,
Поешжай, но поскорее возвращайся к нам обратно.

Обнял царь его впервые, целовал его как сына...
Вышел витязь, повторяя: «Тинатина! Тинатина!»
Но к чему мольба эти! И ушел он одинокий,
Оседлал коня лихого и помчался в путь далекий.

(Продолжение следует)

Д жу р а и Т э к е

Часть 1-я. Кишлак Мин-Архар

Повесть Ю. Тушкана

Рис. В. Цельмера

Глава первая

Безмолвна морозная ночь на высоких горах Памира. Ярко сверкают звезды. Но даже при звездах трудно заметить кишлак, приютившийся на склоне горы.

У самого края пропасти, на выступе, стоят пять кибиток, заметенных снегом.

На очищенной от снега крыше самой большой кибитки, поджав под себя ноги, сидит с'ежившись на шкуре барса старик Искандер.

Закутавшись в теплый горностаевый тулуп, он сидит совершенно неподвижно. Рядом с ним лежат два волкодава.

Аксакал Искандер молчит. Молчат собаки. Молчат горы.

Ст тишины звон стоит в ушах старика. Ничто не шелохнется.

Воздух как будто застыл темной стеклянной массой среди гор-великанов.

Падающие звезды разрезают небосвод, освещая все вокруг. И тогда на мгновение из тьмы выдвигаются кибитки и снова исчезают.

Далеко в горах что-то хрустнуло. Собаки вздрогнули и насторожились. Аксакал пристально всматривается в чернеющие горы.

Но вокруг все безжизненно и мертво.

Аксакал зябко кутается в горностаевый тулуп. Старик непрочь бы погреться в кибитке у костра, но событие, взволновавшее всех обитателей кишлака, заставило его вылезть вверх.

Опять хрустнуло где-то в горах. Аксакал покачал головой, насыпал на ладонь из каменной бутылочки, зажатой в руке, щепотку зеленого табаку, бросил его под язык и начал сосать.

Рядом завозился и застучал о крышу заиндевшей шерстью Одноглаз.

И снова наступила тишина.

Скоро из-за гор выплывает луна.

Горы так высоки, что даже тучи редко поднимаются выше них. Они несутся с запада беспрерывно, грядя за грядой. Цепляясь за горы, они рассыпаются снегом и оседают изморозью на вершинах. Тучи намерзают веками, и, наконец, на горе вырастает купол из льда: это всяческий ледник. Аксакалу сто сорок лет. Он верит, что там живут горные люди и бросают в негодных богу кусками льда.

Много лет существовал кишлак, и никто, кроме двух китайских купцов, ничего о нем не знал.

Из рода в род передавали купцы тайну существования этого забытого людьми кишлака. Далеко к нему путь через горы Памира.

Раз в два года из знойного Кашгара приезжал в кишлак китайский купец, чтобы за бесценное купить пушнину да обменять на китайские безделушки золото и платину, намытые в золотоносных реках.

Приезд купцов всегда был большим событием в жизни кишлака.

Но длилось оно недолго. Припугнув аксакала и посоветовав ему никуда не спускаться с гор, купцы уезжали, и снова наступали будни.

И вдруг зимой у подножия ледника на склонах северных гор появились неизвестные люди.

Откуда они? Кто они? Куда идут? Что им нужно?

Никто не пойдет в зимнее бездорожье по своей воле в эти страшные горы.

Аксакал послал туда сегодня Джуру, молодого бесстрашного охотника, выследить неизвестных людей.

Давно уже сидит на крыше аксакал. Яркие звезды потускнели и, наконец, совсем погасли.

И вдруг из-за граней всячего ледника, как из огромного бриллианта, брызнули потоки радужных искр: это всходила луна. Черные тени поползли в ущелья.

Вдруг раздались выстрелы.

Взвешив шерсть, волкодавы прыгнули с крыш в темноту навстречу неведомому врагу.

Радужные вершины затуманились. Над ними взвились снежная пыль. Где-то заскрипело, заурчало, застонало. Раздался мол-

ний и густой гул. Он ширился и рос, заполняя все. Он давил и потрясал горы. Кибитка, на которой сидел аксакал, тряслась.

Большая лавина сорвалась с горы: бесчисленные глыбы льда и снега летели вниз, кувыркаясь и срывая по пути куски скал, кусты и камни.

Собаки, поджав хвосты, испуганно вспрыгнули на крышу.

Старый Искандер дрожал всем телом. Ему хотелось завить и убежать, но от ужаса отнялись ноги, не было сил вздохнуть, будто его окунули в ледниковую воду.

Но грохот затих так же внезапно, как и начался.

Ветер ударил аксакала, сорвал с головы лисью шапку и взвешив шерсть на собаках.

Мириады снежинок бешено металась в воздухе, обжигая лицо, заволакивая все белым саваном.

Когда грохот обвала затих, снизу из кибиток, через дымоходы, служившие дверями, доносились истуленные визги перепуганных женщин и лай собак.

Над дымоходом показалась голова старухи Айше с растрепанными седыми волосами.

— Погибаем, спаси! — визжала она.

— Замолчите! — гневно крикнул аксакал, натягивая шапку на уши, и Айше спряталась. Но долго еще снизу доносился приглушенный шум взволнованных обитателей кишлака.

Аксакал Искандер все так же неподвижно сидел на крыше. Голова его горестно опустилась. Он думал: «А что, если Джура, посланный на разведку, единственный кормилец кишлака, погиб?»

Кучак? Но разве он мужчина? Ведь если даже ночью ударить Кучака по шее, он и тогда не рассердится».

Искандер пережил всех своих племянников, а ведь и они умерли стариками. А остальные мужчины? Кто найдет их кости в горных стремнинах, под обвалами ледников?!

Еще десять лет назад аксакал сам охотился в горах, добывал золото на Сауксае и продавал его в Китай. Но вот уже все тридцать два зуба выпали у аксакала, отвисшую от старости нижнюю челюсть пришлось подвязать лентой из конского волоса и шолка.

Много горьких дум передумал Искандер, пока луна поднималась по небу, как вдруг

Бабу, черная охотничья сука Джуры, вспрыгнула старику на колени и лизнула его в нос.

Искандер вскочил и хотел ударить Бабу. Каждому мусульманину известно, что у собак нечистый нос, поэтому их и к людям, в кибитку, не пускают; но Бабу виляла хвостом, значит, Джура был жив. И эта радость заставила аксакала изменить намерение. Где же Джура?

Как бы в ответ издали послышалась веселая песня, и вскоре Джура, молодой парень-великан с орлиным носом и глазами барса, с ружьем за плечами опустился возле аксакала на корточки. Он перестал петь, как только заметил на кибитке аксакала: не подобает серьезному мужчине петь, как мальчишке.

Они спустились в кибитку.

— Рассказывай! — задыхаясь от волнения прошамкал Искандер, схватив Джуру за халат.

— Обычай нарушаешь, — ответил Джура. — Напой чаем, потом спрашивай.

После каждой выпитой пиалы аксакал спрашивал Джуру:

— Что за люди? Куда шли?

Но Джура, допивая пиалу, невозмутимо отвечал:

— Напой сначала, а потом расспрашивай, — и подставлял пустую пиалу...

Глава вторая

Шайка басмача Джаныбека была последней, метавшейся в кольце преследовавших ее советских отрядов.

Уходя осенью, до зимнего бездорожья, в Кашгарию, Джаныбек на перевале Верблюжий нос нарвался на засаду красных. Потеряв всю награбленную добычу, он бежал с остатком банды в Ферганскую долину и засел в камышах близ Уч-Кургана и Кизилкийских угольных шахт.

Когда в камышах окружили басмачей, то на подмогу крикнули шахтеров.

Сирена завывала боевую тревогу, и шахтеры выскочили «на-гора». Только белки глаз да зубы сверкали на их черных лицах.

Захватив винтовки, «черные черти», как басмачи их прозвали за отчаянную храбрость, побежали к камышам.

Много зверств натворили джаныбеков-

Искандер кряхтел от нетерпения, но навливал. Джура нарочно пил медленно, маленькими глотками, чтобы продлить удовольствие. У стены жался Кучак и голодными глазами следил за Джурой. Джура поднес ему чаю. Пусть не думают, что он жадный.

Наконец, напившись вдоволь зеленого драгоценного чаю, хранимого аксакалом для больших праздников, Джура вытер рот. У аксакала от волнения слезились глаза.

— А теперь накорми меня мясом, я голоден! — неожиданно сказал Джура.

Застонал от злости аксакал, но делать было нечего, он хорошо знал упрямого и своевольного Джуру. Аксакал достал кусок мяса, хранившегося у него в кибитке, и дал жENCIAм сварить.

Джура молчал: он ждал, пока сварится мясо. Он тоже хорошо понимал, что иначе хитрый, жадный старик не даст ему и понюхать мяса. А Джура уже много дней, как и все обитатели кишлака, питался только мучнистым вонючим корнем «гульджан». «Нет, Джура — не дурак, чтобы пропустить такой удобный случай!» Кучак слил ему на руки горячей воды и заискивающе заглядывал в глаза. Но Джура сидел спокойно и важно, как и подобает охотнику, хотя ему и самому нетерпелось рассказать об удивительных событиях, которые он видел.

ские басмачи: грабили и убивали дехкан, вырезали женщин и детей. Басмачи взорвали паровоз, когда кизилкийские шахтеры послали транспорт угля первому советскому правительству Узбекистана.

Запыхавшись от бега, к чекисту Кузьмину, стрелявшему из-за тополя по камышам, подбежал шахтер Ивашко — отчаянный парень. В правой руке он держал бомбу, а в левой — винтовку.

— Где они? — закричал он, потрясая гранатой.

— Без крика заходи с ребятами слева, к холмам за хлопковыми полями, вот к тем топлям, а я зайду справа. Да смотри, не стрелять, пока я сам не выстрелю. Понял? — строго ответил ему Кузьмин.

— Ага! — хриловатым баском ответил Ивашко, поправляя пояс с револьвером.

И он засел с шахтерами у тополей. Была сильная жара. Солнце пекло, желтая лесовая пыль висела в воздухе и раздражала тело.

Ивашко не сиделось. Оставив ребят в засаде, он, прячась за кустарниками, пошел к камышам, перелез через пригорок, прополз в камнях и, подняв голову, вдруг увидел басмачей.

Пригибаясь, они быстро бежали к пригоркам, в заросли.

Забыв приказ Кузьмина ждать условного выстрела, Ивашко поднялся во весь рост и с криком «Не бойсь ста богов!» метнул гранату. Зеленоватый дым от гранаты не успел еще разойтись, как Ивашко, став на колено, уже стрелял по басмачам из винтовки.

Басмачи, не отстреливаясь, ускорили бег.

Справа послышались выстрелы Кузьмина. Ивашко узнал звук его маузера; слева стреляли шахтеры. К Ивашко подбежал Кузьмин.

— Чистая работа! — сказал Ивашко, не сдержав самодовольной улыбки, и показал на убитых басмачей.

— Я арестую тебя! — сердито закричал Кузьмин.

Ивашко удивленно повел плечами:

— За мое жито меня ж и побито?

— Да понимаешь ли ты, — горячился Кузьмин, — что из-за твоего своеволия Джаныбек прорвался в горы?!

— Ну?! — удивился Ивашко и насупил.

Кузьмин долго ругал его. Теперь уцелевший Джаныбек к весне опять наберет шайку бандитов и снова начнется разбой.

Ивашко понял свою вину. Через час он с четырьмя товарищами выехал в погоню за Джаныбеком.

Над бурной рекой Исфайрам, по узенькой тропинке, где не разминуться двоим, среди каменных осыпей, Ивашко со своими ребятами пробирался в горы.

Другого пути не было. К вечеру они направились на засаду басмачей в камнях. Всю ночь и весь день вели перестрелку.

Ивашко потерял двоих ранеными, басмачи оставили одного убитого.

Басмачи отступили, а за ними по пятам пошел Ивашко.

В Уч-Кургане была жаркая осень, но чем выше они подымались в горы, тем становилось холоднее. Чтобы напоить коней, приходилось рубить лед.

Ивашко мерз. С каждого убитого он снимал все теплое и надевал на себя.

Когда подобрался к каменному перевалу, в шайке Джаныбека из пятнадцати человек осталось только семь, а в ивашкином отряде убили одного бойца и троих смертельно ранили.

— Не бойсь ста богов! — шептал Ивашко, оставшись один против семи.

На каменном перевале бушевала снежная буря, заметая следы басмачей. Ивашко, сбившись с пути, целый день отсиживался в пустой охотничьей кибитке.

Перевалив горы и оставив в стороне Дараут-Курган, где находился партизанский отряд, Джаныбек повернул на восток, чтобы прорваться через границу в Кашгарию, но опять нарвался на партизан и круто свернул на юг, в неприступные, дикие горы.

Упустив басмачей, Ивашко на заиндевшей, шатавшейся от усталости лошади прискакал в Дараут-Курган с опозданием на сутки.

Весь в снегу, с сосульками на усах, он ввалился в кибитку партизан.

— Чего сидите? — закричал он начальнику отряда Козубю. Басмачи рядом!

— Ты чаю выпей, — спокойно сказал ему Козубай.

— Я говорю: басмачи, догонять надо! — волновался Ивашко.

Козубай, прищурив глаза, посмотрел на него и так же спокойно сказал:

— Зачем кричишь? Мы сами все знаем. Садись, пей чай.

От него Ивашко узнал о разосланных для поимки басмачей партизанских отрядах и о том, что Джаныбек бежал на Сауксай, в дикие горы Памира, где нет ни дорог, ни кишлаков и куда не ходят даже охотники.

— Куда? — удивленно спросил Ивашко.

— На Сауксай, — ответил Козубай и, подойдя к карте, пальцем постучал по белому пятну.

Ивашко раньше служил матросом в Амударьинской военной флотилии и разбирался в картах.

— Да ведь это — белое пятно! — сказал он.

— Да, — ответил Козубай, — там снег и лед, холод и смерть. Там ничего нет.

— А если басмачи прорвутся в Китай? — заволновался Ивашко. — Все равно, надо догонять, — сказал он и встал.

— Не надо, — сказал Козубай, — они все равно пропадут.

— А если не пропадут!.. — закричал Ивашко. Он подошел вплотную к Козубаю и тихо добавил: — Я поклялся Кузьмину, что живым или мертвым, а привезу Джаныбека, понимаешь?!

— Так... — протяжно сказал Козубай и хлопнул в ладоши. В дверях показался ординарец.

— Позови Козицкого, да пусть он книги и карты захватит.

Ординарец исчез за кошмой, заменявшей дверь.

Заметив вопросительный взгляд Ивашко, Козубай сказал:

— Этот Козицкий — бывший офицер; он раньше на Памире служил. Памир знает хорошо. Везде облазил, все видел. Он помог нам поймать три больших шайки басмачей. Теперь здесь мне помогает.

Ивашко возбужденно ходил по кибитке. Козубай, поджав под себя ноги, сидел на кровати, покрытой шкурами барсов, и пил чай.

Возле кибитки послышался топот, и скоро в кибитку вошел человек небольшого роста с черной бородкой. Это и был Козицкий. За ним вестовой втащил тяжелый курджум.

— Садись, пей чай, — сказал Козубай и подал Козицкому пиалу с чаем. Козицкий сел возле Козубая и протянул руку за пиалой, но Ивашко вырвал пиалу, и она упала на пол.

— Зачем пиалу из рук выбиваешь? — сердито спросил Козубай у Ивашко. — Зачем обывай нарушаешь?

— Дело надо делать, а не чай пить! — сказал Ивашко. — Сейчас же говори, как догнать басмачей! — и он схватил Козицкого за плечо.

Козицкий отвел руку Ивашко и, наклонившись к курджуму, вынул оттуда старую, порывевшую и покоробленную от времени книгу и несколько карт.

Он разложил карты на кошме, Ивашко и Козубай склонились над ними.

— У басмачей два пути, — сказал Козицкий: — или они пойдут вперед, в горы, где нет ни населения, ни корма для лошадей, и там погибнут, или они вернутся назад и все равно насочат на партизан.

— А откуда ты знаешь, что в горах нет людей? — спросил Ивашко.

Козицкий пожал плечами.

— Мне известно, что в очень давние времена туда доходили передовые отряды Александра Македонского, но они все погибли. А после него, спустя много веков, в тех горах с большим трудом удалось пройти венецианскому купцу Марко Поло. Сам он спасся, но потерял почти весь свой караван. Марко Поло — единственный, кто написал об этом крае, я могу вам прочесть, что он пишет.

И Козицкий, раскрыв книгу, начал читать:

«Там на высоких горах виднеется кое-где несколько хижин, где живет племя диких, очень злых идолопоклонников, питающихся охотой и употребляющих звериные шкуры вместо одежды».

«...На восток дорога идет с горы на гору, и в одном месте можно подумать, что окружающая местность — самая возвышенная часть света...»

Козицкий хотел продолжать, но Ивашко сердито спросил его:

— Да ты сам-то был там?

— Нет, — ответил Козицкий, — я там не был, но пытался проникнуть туда много раз.

Он замаялся.

— Ну и что? — торопил его Ивашко.

— Дело в том, — продолжал Козицкий, — что, по достоверным сведениям, в тех горах Марко Поло потерял весь свой груз. А вез он много золота. Вез и золотые чаши, подносы, браслеты... вот я и хотел поискать их. Но путей в те места не нашел. Их нет. Летом в горных ущельях несутся страшные реки, а зимой снег, бездорожье.

Вряд ли там есть население, хоть Марко Поло о нем и пишет, — говорил Козицкий. — Я думаю, что оно давно вымерло. За всю свою долголетнюю службу на Памире я ни разу не слышал, чтобы хоть один человек пришел оттуда, да и туда тоже никто не добирался. Дикое место. Говорят, там находится узел гор — Гармо.

И если басмачи удерут туда, они погибнут.

Козубай молча соглашался с Козицким. — Вот что, офицер, — сказал хрипло Ивашко. — Я тебе верю. Видно, страшное это место. Хочешь попытать со мной счастья, так поедем вдвоем! Уж если я возьмусь за дело, не брошу его, пока не кончу.

Но Козицкий с'ежил и отрицательно потряс головой. Опустив голову, не смотря

Ивашко в глаза, он тихо уложил карты и книжки в курджум и вышел.

На другое утро Ивашко выехал в погону за басмачами, сменив коня на яка. Вместе с ним, тоже на яке, поехал молодой боец, киргиз из партизанского отряда Козубая. Это был отчаянный парень по имени Урумчи, по прозвищу «Сорви-голова». Он был опытный проводник в памирских горах, но и он не знал пути в те места, куда сейчас ехал Ивашко.

Много ночей прошло с тех пор, как Джаныбек со своими басмачами покинул последний кишлак.

Давно уже блуждали они в высочайших горах Памира и шли в неведомом направлении, по воле яков, положившись на их чутье. Авовь, яки доведут до жилия!

День за днем басмачи взбирались все выше и выше. Они достигли вечных снегов. Перешли границу туч и поднялись еще выше. Влажная изморозь покрыла их одежду льдом и сковывала движения.

Впереди каравана шел косматый як. На нем сидел Джаныбек с собакой на руках, за ним шел второй як. Он тащил обмороженного басмача и винтовки, которые уже не в силах были нести басмачи.

Держась за хвосты яков, шатаясь от изнеможения, плелись шесть остальных басмачей.

Каждый шаг давался с трудом. Басмачи, как рыбы, широко разевали рты, и все же им не хватало воздуха. От мороза распухли и почернели языки.

Людей мучила жажда, и они глотали снег.

Басмачи просили Джаныбека бросить собаку и посадить на яка кого-нибудь из них.

— А кто будет сторожить? — спрашивал эло Джаныбек и гладил дрожавшего и ослабшего пса.

А сзади по их следам, на расстоянии двух дней пути, ехали на яках еще два человека.

Это были Ивашко и Урумчи.

Сначала партизаны ехали только днем. Когда же они встретили пятый лошадиный труп, с которого было срезано все мясо, они сделали привал и стали продвигаться

только по ночам: они боялись, что днем басмачи их заметят.

На привале яки разгребали ногами снег и выгрызали сухую траву и мерзлый мох высокогорных тундр. Всадники ели сухари и сырое, вяленое мясо, наструганное мелкой стружкой. Нельзя было развести огонь: не было ни деревьев, ни кустов. Только голые засыпанные снегом скалы стояли со всех сторон.

Измученный Урумчи просил Ивашко отпустить его домой.

— Уничтожим гадов, тогда домой, я Кузьмину обещал, — говорил Ивашко. Он понимал, что если Джаныбек спасется, то это будет его, ивашкина вина.

Однажды утром они заметили вдали на склоне черные точки: это были басмачи.

Еще через несколько дней они увидели басмачей совсем близко.

Урумчи хотел было стрелять, но Ивашко его остановил.

Ночью, взяв бомбы, он пошел по крепкому снежному насту к затихшей басмаческой стоянке. Он шел медленно и подолгу отдыхал. Ему осталось пройти еще совсем немного, как вдруг его остановил собачий лай.

«Вот черти, пса держат!» — подумал Ивашко и, прячась в тени, за сугробами, вернулся обратно.

Басмачи переполошились, даже винтовки вынули из выюков.

— Должно быть, волки, — сказал Джаныбек и лег спать: он и мысли не допускал, что кто-то гнался за ним по этому страшному беспутью.

Тогда Ивашко решил зайти вперед басмачам и устроить засаду.

Ночь выдалась ясная и морозная. Подымалась луна и сверкала из-за висячего ледника; тысячи снежинок искрились огнями.

Вот у этой-то горы со сверкающим висячим ледником и решил Ивашко устроить засаду. Надо было спешить. Продукты были наисходе. Яки истощали и выбились из сил. Урумчи да и сам Ивашко устали, им все время хотелось спать. Но спали они поочереды и часто будили друг друга, чтобы спящий не замерз...

Стояли такие лютые морозы, что плевок, не долетев, замерзал в воздухе.

Кишлак всполошился...

Глава третья

В день страшного обвала Джуру еще ночью разбудил голос аксакала. Он сердито спрашивал у женщин, почему не горят светильники.

Аксакал боялся тьмы.

— Весь жир кончился, — оправдывались сонные женщины.

— Почему холодно, почему деревянные камни не горят в огне? Что смотрит Кучак?

А сутулый Кучак, с длинными волосатыми руками, сидел в своей кибитке неподвижно на корточках, устремив глаза на луну сквозь дыру дымохода: он мог так сидеть часами.

Утром к Кучаку пришел Джура и приказал ему собираться. Кучак никуда не хотел идти и визгливо сказал:

— Я заболел, я не могу.

— Ты взрослый мужчина, а не хочешь выполнять даже женской работы и принести деревянных камней!—закричал на него Джура.— А если ты болен, так я пушу тебе как больному кровь. Джура усмехнулся и вынул нож.

— Нет, я здоров, я здоров,— поспешно захныкал Кучак.

— Тогда собирайся, а потом ты поможешь мне сделать нож.

Джура и Кучак пошли к обнаженной ветрами скале. Поднявшись по узкой щели к трещине, откуда всегда сочилась нефть, они подставили бурдюк и подождали, пока накапает «земляной жир».

Возвращаясь домой, у подножья холма, в черной яме, они топорами накололи каменный уголь, который они называли деревянными камнями. Пришли женщины и унесли уголь в кибитки.

Весь остальной день Джура работал в своей маленькой кузнице. Он делал нож из куска железа.

Кучак раздувал мехом огонь в горне, а Джура раскаливал нож докрасна и делал на нем узорчатые насечки.

— Глупым делом занимаешься, — сказал Кучак.

— Ир-Манас носил ножи только с насечками, — ответил Джура.

— Так то Ир-Манас—богатырь!

— А я не богатырь? Тебя одной рукой валю, больше всех могу кумыса выпить и мяса съесть. Меня все боятся.

— Ну, я тебя переем, — уверенно сказал Кучак и погладил свой отощавший живот.— А вот сколько врагов ты убил?

— Я еще убью, я много убью,—сказал Джура. Они заспорили, и Джура в гневе намаял бы бока Кучаку, если бы Кучак вдруг не показал на Бабу.

Огромная черная охотничья сука дремала, свернувшись калачом. Обрубок ее хвоста напрягся и приподнялся. Спящая Бабу не изменила своего положения, но уши

ее насторожились и повернулись в сторону наружной стены, заваленной снегом.

Бабу дремала, но ее верхняя губа злобно поднялась, обнажив клыки: Бабу чувствовала приближение врага.

Еще через мгновение Бабу вскочила, подошла к стене и, опустив голову, стала напряженно вслушиваться. Потом она тихо зарычала.

По этому, еле слышному сигналу все кишлачные собаки злобно и вызывающе залаяли.

Джура прислушался, но не заметил ничего подозрительного. Все же, зная, что Бабу улавливает много таких звуков, которых никогда не услышит человек, Джура быстро влез на крышу и осмотрел окрестности. Кругом высились неприступные горы, покрытые льдом и снегом. В кишлак можно было пробраться или с запада, по оврингу, прижимаясь грудью к скале и хватаясь руками за выступы скал, или по саю¹, с юга, по узенькому карнизу над пропастью.

На занесенных снегом тропинках никого не было видно.

— Ты обманула меня,—недовольно буркнул Джура, обращаясь к Бабу. Но собака, влезшая по лестнице вслед за ним на крышу, не обращала на него никакого внимания. Подняв уши, она пристально смотрела на север. Джура удивился. Непроходимые пропасти на севере преграждали путь к южному подножию северных гор, граничивших с кишлаком. Джура посмотрел туда и обомлел: у подножия северной горы чернели какие-то точки.

Только сейчас Джура вспомнил, что обвал, сорвавшийся месяц назад, образовал снежный мост над пропастью, открыв путь в кишлак.

Джура громко закричал в дымоход, служивший дверью.

Кишлак всполошился. Больше всех встревожился старый асакал. Сюда никто никогда зимой не ездил. Этот край был отрезан горами от всего мира.

Лай затих.

Захватив карамультук, Джура пошел к северной горе, с которой свисала большая ледяная шапка. К ее подножию приближался враг. Бабу тихонько бежала сбоку,

¹ Сай — река в ущелье.

нервно ноющая незнакомые, нависшие в воздухе раздражающие запахи.

Сначала Джура хотел идти напрямик, но охотничий инстинкт превозмог пустое любопытство, и он решил выследить врага из засады. Джура свернул в сторону, к небольшой горе, стоявшей у подножия «ледяной шапки», чтобы, поднявшись на нее, под прикрытием камней на вершине хорошенько рассмотреть неизвестных людей.

В том, что это были люди, Джура не сомневался.

Бабу безмолвно шла впереди, выбирая удобный путь. Время от времени она останавливалась, поджидая Джуру, и нетерпеливо помахивала обрубленным хвостом.

Каждый неверный шаг грозил падением в пропасть, и потому Джура осторожно выбирал места, куда поставить ногу. Шаг за шагом, он медленно подымался на гору.

На вершине ее, точно столбы, высились камни. Пригибаясь к снегу и прячась за камнями, Джура пошел вперед.

Вдруг Бабу попятилась и, круто повернув голову вправо, застыла.

«Неужели они тоже успели подняться на гору?» — удивился Джура и решил обойти гору слева.

Он быстро пошел по склону влево, но едва достиг северной части вершины, как снизу, от подножия «ледяной шапки», послышался злобный, отрывистый лай незнакомой собаки. Оглянувшись, Джура увидел внизу, у горы, невдалеке от того места, где он сначала заметил черные точки, семерых людей. Это были басмачи.

Они быстро разбирали из вьюка ружья.

Джура поспешно присел, но его уже заметили. Он оглянулся на Бабу, но она стояла все так же неподвижно и смотрела в другую сторону.

«Значит, опасность с двух сторон. Плохо», — решил Джура и приготовился к бою. Он высек искру и зажег фитиль у карамульки.

Солнце зашло, и мгновенно наступившая темнота сразу окутала горы.

— Кто ты? — донеслось издали, от подножия «ледяной шапки».

— Я Джура! — гордо закричал охотник.

— Иди сюда, а то застрелим! — закричали басмачи, с трудом различая фигуру Джуры.

— А кто вы? — спросил Джура.

— Мы свои, — ответили басмачи. — Эй, ты, любопытная корова, поспеши, если не

хочешь, чтобы твой труп клевали вороны!

Джура никогда не видал столько чужих людей. Но первая встреча с ними не испугала его, а разозлила.

— Джура не боится вас, шакалы! — закричал он, потрясая карамультоком.

Он мог бы уложить их всех поодиночке: им некуда было укрыться. Но он вспомнил, что стрелять здесь нельзя, и потушил фитиль: выстрел мог сорвать лавину. Не раз, затаив дыхание, стараясь не кашлянуть и не чихнуть, проходил он, как тень, у подножия крутых склонов. Над ними свисали огромные ледяные глыбы и снежные сугробы, готовые сорваться вниз от малейшего сотрясения воздуха.

Вдруг Бабу грозно зарычала. Сзади Джуры, на той же скале, за камнями, показалось еще два человека с ружьями.

Джура стоял у северо-восточного склона горы. У подножия склона, справа, где начинается подъем на «ледяную шапку», стояли враги с винтовками в руках. Назад путь был тоже отрезан. Если бы Джуре удалось спуститься по склону к левому краю, он засел бы в камнях.

— Эй, ты! — кричали снизу басмачи нестройным хором простуженных голов. — Долго мы будем ждать тебя?

Джура свистнул Бабу. Повесив карамульку за спину, он подтянул полы халата из верблюжьей шерсти, сел на наст и с легким шуршанием медленно, а потом все быстрее и быстрее заскользил вниз.

Далеко простирался покрытый снегом склон.

Джура мчался со страшной скоростью. Сквозь прищуренные веки он видел, как мелькают и несутся на него камни. В ушах свистел ветер, спирало дыхание. От толчков Джура взлетал все выше.

«Скорее, скорее!» — хотелось крикнуть Джуре. Вдруг он заметил, что скользит вправо, к басмачам; чтобы свернуть в сторону, он уперся правой пяткой в снежный наст и прополол его. Освободившись от сковывавшего их наста, кучи снега свалились вниз, и среди них, как по волнам, летел Джура.

«Только бы не подмяло!» — думал он.

Он делал плавательные движения, чтобы удержаться сверху, боясь, что его подмнет снег, и то летел по воздуху, то зарывался головой в снег. Все сильнее нарастал в ушах свист. Джура уже плохо соображал: он бешено мчался вниз.

Вихрился снег... Но вот, наконец, небольшой толчок—и Джура остановился.

Он лежал неудобно на огромном сугробе, и ему не хотелось даже пошевеливаться. Понемногу Джура начал ощущать свое онемевшее тело. Потом он сел, быстро согнул и распрямил руки, потом ноги.

«А где же карамультик?»

Он лежал тут же, в снегу.

Джура встал, отряхнулся, осмотрелся.

Между тем басмачи, увидев, как он скользил вниз, решили, что он сорвался и разбился.

Но взошла луна, вершина горы запылала огнями, прогнав темноту, и басмачи увидели, что невредимый Джура стоит внизу, на сугробе снежной лавины, слетевшей вместе с ним.

Угрожая винтовками, они опять закричали, подзывая его к себе, но Джура побежал к камням. Тогда басмачи дали по нему нестройный залп...

Загуманилась ледяная вершина. Взвилась снежная пыль. Что-то загудело, загремело, сильный порыв ветра ударил Джуру и, как перышко, отбросил его в сторону.

Громадная лавина, уничтожая на своем пути все, стремительно летела вниз с горы-великана на метавшихся в ужасе басмачей...

Глава четвертая

Когда шум обвала затих, сугроб на малой горе зашевелился, и, стряхивая снег, из-под него поднялся Ивашко.

Все подножье «ледяной шапки» было завалено грудами снега.

— Идем! — толкнул Ивашко соседнюю кучу снега. Второй сугроб зашевелился, и Урумчи поднялся, протирая глаза.

— А где кишлак? — спросил он, отряхиваясь.

— Не в кишлак пойдем, а к обвалу, — сказал Ивашко.

Они отправились. Сорвавшийся с ледника снег, мчась в лавине, спрессовался в огромные ледяные кирпичи, и груды их высидели большими холмами.

Пробираясь по сугробам, партизаны услышали визг. Рыжий с белыми пятнами пес сидел, как прикованный, на куче снега. Цепочка-поводок была придавлена льдом. Чтобы освободить пса, срезали ошейник. Пес, еще недавно лаявший на них,

*

Когда Джура съел последний кусок мяса и вытер жирные руки о голенища ичигов, Искандер повторил свой вопрос.

Джура громко икнул, давая этим знать хозяину, что наелся и доволен. Ему и самому очень хотелось рассказать все с подробностями, как это делает старуха Айше, которая в течение целого вечера могла рассказывать о том, как собака украла мясo.

Он хотел рассказать, как он шел, что думал, где увидел басмачей и что им говорил, как он несся быстрее ветра по склону, как сорвалась лавина... Но он сдержался и ничего не рассказал: нехорошо охотнику быть болтливым, как старая баба. Чем меньше говорит мужчина, тем сильнее в нем дух.

Помолчав, Джура сказал:

— Было семь басмачей. Два яка. Одна собака. Всех задавила лавина.

— А других никого не было?—спросил, кряхтя от волнения, аксакал.

— Других? — нахмурился Джура. Он вспомнил о двух вооруженных людях, которые стояли на горе, недалеко от него, но, не желая беспокоить старика, сказал:

— Всех задавило.

— Ай, ай! — застонал аксакал. — Беда никогда не приходит одна!

жался к бойцу, пугливо поглядывая на Ивашко: он привык к халатам.

Измученные партизаны возвратились к якам и, посоветовавшись, решили поехать в ту сторону, куда ушел молодой охотник.

Куда ни смотрел Ивашко, все было мертво и безжизненно.

Он уже и сам не верил, что видел охотника.

В этих страшных высотах человек казался духом, а тень — человеком.

Смертельно уставшие кутасы¹ хрюкали и судорожно отфыркивались. Закатывая налившиеся кровью глаза, они брели без дорожек, без троп, напрямик, инстинктивно выбирая лучший путь через глубокие снега.

После гибели басмачей, которой так добавился Ивашко, напряжение упало, и он почувствовал страшную усталость и безразличие к собственной жизни. Ему было все

¹ Кутас — як.

равно: привезет ли его кутас в кишлак, или он сорвется в пропасть.

Вдруг залаял взятый ими пес: он почуял кишлак. Партизаны свернули в сторону и пошли быстрее.

Впереди на снегу шевелилось какое-то черное пятно.

— Медведь! — закричал испуганно боец.

С трудом сняли винтовки. Но, проехав еще несколько шагов, увидели крыши кибиток. Шевелившееся черное пятно оказалось дымом.

Всадники с трудом оторвали примерзшие к седлам брюки и спешили. Кутасы сейчас же легли отдыхать.

Ивашко и боец, спотыкаясь, еле ступая одуревшими ногами, взобрались на крышу и наклонились над дырой. Но тут же отшатнулись, захлебнувшись приторным, сладковатым запахом, и оба одновременно испуганно прошептали:

— Гульджан!

Гульджан — вестник голода. Это — мучнистое корневище, которое люди едят в горах Памира, когда нет никакой другой пищи.

Неведомый край. Неведомые кибитки. Неведомые люди. Может быть, погибшие басмачи вышли отсюда.

А может быть, голодные, одичавшие обитатели кишлака зарежут пришельцев в эту же ночь?

Пес поджал хвост и тихонько скулил от страха.

Снизу доносился многоголосый собачий лай.

Какая-то собака мучительно выла. Казалось, у нее вытягивают жилы.

Пес дрожал, как в лихорадке. Страх тянул его назад, но жгучий мороз заставлял ползти к дымящейся дыре, где была жизнь.

Ивашко протянул руки к дыму, но он был холодный. Выхода не было. Нужно было или идти назад, на верную смерть, или идти в кибитку. А может быть, в кишлаке и нет басмачей?

Может быть, их и не убьют, оглушив ударом бедренной кости верблюда по голове? Ивашко опять заглянул в дыру.

По лестнице, сплетенной из кутасых хвостов, Ивашко начал спускаться в теплую кибитку. Боец спускался вторым и тащил с собой пса.

Пристав к партизанам, караванный пес, не имеющий постоянного владельца, уже считал их своими хозяевами.

Он много бродяжил и хорошо знал собак и людей, но таких злых и страшных

собак, как здесь, он еще не встречал. Он жался к бойцу и тихонько повизгивал, даже упирался и не хотел спускаться в кибитку, где лаяли и рычали собаки.

Ивашко нерешительно остановился на качающейся лестнице.

— Эй! Кто там? — крикнул он.

Яростный и злобный лай с новой силой наполнил кибитку.

Собаки собрались в кибитке под лестницей и щелкали зубами. Они давно уже питались только отбросами людей и животных. В бледном лунном свете мелькали их худые ребра, дугой выпиравшие наружу, и сбита космами шерсть.

— Эй! Кто там? — закричал опять Ивашко, покачиваясь на лестнице и размахивая наганом.

Но лай голодных, остервеневших от ярости псов заглушал его голос: чужой и, может быть, жирный пес приводил их в иступление.

Ивашко выстрелил из нагана вверх, и в наступившей тишине Урумчи по-киргизски позвал обитателей кишлака.

Вспыхнул огонек костра. Кто-то отогнал собак. Ивашко с наганом в руке спрыгнул на пол и выхватил бомбу.

За ним спустился Урумчи со своим псом. Взяв Ивашко за руку, Урумчи сказал:

— Не надо. Если даже тут и есть басмачи, то в жилище они нас не тронут: так-то закон мусульман.

Громкий шопот перепуганных людей слышался из темноты. Огонь в костре дрожал от движения воздуха, тени и блики плели узоры на черных от сажи столбах кибитки.

Ивашко и Урумчи ничего не замечали. Присев у костра, они отогревали руки.

Старуха Айше, мать охотника Джуры, шептала заговор. Как знать, может быть, это не настоящие люди, может быть, это джины или альбесты¹?

Чужие, непонятные слова пришедших казались Айше заклинаниями.

На груди у каждого обитателя кишлака болтались талисманы от злых духов. Талисманы делались из голов и ног филинов и из ослиных камней — ишек-таш.

Ивашко так трясло от холода, что даже столб, к которому он прислонился, дрожал. Не доверяя мусульманским законам, запрещавшим трогать даже врага в своем жилище, Ивашко напряженно смотрел в

¹ По поверьям, злые духи, сродни чертям.

Проехав несколько шагов, они увидели крыши кибиток.

темноту и стискивал рукой револьвер. Люди, прятавшиеся в темноте, раздражали Ивашко.

Осмелев, старуха Айше, гремя своими костяшками, подошла ближе и стала ос-

матривать гостей светящимися, как у кошки, глазами.

Шум в кишлаке усилился. Ивашко не выдержал и, шагнув через костер в темноту, хрипло закричал:

— Не бойсь ста богов, старшего давай!

Урумчи добавил по-киргизски:

— Не расходишь, не шевелись!

Ужаснувшись святотатству неверного, переступившего через костер и тем самым оскорбившего огонь, обитатели кишлака вдруг завопили:

— О, аксакал! Где ты, подпора слабых, посох пешего? Где ты, где ты? Где ты, голодному пища, пешему лошадь? О, аксакал! Придешь ли ты спасти нас?!

Пока они кричали, Урумчи быстро подбросил в огонь польни. Костер разгорелся.

Тени разбежались. Убежали из кибитки и ее хозяйка. Огненные блики прыгали на черных стенах. Осталась только плакавшая от страха маленькая девочка.

Обитатели кишлака в страхе бежали в дальние кибитки, разыскивая спрятавшегося аксакала.

От разгоревшегося костра в кибитке стало жарко, как в бане. Одежда партизан оттаивала, от нее отламывались куски льда и со звоном падали на пол. Клубился пар. Однако скоро вся польня кончилась. Костер потухал. Ивашко стоял, все так же пристально всматриваясь в наполненную звуками темноту, но ничего не видел. Но вот вспыхнул последний огонек костра, и Ивашко от неожиданности прыгнул назад, ударившись спиной о столб.

Из темной дыры в стене, заменявшей дверь, к костру, медленно переваливаясь с ноги на ногу, походкой жирного гуся подошел аксакал в старом китайском халате из голубого шолка с золотыми драконами.

Так, по старинному обычаю, одевался в торжественных случаях аксакал.

Не узнав прадеда в новой одежде, затихшая было девочка опять заплакала.

Ивашко машинально поднял наган и навел мушку в лоб старику.

Вспотев от усилий и стараясь не показывать страха, аксакал продолжал важно шествовать, мольбами призывая на помощь духов.

— Арвахи, — шептал он, обращаясь к духам добра, — держите меня за руки и поддерживайте подмышки!

Ивашко вытер выступивший на лбу пот и сел к костру, положив наган на колени.

Вслед за аксакалом вошли Джура и низкорослый Кучак.

Джура взял аксакала под правый локоть, Кучак — под левый, и они бережно посадили его у огня. Аксакал кряхтел и стонал, желая показаться более слабым и

беспомощным, чем это было на самом деле: он хотел вызвать к себе сочувствие.

Поджав ноги, Джура сел справа, а Кучак — по левую руку аксакала.

Помолчали.

— Угостите пугников чаем, — прошептал аксакал.

— Зейнеб! — позвал Кучак.

Вскоре три высоких железных чайника стояли на углях.

— Спроси их, кто они? — сказал Ивашко и толкнул локтем разомлевшего у огня Урумчи, но тот ответил:

— Пока не выпьем чаю, спрашивать не полагается.

Снова помолчали.

Чайник зафыркал, заливая огонь. Красавица Зейнеб принесла старинные фарфоровые китайские чайники, сплоснула их кипятком и поднесла аксакалу.

Кряхтя, аксакал размотал длинный шолковый пояс, достал из его складок чай и бросил по щепотке в каждый чайник.

Чайники поставили возле огня. Джура хмурился. Он с завистью смотрел на винтовки.

Старуха Айше подала большую тяжелую толстогубую пиалу из красного камня. Сплоснув ее, аксакал налил на доньшко чаю и поднес Ивашко.

— Что он мне наливает на доньшко, пусть нальет полную! — обиженно сказал Ивашко. — Я пить хочу.

Но Урумчи прошептал:

— Бери, бери! Чем меньше на доньшке чаю, тем больше уважения.

Пили поочередно. Выпив чаю, боец начал говорить. Вспухший язык повиновался ему плохо.

Наконец, аксакал прошептал:

— У аскеров¹ оружие на нас смотрит. У аксакала много дум.

Гости спрятали револьверы.

Глаза слезились от едкого дыма. Запах гульдждана щекотал в носу. Гости чихали. Оглянувшись, они заметили, что у стен, завернувшись в шкуры, сидели на корточках кишлачники и жадно смотрели на невиданного никогда «таджика».

За стеной хрюкали кутасы. У Ивашко отлегло на сердце. Если в кишлаке есть еще скот, значит, еще можно жить, значит, гульдждан не был признаком сильного голода.

После чая захотелось есть. Но в курджу-

¹ Аскер — боец, солдат.

ме все сухари, сахар и мясо смерзлись в один ком. Ножи примерзли и не вынимались из ножен.

Отогрев у огня ножны, партизаны вытащили полуметровые ножи и, разрубив смерзшиеся сухари, дали часть аксакалу. Оставив половину себе, аксакал отдал вторую половину Джуре, отломив от нее маленький кусочек для Кучака.

Сутулый Кучак сидел, как обычно, когда бывал голоден, устремив глаза на луну.

— Почему старик дал ему мало сухарей? — спросил Ивашко.

Киргиз-партизан нехотя ответил:

— Так, он много на луну смотрит, значит, лунная баба у него ресницы пересчитала; а раз пересчитала, то он скоро умрет, зачем такому хлеб есть...

Опять долго молчали. Огонь потухал, каменный уголь в костре раскалился.

Ивашко расспрашивал аксакала о кишлаке, сколько в нем людей, сколько мужчин, узнал о единственном, имеющемся в кишлаке карамультуке.

Аксакал рассказывал нехотя и тихо:

— Это было давно, так давно, что и сказать трудно. В те времена еще журавли полки водили, а лукавая лисица, желавшая войти в доверие ко льву, творила суд над разными зверями.

— Голову сказками морочит, увертывается! — решили гости.

Рассказал аксакал и о былой славе и величии его племени. Поведал о тех временах, когда предки его — киргизы — занимали громадный край — от верховий Енисея до Индии. Говорил о боях с неверными, когда знамя Магомета обошло чуть ли не полмира; о том, как русские князья платили дань ханам и считали за честь целовать их туфли.

Рассказал о том, что в кишлаке все они живут, как одна семья, разводят скот да еще занимаются охотой. Они никуда не ездят, и к ним никто не приезжает.

— Сейчас очень плохо, голодаем! Гульджан едим! Киюки и архары ушли еще осенью куда-то на юг. Почти весь скот поели, остались на развод только кутасиха с кутасом да коза с козлом, — жалуясь закончил аксакал.

— Покажи кибитки, — сказал Ивашко и встал. Урумчи перевел.

— Проводите их, — сказал аксакал. Кучак взял большой карачирак, в котором пылала нефть, и пошел вперед.

Прибываясь в низеньких дверях, за ним пошли Ивашко и Урумчи, каждый из них

держал в левой руке винтовку, а в правой — револьвер. За ними следовал Джура.

Они обошли пять кибиток, похожих одна на другую.

Голье, черные от копоти стены, несколько шкур и подушек на полу, казан, чайники составляли все убранство кибиток.

Всполошившиеся женщины и девушки что-то торопливо прятали в ниши кибиток.

— Оружие прячут, — решил Ивашко и бросился к старухе. Она закричала и прижала узел к груди.

— Покажи! — громко приказал ей Джура. Развязали узел, там были тряпки.

— От кого она прячет? — спросил Ивашко.

— Они думают, что мы разбойники, — объяснил Урумчи.

Из кибитки в кибитку они проходили через ходы, прорубленные в сугробах снега. Эти ходы напоминали Ивашко шахты.

Везде, кроме кибитки аксакала, были голод и бедность. Партизаны вернулись к аксакалу. Он все так же неподвижно сидел у костра.

Убедившись, что никакая опасность со стороны кибиток им не угрожает, партизаны с еще большим удовольствием принялись за еду и только теперь заметили, что кипяток был негорячий. На этой высоте вода закипала при 58°. Снова все кишлачники собрались вокруг них. В глазах у них сверкали голодные огоньки. Партизанам было не по себе. Пища застревала в горле.

Джура, усевшись возле Урумчи, любовно поглаживал приклад его винтовки. Он хищно поглядывал на партизан, поскрипывая зубами.

Джура твердо решил, что ночью он убьет партизан, а винтовки их заберет.

Так поступил бы на его месте каждый богатырь.

«Жаль только, что старик-аксакал слаб, а Кучак — трус. Одному трудно будет справиться с двумя. А главное, собака будет мешать: предупредит», — думал Джура.

Трещала на углях польнь, разбрасывая искры. Искандер кряхтя снимал падающие угольки с колен Ивашко: хотел показать свое внимание гостю.

Ивашко стал спрашивать Джуру:

— Есть ли здесь озера?

— Есть, большие, — отвечал Джура, — с одного края другого не видно. Дороги тоже есть, но только для тех, кто в горах умеет ходить по льду, пьет свежую кровь киюков и архаров, кого горные духи поддер-

живают над безднами. Есть реки, есть бешеная река Сауксай. Много ичигов изорвал Джура на скалах, всюду излазил, но в верховьях Сауксая не был. Туда никому нельзя ходить. Там живет горный бог и водятся драконы. Всякий, кто пойдет туда, умрет страшной смертью.

Ивашко захохотал и тут же скривился от боли: кровь выступила на его потрескавшихся губах.

— Гости смеются? Они не верят?! Спросите мудрого аксакала Искандера, это он говорит.

Джура замолчал. Его густые черные брови сурово сошлись над переносицей. Прищуренными глазами смотрел он на насмешников-гостей.

Бойцы наелись и напились. Настала их очередь рассказывать.

— Мы не басмачи, — перевел боец, — мы преследуем басмачей, мы партизаны.

Но Джура не понимал: раз человек с ружьем и не охотник — значит, басмач. Значит, разбойник. Это, должно быть, басмачи, которые гонятся за другими басмачами. Первые награбат, вторые у них отбивают.

— Мы большевики, — говорил боец, — мы берем у богатых и даем бедным, чтобы все были равны.

— Так, — сказал Джура, — но почему же гости одеты в бедные овчины, а не в горностаевые или в лисьи халаты? Плохие, наверное, они бойцы, если не только бедным, а и себе не смогли достать хорошей одежды.

Урумчи разошелся. Он уже не слушал, что говорил ему Ивашко, а сам рассказывал.

— Все, что хочешь, у нас есть, — горячо говорил он. — Сядем в железную кибитку на колесах... Вы не знаете, что такое колесо? — удивлялся боец. — Это такая круглая штука, она катится... Не понимаете? — он поклатил пиалу по столу, но присутствующие не поняли. — Железная кибитка! В пять раз быстрее коня едет!

Все захихикали.

— А еще есть другая вещь, называется кино. Придешь ночью в большую кибитку, в сто раз больше этой!

— В ханскую! — подсказал Кучак.

— Правильно, в ханскую, мы отобрали у ханов кибитки; так вот, смотришь на белую стену, а кругом большевистские карачираки светят, огонь в них холодный, белый, и когда его тушат, так не дуют на

огонь, а только нажимают пуговку в стене.

Девушки опять засмеялись.

— А на стене, — продолжал Урумчи, — видишь, как тени живых людей берут, стреляют, едят, на лошадях скачут, убивают.

— Вай, вай, вай! — закричали в испуге старухи. — Он чародей, он может вызывать альбестов, тени умерших людей!

Джура сердился и исподлобья смотрел на бойцов. Он презирал их. Разве может на стоящий мужчина говорить такие глупости! Надо быть девчонкой, чтобы слушать эти сказки.

Аксакал беспокоился. Ему не по душе было, что партизаны привлекали внимание всего кишлака и что страна, откуда они приехали, может показаться лучше его родного кишлака Мин-Архар.

Хитрый старик кивал головой с равнодушным видом и приговаривал:

— Знаем, знаем, нас не удивишь, — хотя о многом он слышал впервые и сам этому не верил.

Тогда Урумчи рассердился. Он устал, хотел спать, а распухший язык повиновался плохо.

— Аксакал все знает, так пусть аксакал расскажет, — сказал он.

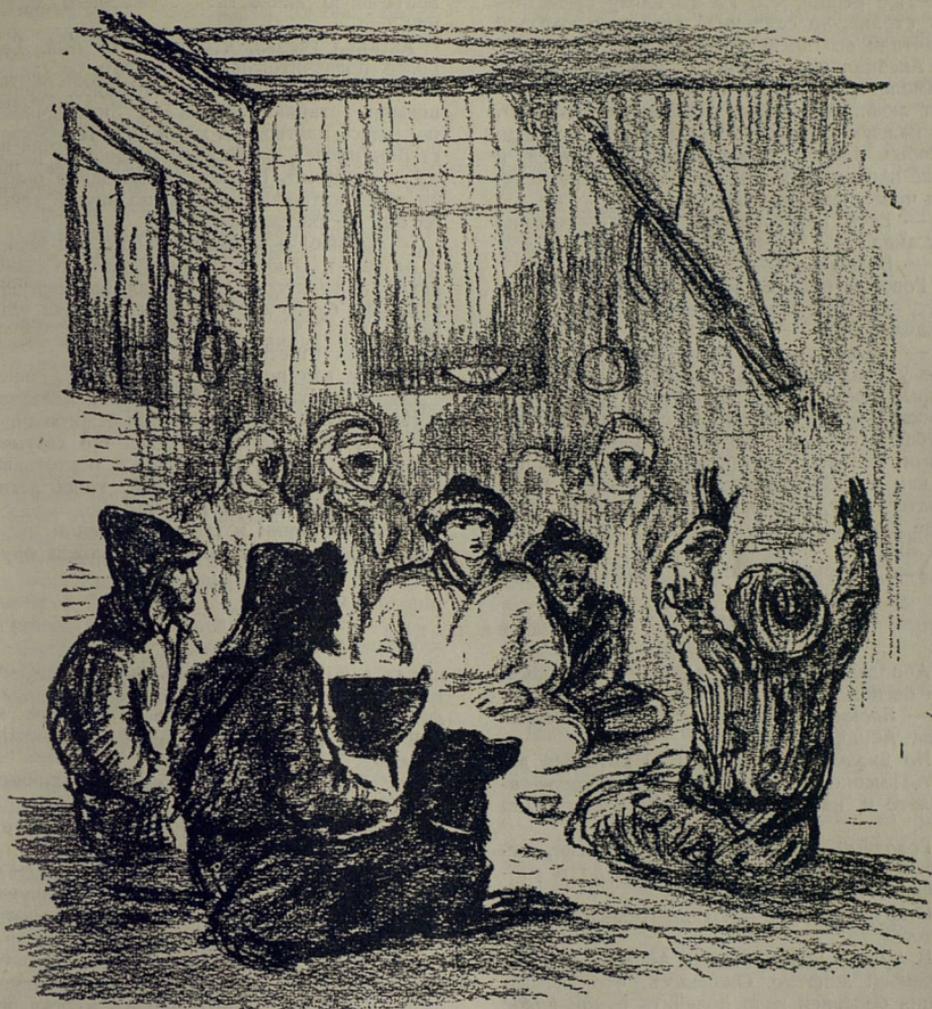
Наступило молчание. Все с негерпением ждали. И вдруг древний старик с подвязанной челюстью начал говорить.

Сначала он рассказал о себе. Какой он был храбрый, неоценимый богатырь. Он всегда хорошо ел. Не садился на плохую лошадь. Не надевал плохой одежды. Не был слутником плохого человека. О чем он расскажет, то показал ему бог, горный бог. Так начал аксакал.

— Мудр аксакал и знает, что, когда тоскует аргамак, он скучает о табуне. Аргамаку грезится, как он резвился у подошвы снежных гор. Нет молодца, который не тосковал бы о золотой родине своей, равной в его глазах священной Каабе. Белый сокол в неволе грустит по стае своей, вспоминая, как парил в заоблачной синеве. Нет мужа, который не заболит бы о безопасности рода своего; нет птицы, которая не заболит бы о гнезде своем.

Аксакал говорил неспроста: он хотел удержать молодежь от необдуманных поступков и поднять свой авторитет. Каждый может гнуть молодые деревья на свой лад, только старый ствол выправить нельзя.

Аксакал рассказывал сказки о какой-то неведомой стране — так казалось кишлач-

Аксакал рассказывал о железном ковре-самолете, на котором, как на птице, летают люди.

никам. Но партизаны почему-то кивали головами в знак того, что все это им было хорошо известно и что они приехали именно из этой сказочной страны.

Пятый раз Айше поддвинула земляного

жира в карачирак: так длинно говорил аксакал.

Люди в шкурах слушали, и им казалось, что аксакал вынимает эти мудрые слова изо рта у гостей. Желтый огонь трепетал

от мудрости аксакала, и хотя много было непонятного в словах старика, но Джура все же решил, что где-то наяву существует страна, та сказочная страна, о которой мечтали его предки тысячи лет.

Аксакал рассказывал о железном ковресамолете, на котором, как на птице, летают люди. Партизаны сказали: «Аэроплан». И каждую сказку аксакала гости называли особым именем. Даже Урумчи оживился; и уже наперебой старик и Урумчи перечисляли чудеса этой страны.

— Есть неистощимый сосуд, — говорил аксакал.

— Водопровод, — пояснял Урумчи.

Говорил аксакал и о железных верблюдах, которые режут землю железными омачами.

— Только, — добавлял аксакал, — это все у «таджиков», а глупым киргизам, которые прелстились бы этими чудесами и, бросив родной кишлак, пошли бы туда, отрубая голову или на всю жизнь делают рабами. Я знаю это так же хорошо, как то, о чем я здесь рассказывал. Даже гости наши подтвердили, что я все знаю. А я знаю еще больше. — И он искоса поглядывал на Джуру.

Так говорил аксакал, а партизаны тре-

можно перешептывались. Ивашко хотел немедленно арестовать аксакала как подозрительную личность: сбежавшего муллу или бая.

Аксакал уверял, что нигде не был. Тем более подозрительны были его рассказы. «Скрывается, гад», — думал Ивашко. Допрашивали старика долго. Все кишлачники поклялись клятвой на хлебе, что всю жизнь старик провел на Памире и никогда никуда не выезжал. Правда, очень давно бывали здесь китайские купцы, но ничего такого они не рассказывали.

— Вранье! — шептал Ивашко, он верил и не верил. Откуда старику знать о самолетах и тракторах? Аксакал рассказывал так, как будто все это видел своими глазами.

Аксакал ответил:

— Бог гор показал.

Гости недоуменно передергивали плечами. Но Джура и все кишлачники безоговорочно поверили аксакалу, считая его святым.

Аксакал ушел, ушли девушки, приготовив постели из шкур для гостей, ушли дети, старухи, ушли Джура и Кучак.

Развязав ремни и сбросив валенки, партизаны бросились на шкуры, положив оружие под голову.

Глава пятая

А в дальней кибитке Джуре не спалось. Он беспокойно метался на шкурах.

— Блохи, что ли, тебя кусают? — спросила Айше, его мать.

Но Джура не ответил. Ему хотелось летать высоко в небе на железном ковресамолете и, как кондор, смотреть сверху на мир.

Голодный Кучак у себя в кибитке, отдавая лунной тоске, тоже мечтал о сказочном, сытом мире.

Старухи и подростки шептались в темноте.

В ту же ночь старуха Айше гадала на бараньей лопатке. Оказалось, что для лечения болезней надо получить пучок волос от «таджика». Таджиком она, как и все кишлачники, считала всякого, кто не был похож на киргиза.

Уставшие партизаны заснули почти сразу, хотя сначала и решили дежурить, а спать поочередно; но сильное напряжение сменялось равнодушным усталостю.

— Чорт с ними! Пусть режут! — буркнул Ивашко, расправляя пальцами спивав-

шиеся веки и не особенно веря в мусульманские законы. — Хотя мой черед караулить, но не могу не спать!

В эту ночь в кишлаке спали только партизаны.

Как только гости заснули и костер погас, старуха Айше с большими ножницами в руке начала тихонько подбираться к спящим.

Пес, не оставлявший партизан, услышал крадущиеся шаги и заворчал. Старуха убежала. Пес бросился за убегающей. Прыгнув к двери, он тотчас же испуганно метнулся назад, заметив за дверью единственный глаз собаки аксакала по прозвищу Одноглаз. Ощетинившись и оскалив зубы, пес остановился возле спящих и начал беспокойно рыть ногами землю.

Успокоившись, он снова улегся, положив голову на вытянутые передние лапы. Но вот опять раздался еле заметный шум. Джура мягко и хищно приближался с тишью¹ на длинном топорике.

¹ Тиша — род топора.

Пес заворчал, спящие громко застонали. Смерть была рядом с ними, но партизаны спали крепко.

Пес ворчал тоскливо и злобно. Боясь, что лай разбудит басмачей, какими Джура считал партизан, он отступил в темноту и неожиданно столкнулся с матерью, старухой Айше.

Они поспорили.

Старухе нужен был клочок волос с живой головы «таджика». А Джура решил, что сначала он партизан убьет, а потом уже с мертвой головы срежет волосы. Старуха не соглашалась: она хотела сначала отрезать волосы, а потом пусть Джура делает, что хочет. Джура горячился: женщина вмешивается не в свое дело. Тогда Айше напомнила, что Джура не имеет благословения на убийство от акакала. Кроме того обоим мешала собака.

Они решили сначала убрать собаку. Потом Айше отрезет пучок волос, а Джура убьет «таджика» и киргиза. Но как убрать пса?

Джура позвал Бабу. Он пошел с ней в дальнюю кибитку, сел у карачирака и, обхватив голову Бабу, впился взглядом в ее умные глаза.

— Нехорошо, когда у собаки такие человечьи глаза, — говорил Кучак, боявшийся ее. А Джура смотрел в эти глаза и приказывал Бабу, требовал, внушал.

Сначала Бабу звала и гримасничала, отводила глаза в сторону, но потом покорилась, стала смотреть в глаза Джуре и уже не могла оторваться. Она слушала Джуру, слушала и понимала.

Сжимая до боли ее голову, Джура что-то нашептывал. Бабу не чувствовала ни боли, ни запахов, ни шума. Она видела и слышала только Джуру.

Наконец, вспотевший Джура отпустил ее. Знакомые запахи гульджана и навоза снова защекотали ноздри Бабу, и она чихнула.

Издали донесся грустный вой собак, собравшихся за кишлаком.

Старая истеричная собака, принадлежавшая старухе Айше, выла громче всех: раз начав выть, она никак не могла остановиться.

Бабу прокралась в кибитку к спящим партизанам и направилась прямо к чужой собаке.

Почуввав и увидев Бабу, пришелец настрожился. Бабу приближалась тихо. Губы у нее висели свободно, и она помахивала обрубком хвоста.

Хотя Бабу была самка, тем не менее пес весь взъерошился, поджал хвост и прижал уши к голове.

Но когда Бабу подошла ближе, он оскалится, улыбнулся и игриво вильнул хвостом.

Бабу понюхала его в нос и, припав головой к земле, заюлила поднятым хвостом.

Пес осмелел и тоже завилал хвостом.

Бабу, почесав передней лапой ухо и глаз, несколько раз прыгнула, припадая грудью к земле.

Пес совсем осмелел. Тогда Бабу, извиваясь всем телом, помчалась вперед в темноту. Пес бросился за ней.

По сильно пахнущему следу Бабу он промчался к вырытому в снегу ходу и выскочил наверх, в слепящую искристым снегом лунную ночь.

Он рванулся догонять Бабу, но наскочил на другую собаку и упал. Пришлый пес испуганно вскочил. Прыгнул к выходной двери. Но дыру загородил огромный, черный одноглазый пес, и все собаки в одно мгновение окружили чужака кольцом.

Он убрал уши подальше назад, поджал хвост и запрягал его под самое брюхо, так что кончик его высунулся около передних ног. Он оскалил зубы, выгнулся дугой и взъерошил шерсть: он хотел казаться больше и страшнее, вертелся во все стороны и грозно щелкал зубами. Но злые собаки неподвижно сидели вокруг.

Пес чувствовал их взгляды и кружился, как бешеный, ожидая нападения со всех сторон.

Но собаки не шевелились и только стали чаще дышать.

Чувствуя смертельную опасность, пес завыл. У него дрожали ноги, он выл и просил о пощаде. Он вызывал собак на вой, и если бы они завыли, то, наверное, не тронули бы его. В тишине послышался далекий снежный шорох: это Айше подкрадывалась к аскерам, но псу было не до нее.

Огромные собаки, злые и голодные, сидели и ждали сигнала вожака.

Самый молодой пес не выдержал и бросился на чужака, но сильный, упитанный, он вовремя отскочил в сторону, разорвал ухо у того пса и опрокинул его на снег.

Нападавший с визгом отбежал, но и тогда собаки не пошевелились. Чужой пес растерялся.

Но вот поднялся Одноглаз, шагнул вперед и, выпучив единственный глаз, помахал хвостом.

Чужой так обрадовался, что потерял вся-

кую осторожность. Он сам потянулся навстречу, хотя все еще боялся и поджимал хвост. Одноглаз опять шагнул к нему. Чужой смалодушничал и опрокинулся на спину, подняв ноги вверх. Он без боя сдавался на милость сильнейшего.

В тот же момент Одноглаз неожиданно схватил гостя за горло: через секунду на него бросилась вся стая.

Глава шестая

Джура осторожно прошел в кибитку, где мирно спали партизаны, и после непродолжительной борьбы легко связал полусонных людей, приговаривая:

— Не раскрывайте глаз, я выкололо их, не говорите ни слова, я отрежу вам языки!

Потом он забрал винтовки, прижимая их к груди.

— Я переводчик, я мусульманин! — кричал киргиз Урумчи. — Развяжи меня! Я только переводчик.

Но хитрость не помогла.

— Ничего, — отвечал Джура, — и белую и черную овцу привешивают за ноги.

Поведение Урумчи его не удивило: «Оторпевшая утка и хвостом ныряет».

На шум и крик, кряхтя от волнения, в кибитку быстро вошел Искандер.

— Мальчишка! — прошипел он Джуре. — Дурак! Какой же киргиз грабит гостей и убивает их в своем доме? Ты их накорми, дай им уехать в обратный путь, а по дороге убей и ограбь!

Джура не знал, что, уходя в свою кибитку, аксакал сказал на прощание гостям, обещавшим ему прислать летом продовольствие:

— Я награжу вас своей молитвой за добрые намерения, спите спокойно в моей кибитке.

— Уйди, старик! — закричал Джура. — Я сам нахожу в потемках дорогу, я отнял у них оружие и сейчас их зарежу.

— Ты безумец! — тихо сказал ему аксакал. — Я много видел и слышал на своем веку и скажу тебе, что в прошлом году кашгарский купец говорил мне, что если убивают одного таджика, на его место приходит сто.

— Тысяча! — закричал Урумчи. — Сто тысяч таджиков-большевиков придут! Лучше

Над тесной кучей собачьих тел поднялся пар и, замерзая в воздухе, заиндевел на их шерсти.

Бабу подняла к луне голову и жалобно завывала. И все собаки, усевшись вокруг, тоже завывали.

Рыжая собака Кучака и серая сука старухи Айше долго еще ссорились, выгрызая кровавые пятна на оледенелом снегу.

Отпустите, если не хотите своей смерти! Я обещаю, что мы не тронем Джуру, хотя он и напал на нас.

Ивашко катался по полу, стараясь разорвать веревки. Но это было невозможно: Джура крепко завязал узлы.

— Я прокляну тебя, мальчишка! — кричал аксакал. — Знай, что я гадал по «Юйся-цзян», по запискам из нефритовой корочки, завещанной мне делом, и узнал, что гостей надо отпустить, иначе бог накажет тебя и весь кишлак.

Джура растерялся и опустил винтовки на zemлю.

Бойцы были спасены; на другой день они уехали из кишлака. Уезжая, бойцы захватили единственный во всем кишлаке карамультек Джуры.

Искандер просил оставить карамультек для охоты, но Ивашко через переводчика Урумчи сказал:

— Спасибо тебе, старик, ты дал нам кров и согрел нас, ради тебя мы помиловали Джуру. Но кости наши до сих пор болят, и мы не хотим, чтобы пули Джуры догнали нас на обратном пути. Он отчаянный парень и способен на все. Если он поедет с нами, тогда мы дадим ему ружье. Летом я снова приеду сюда с продуктами и ситцем и привезу карамультек обратно. Джура, нахмурившись, молчал.

Его очень тянуло в далекие страны, посмотреть новых людей и всякие чудеса, поохотиться в незнакомах горах, но обидя за отобранный карамультек и потерянные винтовки наполнила его сердце гневом, и он со злобой сказал:

— Вы умрете прежде чем доедете домой! Да поразят вас прыжки молний, да сгниют ваши внутренности по частям!

Партизаны уехали одни.

Глава седьмая

Кишлак голодал. Тихо стало в кибитках, как будто вымерли все жители. Не было ни шума, ни суеты.

Не хватало сил принести каменных дров и земляного жира. Кишлачники бродили бледные, худые и шатались от слабости.

И все же аксакал берет последнюю кутасиху, кутаса и козу с козлом. Еще более злой, еще более сморщившийся, аксакал дневал и ночевал в атхане¹.

Изголодавшиеся старухи вместе с Кучаком пробовали выкрасть козу, но каждый раз аксакал их прогонял.

Наконец, старухи так осмелели, что чуть не избил аксакала; тогда Джура поручил стеречь животных Бабу. И она не пропустила в атхану ни человека, ни собак.

Хуже всего приходилось собакам. Люди хоть и недосыта, но ели мучнистый корень — гульджан, собак же совсем не кормили.

Шерсть на них свалилась еще больше и ребра выпирали из боков.

Одну только Бабу, как знаменитую охотничью собаку, кормили наравне с женщинами.

Но приближалась весна. Это было заметно по солнцу. Кишлак в зимние дни мерз в тени, потому что солнце всю зиму пряталось за высокими горами, а теперь оно поднялось и в полдень уже выглядывало из-за горы, согревая землю.

Обтаяли вершины холмов. Желтые песчинки, принесенные с этих холмов ветром, рассыпанные по снегу, накалялись под солнечными лучами и прожигали снег.

На этой высоте снег испарялся не тая.

— Сарыкар пришел, желтый снег пришел! — обрадовались все в кишлаке.

Собаки уже по целым дням грелись на обнажившихся из-под снега крышах кибиток.

В предгорьях, возле кишлака, Джура и Кучак уже ловили силками горных куропаток. В кишлаке появилось мясо, стало веселее.

А солнце все пригревало и пригревало, слизывая своими лучами снег.

— Кучак, Кучак! — разносился по утрам на весь кишлак крик Джур. И Кучак никогда не откликался на крики.

Тогда Джура давал Бабу понюхать старый халат Кучака и посылал ее на поиски. Обычно лай Бабу доносился с крыши какой-нибудь кибитки, где на разостланных шкурах дремал Кучак, согретый теплыми лучами солнца.

— Вставай, сонный сурѳок, бери кожаные мешки и иди за мной! — кричал ему Джура, подходя к кибитке. Но Кучак притво-

рялся спящим. Не дождавись ответа, Джура кричал: — Кыш, кыш, кыш! — и Бабу, схватив Кучака зубами за меховые штаны, тащила его по крыше. Кучак упирался, ругался и, наконец, тяжело вздыхая, спускался с крыши.

Нехотя плелся он за Джурой, проваливаясь в рыхлом, зернистом снегу. Они всходили на обнажившиеся вершины холмов и, опустившись на корточки, осторожно соскребали ножами серый налет с просохшей, успевшей потрескаться щебенистой глины. Это была селитра, они горстями ссыпали ее в кожаные мешки.

Бабу подолгу внимательно смотрела на работавших, нюхала землю и потом ретиво принималась рыть когтями: комья глины и щебень летели во все стороны.

— Ложись! — приказывал ей Джура. Бабу нехотя ложилась. Соскучившись, Бабу убежала к девушкам, рывшим гульджан на склонах гор.

Кучак со вздохом смотрел ей вслед.

— Она разыщет все гнезда и соберет все яйца куропаток, а я их так люблю, — со слезами в голосе говорил Кучак.

Выходя по утрам из кибитки, аксакал сердился. Опустив голову и подняв плечи, он прищуренными глазами хищно вглядывался в сай, туда, где из вечно горячих источников подымались водяные пары.

— Эй, Джура, ну как? — спрашивал он и жевал губами.

— Нет еще пути, обвал не прошел, — отвечал Джура, поглядывая на ближний склон горы, забитый снегом.

Одной ночью весь кишлак проснулся от грохота. Лаяли собаки, и испуганно хрюкали кутасы.

Джура пришел к аксакалу в кибитку и сказал:

— Обвал прошел, путь свободен.

Аксакал молча кивнул головой.

Утром Джура и Кучак пошли вслед за аксакалом вниз, к саю, захватив с собой топоры и кожаные мешки. Шли они по вновь образовавшемуся снежному пути, насыпанному лавиной.

Лавина завалила снегом непроходимые пропасти, пересекавшие горы, и проложила сплошной снежный путь вниз.

Летом, когда снег лавины таял, открывая пропасти, в сай спускались по узенькому карнизу и ходили по нему до осени, пока он не обмерзал скользким льдом. Тогда уже никто не мог пройти по нему, и пути в сай не было всю зиму.

¹ Атхана — конюшня.

Путники быстро спустились по спрессованному снегу в глубокое ущелье и по берегу горной реки, протекавшей внизу, вскоре достигли вечно горячих источников.

Клубы пара скрывали высокий берег, на котором находились источники. Снегу здесь не было, кругом зеленела трава и водоросли. Кучак потрогал землю рукой, она была теплая. Пахло серой.

Осторожно переступая через потоки горячей воды, подошли к большой яме с горячей водой. Джура разгреб землю, обжигая руки, и, ихнув туда десяток яиц куропатки, засыпал их сверху землей.

Потом пошли влево, к другому, менее горячему источнику. Помолвившись, аксакал, сбросив халат, но не снимая рубахи и штанов, чтобы не простудиться, полез в яму с горячей водой.

— Лезь сюда,— сказал он Кучаку,— ты тоже исцелишься и выгонишь из своего тела духов, тех арвахов, которые причиняют людям боль в суставах и костях.

Кучак попятился.

Но Джура быстро сорвал с него одежду и, раздевшись сам, потащил его за собой в яму.

Вода была горячая, и сидеть в яме было приятно.

Солнце начало склоняться, когда аксакал и Джура вылезли.

Немного погодя Джура принес аксакалу испекшиеся в горячей земле яйца.

Кучак не хотел вылезать. Пока аксакал переодевался, Джура поднялся выше в горы, где желтели холмы, наколот серы и сунул ее в мешок.

В кишлак возвратились к вечеру, довольные и веселые.

Несколько дней подряд Джура охотился с капканами. Подолгу стоял он на вершине горы Драконов, внимательно вглядываясь в окружающие горы, и удивлялся. Где же киики? Куда исчезли архары? Не видно даже волков и барсов. Парили только кондоры и орлы, да изредка доносился снизу свист улара.

Однажды вечером, возвратившись с охоты, Джура пришел в ярость, узнав, что Кучак все еще не изготовил пули. Отшвырнув двух связанных уларов, пойманных живьем, он решил побить Кучака. После долгих поисков Бабу вытащила Кучака из яслей в атхане, куда он забился в страхе.

К этому времени Джура уже перестал сердиться и заставил Кучака всю ночь лить пули.

— Зачем тебе пули, ведь карамулькутак нет!— жалобно говорил Кучак.

— А ты забыл о двух карамулькуках, спрятанных у Биллянд-Киика? — напомнил ему Джура.

Кучак потел, обжигал пальцы, но всю ночь старался усердно помогать Джуре и обливал камешки расплавленным свинцом, который они сами топили из свинцовых камней.

Всю ночь до утра они делали пули, и за всю ночь Джура не сказал Кучаку ни одного слова. Он хмурился и морщил лоб.

Ранним утром, когда солнце еще не взошло, Джура пришел в кибитку к аксакалу.

Он сидел у костра и вопросительно посмотрел на вошедшего Джуру, черного от несмытой копоти. Джура посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

— Кииков нет. Архаров нет. Уларов нет. Горы опустели. Ждать до осени, пока киики откормятся и станут жирными, нельзя. Мяса нет. Пошли меня и Кучака на охоту.

— Сам знаю,— сердито сказал аксакал, недовольный тем, что Джура слишком смело смотрит ему в глаза.— Я посмотрю в книгу судеб, в «Юй-ся-цзян», в записки из нефритовой коробки, и скажу тебе, когда, в какую сторону и к каким горам нужно идти на охоту.

По китайскому летосчислению наступило время Лун-тай-тоу, или время, когда дракон поднял голову. Аксакал, полукиргиз, полудунганец, придерживавший китайского летосчисления, решил, куда послать Джуру и Кучака на все лето заготавливать мясо кииков и архаров.

Пока аксакал гадал, Джура разыскал Кучака в кибитке и разбудил его.

— Вот что,— сказал он ему,— аксакал сейчас гадает по запискам из нефритовой коробки. Он предскажет нам, в какой стороне мы убьем дичь. Туда мы должны будем идти. Но что мы будем делать, если он пошлет нас не на юг, к Биллянд-Киика? Ведь только там есть у нас карамульки, которые мы запрятали в прошлом году в дупле большой арчи.

У Кучака сразу отшибло сон. Он быстро сел на корточки и начал ковырять пальцем в носу. Он думал.

— На запад пойдем,— сказал он,— плохо, на восток пойдем— очень плохо, на север пойдем— еще хуже. Пальцем киика не убьешь, а капканом много тоже не наловишь. Разве попросить аксакала, чтобы

он вымолил для нас у духов зверей счастливую охоту с капканами?

Джура презрительно скривил губы.

— Для этого надо принести в жертву белого лунорогого киика, а где его поймать?—сказал он.

Джура ушел от Кучака и долго бродил томясь, потом влез на крышу и тихоенько заглянул через дымоход к аксакалу.

Огонь костра освещал коричневое, морщинистое лицо аксакала. Аксакал сидел у костра поджав под себя ноги, а на его коленях лежала толстая старая книга. Аксакал закрывал глаза, раскачивался, а потом, внезапно раскрыв книгу, тыкал в нее своим костлявым пальцем с длинным кривым ногтем.

Джура прислушался. Аксакал шептал про себя:

— В сторону восходящего солнца, на восток, указывает книга, но там они ничего не убьют. — Аксакал почесал бороду и посмотрел вверх, но Джуры уже не было.

Аксакал захопал в ладоши и приказал вбежавшей девочке позвать всех кишлачников.

Пришла Айше со старухами и пожилыми женщинами, пришла Зейнеб с девушками, пришли Джура и Кучак. Все молчали. Аксакал, облаченный в шолковый китайский халат, расшитый золотыми драконами, встал.

Потом он обеими руками поднял над головой записки из нефритовой коробки и торжественно показал книгой на юг. Его глазки насмешливо и хитро сверкали.

Все облегченно вздохнули.

— Благодарите мудрость судьбы. Она посылает вас на юг, там, у Биллянд-Киика, водится много жирных архаров и кииков. Да будет ваша облава добычлива!—так закончил аксакал. По обычаю, он не употреблял при сборах слова «охота»: иначе не будет успеха.

— В верховья Сауксая не ходите, — наставлял аксакал, — там бог гор накажет вас смертью!

— Да побольше колбас из уларов принеси, — просила Джура красивая Зейнеб.

Вечером Джура уединился с аксакалом в кузницу. Кишлачники, потушив огни, тихо сидели в кибитках. Так приказал аксакал.

Глава восьмая

В час тигра — около четырех часов утра — Джура и Кучак, одетые с головы до пят в пушистые козы шкуры, отправились в путь.

Только в кузнице горел огонь, колеблющаяся пламя карачирака освещало плотно сжатые губы и высокий нахмуренный лоб Джуры.

Возле него сидел аксакал. На весах с каменными гириями он взвесил селитру, принесенную с гор Джурой, потом отвесил серы, добытой внизу, близ целебных источников. Наконец, отвесил толченого древесного угля. Засыпав отвешенное в чашу, Джура смочил все водой, просушил и высыпал засохшую смесь в ступку. Глухие удары каменного пестика о каменную ступку разносились по всему кишлаку. Перетерев все в мелкий черный порошок, Джура навалил в горн кучу польны, засыпал ее каменным углем и обильно полил нефтью.

Тем временем аксакал подошел к улару, большой серой птице, лежавшей связанной в углу, разрезал путы и, взяв ее за ноги, поднял над головой.

Улар почувствовал свободу, захопал крыльями; черная копоть сорвалась с потолка и со стен. Джура поднес карачирак и поджег польнь. Костер запыхал. Аксакал, с трудом удерживая сильную птицу высоко над головой, трижды торжественно обошел вокруг Джуры.

Птица громко хлопала крыльями, стараясь взлететь.

Совершив «айнашивак» — круговую жертву, — бормоча заклинания, аксакал выпустил птицу в дымоход, потом взял второго улара, зажал птицу между ногами и, вынув нож, перерезал ей горло. Аксакал поднес птицу к огню и брызнул кровью в огонь. Кровь затрещала. В тот же момент Джура бросил в огонь немного пороха. С шумом, разбрасывая угли, порох загорелся, осветив задымленную кибитку. Сноп черного дыма взвился под потолок.

— Удача, удача, хороший порох! — кричал радостно Джура.

На этих же углях Джура зажарил улара в перьях. Очистив верхний, подгоревший слой, они с аксакалом молча съели душистое, вкусное мясо и, впустив Бабу, бросили ей кости.

Айше при виде багрового зарева на тучах, низко пронесившихся над пылавшим в кузнице горном, сейчас же побежала по кибиткам оповестить об удаче.

Кучак — пожилой, небольшого роста, волосатый, как обезьяна, с руками до колен и старчески сморщенным, но розовым личиком, с небольшим курносом носом

и ртом до ушей—свалился уменьем зловолья впрок мясо.

Высокий, костистый восемнадцатилетний силач Джура нес в ружейном чехле, разри-сованном головами барсов, свинце и поро-хов, а Кучак навьючился множеством мешочков с пахучими травами и перцем. За-паса соли не брали: много каменной соли: голубой, розовой и серой — было в горах у Биллянд-Киика. Но Кучак предпочитал брать чистую, белую соль из соляных вы-потов по берегам соленых ручьев.

Кишлак, огороженный рогами архаров и кииков, с его голодом и тоской остался позади. Охотники шли, вооруженные пал-ками и тишой.

Были бы у них и винтовки, если бы в ту памятную ночь аксакал не помешал Джуре резать партизан.

Быстро и легко шагал Джура по твердо-му, хрустящему насту, скованному утрен-ним морозом. За ним еле поспевал Кучак. Кроме трав он нес мешочек ячменной му-ки, хранившейся в тайниках аксакала для особо важных случаев.

Джура шел налегке, он нес только бое-припасы: не подходит ему, главному охот-нику рода, быть тащишкой¹.

С охотниками шли собаки.

Бабу резвилась. Еще задолго до высту-пления, заметив, что Джура снял со стены ружейный чехол, Бабу стала у двери ки-битки, нетерпеливо повизгивая и пересту-пая с ноги на ногу. Она вся дрожала от проснувшейся охотничьей страсти — пре-следовать дичь, искать в горах, догонять и хватать живое, бегающее мясо! Бабу устала от скучной жизни в кишлаке, от постоянных драк и мелких ссор голодных, жадных и завистливых собак.

И сейчас она неслась по насту, вдыхая неподвижный, морозный воздух. Умчав-шись далеко вперед, она вдруг останавли-валась, нетерпеливо поджидала охотников и снова мчалась, выносивая запах козлов.

А воздух был наполнен запахами. Но охотники их не чувствовали, даже Рыжая, собака Кучака, равнодушно плелась сзади. Но умная Бабу различала малейшие оттен-ки самых тонких запахов: вот пронесся запах старых волков, и сейчас же запахло молодой дикой индейкой — уларом.

Джура шел все быстрее, и вспотевший Кучак не поспевал за ним. Когда Кучак от-ставал, Джура посылал Бабу. Она мчалась

к Кучаку, хватала его за хаят и тянула его без усталы вперед.

Кучак спотыкался, он задышался. А Джу-ра, раздраженный весной, возбужденный предстоящей охотой, кричал:

— Ого-го-го!.. Блошиный богатырь, мясо прозеваешь!

Кучак ругался, но ударить Бабу — зна-чит обидеть Джуру. Она боялась и не хотел этого.

«Зачем ссориться? Разве Кучак не хо-тел вкусной поджаренной печонки, оберну-той нутряным жиром, и яиц уларов — ди-ких индеек?! Лучше сорок раз упасть, чем бить Бабу, которая так хорошо находит мясо и яйца!»

Альпийские галки с красными носами и ногами кричали, летая над охотниками.

Вскоре охотники шли уже по берегу бурлящей, горной речки «Голубая вода». Много лавин с гор осыпалось в реку, пре-граждая ей путь и образуя целые плотины. Но вода промывала себе дорогу внизу, под этими лавинами. И по ним, как по мостам, путники переходили с одного берега реки на другой.

Все выше подымались охотники, перева-ливая через горы. Они шли по приметам, известным Джуре, шли над обрывами, шли по киичьим тропинкам, где две ноги не по-мещались рядом, шли, стараясь держаться солнечной стороны. На солнце было тепло, зеленели альпийские луга, а в тени лицо мерзло от мороза. Так бывало даже ле-том.

Охотники переходили луга; тюльпаны за-девали их за ноги: фиолетовые, розовые, желтые, голубые с разноцветными крапин-ками и полосками цветы кивали головка-ми под слабым северным ветерком.

Напускная солидность Джуры, как толь-ко он покинул кишлак, растаяла под луча-ми солнца. И, весело напевая, он бодро ша-гал вперед.

— Эй, блошиный богатырь! Подпевай!— кричал он Кучаку. Но Кучак, все время еле поспевавший за ним, качал головой; он жаловался, что он охрип и не в голосе.

«Где уж тут петь, когда едва успеваешь цепляться за выступы скал, чтобы не со-рваться в пропасть! Страшно идти по кру-тизне!»

Голодные и усталые, они часто садились отдыхать. Джура жадно осматривал склоны гор, на которых виднелись киики, а Кучак любовно гладил руками цветы. На то он и Кучак.

Наконец, они дошли до перевала. Силь-

¹ Тащишка — грузоносчик.

ный северный ветер валил их с ног. Сугробы снега, сорвавшиеся с окрестных гор, доверху забили широкие ложбины, преградившие путникам дорогу.

Кучак боялся.

— Попробуй, перейди эту белую трясину!— кричал он. Кучак знал, как опасен мокрый зернистый, подтаявший на солнце снег. Ступишь в него—провалишься, и тогда смерть. Прощай архарья печонка с жиром!

— Рано идем,—ворчал Кучак.—Архары еще не обросли жиром. Вот осенью и дороги хороши и у архаров на три пальца жира под шкурой.

Джура молчал. Он приказал Бабу идти вперед. Бабу подошла, ступила на снег передней ногой, провалилась и быстро отпрыгнула назад.

— Вперед!—крикнул ей Джура, но Бабу улеглась и отвернула голову в сторону, сделал вид, что не слышит.

— Теперь и я вижу, что идти нельзя,—сказал Джура.—Надо дожидаться утра, когда подмерзнет.

На ночевку спустились к обнаженным синим скалам. Ночевали в щели под нависшим камнем у летнего пастбища — джайляу,—где еще с осени женщины оставили

заготовленные кучи кизяка. Растопили в казанке снег, вскипятили воду и с наслаждением, до пота, пили болтушку из муки—атала. После гульджана атала казалась сладким кушаньем.

Пока грелась вода, Рыжая скулила от голода. Бабу ждала спокойно.

Джура тоже ел спокойно, не торопясь. А Кучак давился и глотал дымящуюся аталу, обжигая горло и рот.

Поев, Джура протянул было пиалу с аталой Бабу, но Кучак, взвизгнув от негодования, вырвал ее из рук Джуры.

— Ты голову потерял!—закричал он.— Собака — нечистое животное, и своим черным, нечистым носом она будет лезть в пиалу, откуда едят мусульмане?!

Он отошел, ворча, в сторону, разыскал в камнях углубление и налил туда немного аталы. Остальное он хотел доест сам.

— Не жадничай!—крикнул Джура. Тогда Кучак вылил все.

Рыжая, толкнув Кучака, бросилась к атале. Как и ее хозяин, она начала жадно глотать, обжигаясь и повизгивая. Бабу была тоже голодна, но она подождала, пока атала остынет, и осторожно, не спеша, принялась слизывать болтушку.

Глава девятая

Утром, до восхода солнца, охотники начали переправляться через снежные трещины.

Они легли на подмерзший снег и осторожно поползли, делая плавательные движения. Одно неосторожное движение — и зыбучие снега навсегда поглотят неловкого. И когда снег внезапно с хрустом оседал под тяжестью кого-нибудь из них, и люди и собаки замирали в ужасе, стараясь даже не дышать.

Переправа была особенно мучительна для собак. Снег набивался им в нос, в рот, залепляя шерсть. К тому же они были беремны и не так ловки, как обычно.

Много дней подряд шли охотники через горы, реки и ледники.

Воздух струился над поверхностью снега, но ни один ручеек не вытекал из-под сугробов. На этой высоте снег сразу испарялся. Казалось, солнечные лучи нетерпеливо и поспешно слизывают его со склонов.

Иногда Джура громко проклинал людей, увезших его карамультук. Кучак огляды-

вался по сторонам и замечал на склонах стада пасущихся архаров и кииков. Чем дальше в горы, тем больше их встречалось. Испуганные киики медленно уходили в горы или, остановившись, удивленно поглядывали на охотников. Тогда Бабу неистово мчалась к ним, но достигнуть ни одного не могла: маленьких киичат еще не было, а взрослые киики быстро убежали.

Путь подходил к концу. На последнем перевале, у водораздела двух соляных рек Туз-Су, свергавшихся водопадами с огромной высоты в разные стороны, Джура свернул к красным скалам. Глубоко внизу виднелся Сауксай. В этом месте гора была как бы разрублена пополам. В расщелине мчался Сауксай; гладкий, вылизанный ветрами обрыв отвесно вздымался над этой бурной рекой.

Гигантская каменная стена была вся рассечена трещинами, незаметными издалека. Они были достаточно глубоки, чтобы вместить человека. Выбрав одну из таких трещин, доходившую до реки, Джура приготовился к спуску.

— Обойдем, поищем тропы,—трусливо попросил Кучак. Но аксакал воспитал у Джуры ненависть к киичьим тропам.

— Прокладывай первым путь, пусть по твоим следам идут караваны,—говорил ему аксакал.—Только люди-овцы ходят по одной и той же дорожке, а храброму охотнику, богатырю, стыдно ходить киичьими тропками! Как киик-вожак прокладывает тропинку и идет впереди стада, так и ты должен идти впереди племени!

Джура не ответил Кучаку. Он позвал Бабу. Осторожно поднял ее и уложил на плечи. Хотя Бабу должна была скоро оценить, но она спокойно лежала, свесив ноги по обе стороны шеи Джуры. В ее карих глазах видна была покорность и доверие к хозяину.

Придерживая собаку за ноги, Джура стал на колени, спустил ноги в щель, которая была как раз по ширине его тела, и, упиравшись локтями и коленками в выступы щели, начал спускаться.

Кучак, предварительно помолвившись, крихтя, хотел было тоже спускаться, но Рыжая ерзала у него на плечах и жалобно выла. Тогда он привязал ее арканом к спине и полез опять. Ноги и руки у Кучака дрожали от страха и сильного напряжения, он стонал, зывал к добрым духам — арвахам.

«Глупый Джура, — думал он, — из-за его гордости мы погибнем здесь».

Упираясь локтями, коленями, спиной и даже головой, охотники опускались по щели все ниже и ниже. Шум Саукса, еле слышный наверху, доносился все громче.

Джура спускался лицом к реке, а Кучак спиной, до боли зажмурился от страха глаза.

Уже совсем внизу, когда Джура давно уже стоял на высоком берегу, у Кучака под рукой сорвался камень. Он закричал:

— Падаю, держи меня!

Джура захохотал и ответил:

— Падай!

Кучак все же удержался, открыл глаза и увидел, что ему остается сделать только шаг, чтобы стать на берег.

— Это я пошутил, — сказал он.

Внизу гремел Сауксай.

— Бешеный Сауксай,—говорил о нем аксакал, — сумасшедшая река!

Чем ближе подошли к Сауксаю, тем сильнее волновался Кучак: он больше всего боялся Саукса.

Начинаясь далеко на востоке, в заоблачных горах, Сауксай сначала журчал небольшим потоком с камня на камень. Потом вода падала водопадом с уступа на уступ, и, с ревом ударяясь о скалы, река неслась вниз.

Множество камней катилось по дну Саукса. Камни ударялись о камни. Они бились о скалы, сдвигая каменные глыбы в десятки пудов весом. Они с шумом и грохотом катились по дну, увлекательные водой с такой же легкостью, как детские мячи.

Бурные валы, покрытые пеной, с ревом неслись вниз, разбрызгивая пену.

Гром и стон стояли над рекой, затуманившейся от брызг. Даже Джура удивился: он никогда не видел, чтобы весной река несла столько воды. Летом другое дело: тогда тают ледники и Сауксай разливаются во всю ширину своего огромного русла.

В недоумении стоял Джура на берегу реки. Когда же по реке пронеслись глыбы снега, Джура усмехнулся и сказал перепуганному Кучаку:

— Смотри: вода уменьшается с каждым вздохом, видишь куски снега в воде? Это где-нибудь сверху лавина завалила русло и остановила воду, а сейчас вода прорвалась.

Через час вода спала. И все же это был страшный, бурливый и холодный поток.

Джура взял длинный аркан и, размахнувшись над головой, метнул его через реку. Петля попала на камень по другую сторону реки. Джура и Кучак сняли халаты. Штанов и рубах они не снимали, чтобы в воде было теплее. Груз уложили и привязали на плечи. С верховой Саукса доносились раскаты грома. Это падали лавины. Остатки их то сдерживали воду, то разрывались под ее натиском, и река поэтому текла неравномерно, то разливаясь, то суживаясь.

Выждав временного затишья, Джура, держась за аркан, вошел в бурлящую воду.

Когда Джура, перехватывая аркан руками, достиг середины реки, он потянул за конец аркана. Бабу, никогда раньше не боявшаяся воды, тихо повизгивала, глядя на реку, покрытую белой пеной. Бывало Бабу сама прыгала в реку, но теперь она чувствовала, что должна скоро родить, и инстинкт самосохранения заставлял ее слегка упираться. Бабу, перевязанная арканом через грудь, осторожно вошла в воду.

Течение тотчас сбило ее с ног и по несло.

Аркан напрягся, как струна. Волны захлестнули Бабу. Ее крутило течением и затягивало под воду. В пене то и дело мелькали то ее голова, то хвост.

Джура боялся, как бы аркан не вырвался из рук, тогда Сауксай отнесет собаку в бушующую рядом многоводную реку Муксу и Бабу погибнет.

Она почти захлебывалась. В брызгах и пене налетавшей воды Джура уже не видел Бабу, и сам едва держался на ногах.

И все же, когда он вырвался из водоворотов, выброшенная волнами на берег Бабу уже сушила шерсть, катаясь на спине в горячем песке. Обсохнув, Бабу легла отдохнуть, нервно дрожа и тяжело поводя боками. Положив голову на вытянутые лапы, она укоризненно смотрела на Джуру глазами, полными слез.

Привязав на конец аркана камень, Джура перебрал его назад Кучаку.

С противоположного берега долетели проклятия Кучака и визг Рыжей.

Она вырывалась и кусалась, боясь воды. Даже пробовала перегрызть аркан, который Кучак с трудом обвязал ее.

Отплевываясь и фыркая, Кучак вылез из реки. Рыжая захлебнулась, и ее пришлось подтянуть за аркан. Джура поднял ее за задние ноги и стал трести. Из пасти собаки полилась вода. Рыжая захрипела. Джура положил ее на песок и начал катать. Наконец, она пришла в себя.

Кучак стучал зубами от холода ледниковой воды. Он снял одежду, чтобы ее просушить. Тело его посинело и покрылось пупырышками. Он долго не мог отдышаться.

Джура тоже ждал, пока просохнет одежда, но солнце шло к закату и скупо грело весенними лучами.

От красного, точно раскаленного тела Джуры шел пар.

Не дождавшись, пока просохнет одежда, охотники оделись. Кучак так дрожал, что не мог попасть в рукав. Они пошли, стараясь согреться быстрой ходьбой.

Спешили до захода солнца дойти до охотничьего становища, помещавшегося из века в век в огромной задымленной пещере.

Охотники поднимались по голым скалам все выше и выше. Прошли несколько речушек, покрытых льдом. Наконец, свернули в ущелье. На белом снегу темнели вечно зеленые арчи.

Пещера не выделялась среди многих пещер, в которых ютились медведи, но роца среди безлесных гор, на которых не было ничего, кроме альпийских лугов, казалась удивительной.

Откуда и какой ветер занес семена соевен и арчи? Никто этого не знал, но роца в ущелье зеленела и разрасталась.

Здесь охотники расстались. Джура пошел к верхней роце. На верхней опушке роци, в дупле большой арчи, они запрятали в прошлом году два карамультука. Из рода в род, из году в год прятали охотники, по обычаю, часть оружия в тайниках на охотничьих угодьях.

Вот за этими двумя карамультуками и шел Джура.

Кучак пошел в пещеру. Хотя Джура не сказал уходя, куда он пошел, но проголодавшийся Кучак сразу догадался и обрадовался. Он шел в припрыжку и мурлыкал под нос:

— Не киргизский ли обычай есть свежую, недожареную кровь? Да будет тебе, Джура, охота добычлива!

Глава десятая

Джура шагал быстро. Ничто так не возбуждает человека, как охота или ожидание близкой охоты. Ноздри Джуры трепетали и раздувались, вдыхая знакомый запах прошлогодних листьев и приятный горький аромат почек.

Еще недавно, отощавший и усталый, он еле шел. А сейчас он прыгал с камня на камень, с сугроба на сугроб и не чувствовал усталости. Казалось, будь только железное кольцо в скале, он дернул бы его и перевернул скалу. И не только скалу, весь мир перевернул бы!

Джура торопился. Тени ползли по земле.

Неутомимая Бабу умчалась вперед. Роца поредела. Прыгая с камня на камень, иногда проваливаясь в дряблом, зернистом снегу, Джура подходил к опушке. Деревья били его ветвями по лицу. Солнце почти зашло, и синие тени дышали морозом. Снег смерзлся. Издали послышался отрывистый лай Бабу.

Джура быстро побежал на ее зов.

Последние ветви раздвинулись. Роца отступила. От огромной арчи, стоявшей на некотором расстоянии от роци, убегали вверх, на гору, два медведя.

Третий, привстав на задних лапах, отма-

Медведь, привстав на задних лапах, отмахивался палкой от наскакившей Бабу.

хивался палкой от насакивавшей Бабу. Заметив Джuru, медведь испуганно рывкнул, швырнул в него палкой и побежал прочь.

Палка провистела над головой Джyры и, звякнув о камень, выбила искры. Джyра бросился к ней. Это был карамульук.

— А-а-а! — закричал он в гневе и горе, хватая погнутое дуло карамульука.

Джyра побежал к арче. Старательно сделанное им в прошлом году, дупло, в котором хранились карамульуки, было разорено. Под деревом валялись в беспорядке смятые, раздробленные остатки карамульуков и кое-какой охотничьей утвари.

Джyра понял, что бурые медведи, проголодавшиеся после зимней спячки, учуяли в арче запах человека.

Встав на задние ноги, они обнюхивали дерево. От дерева пахло человеком. Разломав дупло, они выволокли оттуда карамульуки, завернутые в просаленные шкуры. Долго шарили в дупле, но человека не нашли. Разъяренные неудачей, голодные, они с'ели тряпки, поломали карамульуки и другие вещи, пахнувшие человеком.

Увидев Бабу, они сильно испугались, когда же появился преследовавший их человек, медведи пустились наутек.

Волос под меховой шапкой Джyры зашевелились: все надежды на добычу мяса рухнули. Что делать без ружей? Какая охота? Не только кишлак не спасешь от голода, но и самим нечего будет есть.

Джyра яростно метался, хватая погнутые, сплюсненные о камни стволы карамульуков, и снова отбрасывал их в сторону.

Он думал, что высокая арча надежнее пещеры. В пещере в позапрошлом году случилось то же самое. Он застал в ней медведя, который с ревом закручивал ствол карамульука в дугу. Но тогда у Джyры был заряженный карамульук. Шкура этого медведя до сих пор лежит в кибитке Джyры.

— Ай, синий осел, синий осел! — ругал он себя. Опять медведи, с которыми он каждый год вел упорную борьбу, посмеялись над его молодостью и неопытностью. Джyра был уверен, что медведи хотят прогнать его из охотничьих угодий. Но этого не будет. Он всех перебьет.

Глава одиннадцатая

Расставшись с Джyрой, Кучак вначале шел быстро и мурлыкал под нос. Потом пошел медленней, и чем темней становилось,

Распаленный воспоминаниями, Джyра хватил нож и бросился в гору за врагами.

Не успел он пробежать несколько шагов, как над его головой со свистом пронесся камень. Потом еще несколько больших камней покатились по склону.

Джyра растерялся. Он подумал, что на него идет лавина, но лавина не могла здесь падать. Неоткуда. Может быть, это землетрясение? Но гора не дрожала! Джyра ловко увертывался от камней, прыгавших, как мячи. Прожужжав над ухом, они сочно чмокались, зарываясь в глубокий снег, лежавший в ложбинах.

Рыжая, перепугавшись, жалась к Джyре, путаясь в ногах. Джyра сердился и посылал ее наверх, откуда доносился лай Бабу. И в тот момент, когда, разозлившись, Джyра отбросил Рыжую ногой в сторону, громадный камень, упавший сверху, раздавил ее. Рыжая могла бы отскочить, но страх парализовал трюсику.

Вскочив на обломок камня, Джyра, наконец, догадался, что это медведи сверху стalkerивали на него камнями.

Ему рассказывал аксакал, что медведи так охотятся за архарами, но до сих пор сам Джyра этого никогда не видел.

Камни летели довольно метко. Несчастье с раздавленной Рыжей отрезвило Джyру. Увернувшись несколько раз, Джyра решил не преследовать больше медведя.

Отозвав Бабу, он побежал вниз, спасаясь от метких стрелков. Спрятавшись за широкий ствол арчи, Джyра сложил весь лом в кучу и сел возле на корточках. Ему стало так обидно и больно, что даже горло сдавило.

Он кричал от злости, колотя себя кулаками по голове.

Дерево вздрагивало от ударов камней, катившихся сверху, и роняло ледяные сосульки. Джyра лег на землю и заплакал.

— Ау-ууу! — завывала Бабу, уловив в голосе хозяина оттенок жалобы.

Джyра очнулся уже ночью. Он вытер глаза и быстро огляделся: не видел ли кто его позорной, бабьей слабости?

Но мгла окутала горы, и черно-синий мороз начал высасывать жизнь из нежных, едва распустившихся почек.

тем тише шел он, вытягивая, как гусак, голову. Кучак боялся. Он боялся, что встретит горного человека, волосатого, с вывер-

нутыми назад ногами, боялся злых духов — он всего боялся. Время от времени он даже останавливался, чтобы рассмотреть свою тень: не дух ли это?

Но чем ближе он подходил к большим камням, за которыми была знакомая пещера, тем спокойнее становилось у него на душе.

Когда же Кучак увидел вдали пещеру и знакомые деревья, он провел ладонью по лицу, разглаживая нервно дрожавшие морщинки.

«Какие перемены произошли за год в его владениях? У большой сосны была сломана верхушка, а молоденькая арча у камня засохла».

Не доходя до пещеры, Кучак принялся собирать сучья и кору для костра.

Вдруг на дереве что-то зашумело. Кучак замер, и собранные сучья посыпались из его рук. Какова же была его радость, когда он увидел филина, который, как это хорошо знал Кучак, охраняет людей от злых духов!

Кучак обрадовался, что он не один в этом диком лесу и что у него есть такой надежный защитник. Расхрабравшись, он даже выругал филина за то, что тот его испугал, а потом по-дружески подмигнул ему, чтобы птица не рассердилась на шутку.

Филин в ответ почистил ногтем клюв и уставился на Кучака круглыми желтыми глазами.

Кучак развеселился и быстро собрал топливо.

Подходя к пещере, у каменных осыпей, где когда-то, по преданиям, дед Кучака убил в рукопашной схватке медведя, он заметил горностая.

— А-а-а! — уже совсем весело кивнул ему Кучак. — Побольше плоды детей, побольше будет шкурок мне на шубу.

У входа в пещеру он замедлил шаги и, спрятавшись за камень, громко закричал:

— Гоп-гоп-гоп-гоп!!!

Но из пещеры никто не выскочил. Кучак не доверял пещерной темноте: мало ли кто мог быть в пещере? Из складок пояса он достал сверток, развернул промасленную шкуру, вынул мешочек, из мешочка достал кремень, фитиль, скрученный из козьей шерсти и вымоченный в растворе селитры, и огниво. Сев на корточки, он взял кремень в левую руку, прижал большим пальцем фитиль и ударил по кремню куском стали. Посыпались искры. Фитиль задымился. Кучак сунул его в сноп сухой травы и, раздув большой огонь, швырнул горящий сноп в пещеру.

На мгновение пещера осветилась. Огромная, закопченная, метров сорок в высоту и метров тридцать в ширину, она могла вместить человек сто с лошадьми.

В этой пещере из века в век останавливались охотники.

И чего только здесь не было! Костяные наконечники для копий и заржавленные наконечники для стрел. Кости разных животных горами высились у больших стен. Даже черепа людей виднелись между ними.

Не было только ни кусочка дерева: все деревянное погрызли длинноухие крысы, во множестве водившиеся в пещере.

Кучак быстро внес дрова, сбросил поклажу и снова убежал, пугаясь темной пещеры.

Вернувшись с дровами, он рассердился на крыс, распорывавшихся в его пожитках. Но постоянные хозяева пещеры не очень испугались. Отбежав за грудой каменных топоров, крысы уселась и, высунув носы, с любопытством наблюдали за Кучаком.

Оттого, что он сильно продрог и ночной холод сковал пальцы, Кучак долго высекал огонь. Руки дрожали, и искры сыпались мимо. В пещере было темно, и Кучак боялся оглянуться. Он был уверен, что злые духи пещеры стоят за его спиной и мешают ему разжечь отгоняющий их огонь. Наконец, трут задымился. Шумно втягивая в себя воздух, Кучак надувался, как жаба, раздувая трут, обложенный мхом и корой.

Голубой язычок пополз и зашипел. В щелях почернели впадины и засверкали зубья. Сухие сучья затрещали и сразу вспыхнули, разбрызгивая искры.

Темнота исчезла, а с ней вместе исчезли и пугавшие Кучака невидимые духи.

— Фу-у! — облегченно вздохнул Кучак и, распахнув халат, приблизил обнаженную грудь к огню.

Огонь обдавал его теплом, а Кучак все наклонялся и наклонялся к костру. Ему все еще было холодно. И только когда зашипели волоски на теле, Кучак опомнился и немного отодвинулся.

Сняв мокрые ичиги¹, он занялся ногами. Потом, сокрушенно вздыхая, похлопал себя по ввалившемуся, бурчавшему от голода животу.

Высыпав из мешка поклажу, он побежал босиком в рощу, быстро нагрел в мешок снега и опять примчался к огню. Потом взял горящую ветку и пошел в угол пеще-

¹ Ичиги — мягкая обувь.

— Плохо, — сказал Джура, — медведи все ружья поломали!

ры. Укрепив ветку в трещине, Кучак про-
изнес заклинание. Потом отвернул в сто-
рону несколько камней, поднял каменную
плиту и из тайника, находящегося под ней,
вытащил большой котел для варки пищи.

Давным-давно завезли сюда этот котел
его предки.

Кучак притащил котел к огню. Вынув из
котла различные металлические предметы и
железные капканы, он выскреб из котла

— Смотри!

Бабу, закусив кусок ремня, тащила в пещеру погнутой ствол карамультука. Положив его у ног Джуры, она заглянула ему в глаза и ждала благодарности за поноску. Но глаза Джуры засверкали от злости.

— Поломан, не годится! — сердито закричал он.

Бабу отошла. Она улеглась у входа на солнышке и искоса наблюдала за Джурой.

Поручив Кучаку посушить гульджана, Джура собрался опять в горы, гремя железными капканами. Бабу убежала вперед, нюхая воздух. Джура решил попытать счастья и поставить капканы на архарьих тропинках через ледник.

Кучак задумался. Что же варить? Ведь есть надо. И он неохотно пошел копать корень гульджана.

На южных обрывистых склонах горы тянулись к солнцу свежие всходы гульджана. Кучак шел по вспухшей земле и, размахивая топориком, постукивал обушком по камням. Сурки, завидев его, со свистом мчались к норкам и застывали в изумлении на задних лапках.

Усевшись на корточках у всходов гульджана, торчавшего из щебнистой почвы между камнями, Кучак затих. Даже не хотелось дышать.

На горах, среди пятен снега, пробивалась зелень. Рыжие скалы пахли солнечным теплом. Внизу зеленели большие высокогорные тундровые болота.

В тени за камнями держался еще лед и лежал снег. Кучак копнул топориком и снова затих. Земля отмякла. Трава шевелилась и тянулась вверх. Осыпались камешки. Весь склон был покрыт листиками гульджана.

Кучак вырыл пятнадцать корней, обмыл их и просушил. Корни надо было стругать. С жалостью вынул Кучак нож, понюхал его. Уходя из кишлака, он еле отмыл его от прилипчивого запаха, и ему жалко было опять пачкать нож гульджаном. Кучак снова задумался. Кондоры летели низко, над самой горой, их крылья сверкали белой подкладкой. От взмахов крыльев катились камешки, сорванные воздушным потоком.

Засмотревшись, Кучак не заметил прибывшую Бабу.

Она потянула Кучака за халат. Кучак очнулся, обрадовался.

— Ох-хо-хо! — крикнул он, отбрасывая корни в сторону, и быстро побежал за Бабу, на ходу засовывая нож в ножны: он знал привычку Джуры посылать Бабу за человеком.

Кучак сопел от радости и любви к себе. Он знал, что Джура без дела не позовет. Бабу, отбжевав, ждала его, лая от нетерпенья. Она презирала всех людей, кроме Джуры, за медлительность и неуклюжесть.

«А вдруг живой медведь! — испугался Кучак и остановился. Бабу залаяла. — Радостно лает», — решил Кучак и, подтянувшись, влез на камень. Так больше часу поднимался он с камня на камень.

На подтаявших остатках старой лавины, на одном из разбросанных ею камней, сидел Джура, поставив ногу на неподвижную тушку маленького киичёнка. Джура кивнул на тушку. Кучак понял без слов. С трудом отрубил он кусок твердой, как камень, шкуры, обнажив высохшее мясо.

Много лет пролежал полугодовой киичёнок во льду.

— Яман, плохо! — сказал, горестно вздыхая, Кучак и ножом показал на перерезанное горло.

По старинному обычаю, кровь надо спускать, иначе мясо есть нельзя. Это пересохшее мясо так не походило на мечты Кучака о свежем нутряном жире с печонкой.

Не говоря ни слова, Джура вынул свой охотничий нож, разрубил тушку на несколько кусков и бросил один Бабу за находом. Остальные куски он унес для капканов. Только в два капкана не положил он мяса. Они находились на архарьих тропинках, на леднике, через который архары переходили на другую сторону Биллянд-Киика.

Спускаясь с горы, Кучак раздраженно щелкал языком. Его сердили близкие, но недоступные архары и киики, пасшиеся на склонах гор.

Но, возвратившись за брошенным гульджаном и еще издали почуяв его приторный и сладковатый запах, вызывающий тошноту, он искренно пожалел, что не взял мяса киика. Запах гульджана до того опротивел, что Кучак, несмотря на то что он был недалеко от пещеры, отнес его еще дальше и бросил в пропасть. Возвратившемуся Джуру он сказал, что гульджан еще не просушился и что его нельзя еще перетереть в муку. Джура не настаивал: он ненавидел этот корень, как только может ненавидеть его охотник, привыкший к мясу.

Вечером снова пили только чай. Пили чай и на второй день. В этот день голодный, смирившийся Кучак снова накопал гульджана и положил его сушить. На третий день Джура после обхода капканов

принес орленка. У него капканом была пелота ноги.

Кучак испуганно посмотрел на Джуру. Орел—святая птица. Джура смотрел на костер и молчал. Потом достал нож. Кучак закрыл лицо руками, чтобы не видеть святотатства. Когда Кучак открыл глаза, из перерезанного орлиного горла капала кровь. И Кучак решил, что лучше раз в жизни с'есть запретного орлиного мяса чем есть гульджан.

Глава тринадцатая

На шестой день, утром, Джура ушел к капканам, а Кучак собрался перетереть гульджан камнями в муку.

Если бы похолодало, архары пошли бы на другую сторону ледника, на юг, и, может быть, хоть один попался бы в капкан.

Охотники надеялись на близкую перемену погоды.

Бабу, предвидя холод, забивалась в теплые углы пещеры.

Днем Джура несколько раз взбирался на скалу, в которой была пещера, и смотрел вниз, на тучи.

— Тучи кипят! — кричал он сверху в щель Кучаку.

А тучи клубились, когда менялась погода. Это было понятно. В огромную котловину, сжатую горами, врывался по течению Саукская ветер «кашгар», навстречу ему с запада по ущельям несся «таджик», с юга поддувал «афган», а с перевала — с севера — падали холодные массы воздуха.

В котловине, как пар в кипящем котле, металась и клубилась тучи, часть их взлетала по склону вверх, чтобы, промчавшись у пещеры, проскользнуть на юг. Но «афган» сбрасывал их вниз, разрывая на клочки.

Ветер менялся.

А у пещеры, над тучами, все так же светило солнце. Но сурки попрятались и не сюрчали.

Холодало. Джура опять ушел в горы. Кучак недалеко от пещеры перетирал меж камней гульджан. Ему казалось, что весь мир пахнет гульджаном.

Уйти? Но куда? Домой? Там тоже голод и гульджан. А кроме того гордый Джура скорее умрет, чем возвратится без мяса.

Едва Кучак перетер гульджан в муку, прибежала Бабу и опять, как в прошлый раз, потянула Кучака за халат. Кучак обрадовался, однако гульджана на этот раз не

Орленка варили долго, и все же с трудом разрывали зубами твердое орлиное мясо.

И снова два дня пили чай. Джура потемнел и ослабел. Кучак молчал целыми днями. Наконец, он не выдержал и настругал тонкими полосками сушившийся на камнях гульджан. Бабу ела светлосерых ящериц. Но в день удавалось поймать их не больше пяти.

выбросил, а спрятал его под камень. Он поспешил за Бабу.

Кучак твердо решил, что пусть это будет хоть пересохший архар или старый киик, он его возьмет, сварит и будет есть.

Он быстро уставал и часто отдыхал, прикладывая руку к сильно бьющемуся сердцу. Удары сердца отдавались даже в горах.

Кучак удивлялся. Бабу вела его не к ледникам, а совсем в другую сторону.

Путь становился все труднее. Беспорядочно нагроможденные скалы преграждали путь, и Кучак, вытирая рукавом пот, с трудом карабкался.

Вскоре он достиг места, где камни были навалены друг на друга кучами.

Он карабкался между камнями на четвереньках. Бабу убежала вперед. Кучак окончательно выбился из сил.

Он тихонько пополз, потом попытался встать на ноги, как вдруг прямо к нему с ревом бросился барс.

Изнемогший, еле ползущий Кучак взвился, как пружина, откуда и силы взялись, и прыгнул назад... Поскользнулся, упал, шапка слетела у него с головы, но он даже не нагнулся за любимой лисьей шапкой, лежавшей рядом. Выпучив от страха глаза, с визгом он помчался по камням и скалам, спасаясь от огромного свирепого барса. Кучак бежал к воде, так как знал, что барс боится воды.

«Лишь бы добежать! Тогда бы я спрятался в ручей!» — думал Кучак. Он бежал и слышал за собой прыжки барса.

Кучак перескочил камень, поскользнулся и опрокинулся на спину. Барс бросился на него.

Кучак пронзительно закричал, отбиваясь ногами от барса.

Вдруг Кучак почувствовал, что барс лизнул его в нос. Кучак еще сильнее закричал и забился. Потом затих. Потом он не реши-

тельно приоткрыл веки. Перед ним стояла Бабу.

— Ах ты шайтанка! — рассердился Кучак. — А я тебя за барса принял. — Он вскочил и хотел бежать, но Бабу зубами схватила его за халат. — Убью! — закричал Кучак. Он все еще боялся барса. Но сомнений быть не могло: барса не было, была только одна Бабу, которую он принял за барса.

Издали доносился призывный крик Джуры. Кучак вытер глаза и поплелся за Бабу, тнувшей его за полу халата.

Воспользовавшись тем, что Бабу выпустила из зубов его халат, он быстро влез на обломок скалы. Оглянувшись, Кучак заметил невдалеке Джуру, сидящего на таком же большом обломке скалы. Джура поманил его рукой.

— Там барс! — испуганно крикнул Кучак.

— В капкане, — спокойно ответил Джура.

Обрадованный, Кучак, наконец, взобрался к Джуру. Они вместе пошли к капкану.

Барс попал в капкан задней ногой и осклаивался при малейшем движении охотников: он устал рычать и бросаться.

Джура кинул на барса. Кучак взял тяжелый камень и бросил в барса, но он отскочил в сторону. Камень ударил как раз в то место, где за секунду перед этим была голова зверя. Тогда обозленные охотники начали засыпать барса камнями.

Но барс ловко спасал свою голову. Правда, удалось несколько раз попасть ему в

туловище. Но это были не смертельные удары.

— Эх! — крикнул Джура. — Карамульки нет! Я бы убил его в одну секунду! — и он метнул камень. Барс опять увернулся. Он прыгал с капканом на ноге, гремя цепью, которой капкан был прикован к камню.

Временами он с ожесточением грыз цепь. Рот его был в крови.

Охотники устали. Руки и ноги у Кучака тряслись. Джура изранил себе руки камнями. Он проклинал барса; тот хотя и потерял много крови, но все еще был страшным противником.

Измученные, истомленные, охотники к вечеру приплелись домой. В эту ночь они сварили перемолотый гульджан и с'ели.

Бабу, зная по опыту, что запах корня — запах голода, отправилась к одному из капканов и очень осторожно и ловко отгрызла большой кусок приманки. Она ела мясо у пещеры. Ее чавканье услышал Кучак. Он вышел, осмотрел мясо, разбудил Джуру и рассказал, откуда у Бабу мясо. Тогда Джура пошел к капканам, но как на зло в один опять попал барс, в другой — волчица. В третьем капкане добычи не было. Из него Бабу взяла часть приманки.

Той же ночью, возвращаясь в пещеру, Джура вырезал длинную палку. Из кучи кремневых и железных наконечников он выбрал самый лучший и острый, отточил его и надел на держак. Получилось хорошее копье.

Глава четырнадцатая

Потоки холодного воздуха заполнили ущелье. Тучи поднялись вверх, окутав горы и пещеру мглистой сыростью и холодом.

Во сне Джура беспокойно ворочался и рано, еще до рассвета, проснулся. Оделся. Позвал Бабу и, захватив копье, вышел наружу.

Он попал прямо в тучу.

Кругом ничего не было видно. Издали доносился волчий вой.

Бабу инстинктивно подалась назад.

Джура шумно потянул носом воздух. Палку сыростью. Он быстро пошел. Погода благоприятствовала охоте с копьём. Чтобы подойти ближе к архарам, нужен туман.

Через час ходьбы Джура привязал Бабу за ошейник. Собака, чуя близко архаров и кииков, рвалась вперед.

Джура шел к каменной гряде, где он видел кииков. Это были очень удобные места: здесь лежали большие плоские камни, на которых любил спать эти животные. Джура тихо пробирался между камнями в мягкой кожаной обуви. По его следам шла Бабу.

Наконец, Джура подошел к знакомому камню и спрятался за него. Притянув Бабу к себе, он взял ее за обрезанное ухо и зашептал.

Джура был уверен, что Бабу поняла его: она легла у камня.

Скоро Джура начал различать в редшем тумане неясные фигуры кииков. Он боялся долго смотреть в их сторону, чтобы взгляд человека не испугал добычу. Рассветало. Погрозив Бабу пальцем, Джура снял

с нее веревку и сжал покрепче копые. Бабу приготовилась к прыжку.

Тогда, призвав на помощь аллаха, Джура быстро выпрямился и метнул копые на камень, где лежали две самки и один самец-киик. Как ни быстро было движение Джуры, киики успели вскочить.

Джура впился глазами. Киики убежали в горы. У одной киички болталась задняя нога, перебитая копьем.

— Кыш-кыш-кыш!— кричал Джура мчавшейся Бабу.

Но Бабу не нуждалась в понуканье. Расстилаясь по земле, она неслась в горы, но не прямо за кииками, а забегала стороной, так, чтобы они ее не видели.

Как всегда, отбежав подальше, киики остановились и оглянулись назад. Зная их привычки, Джура уже сидел за камнем, чтобы не испугать их. Постояв, они тихо пошли вперед. Киичка отставала. Остановкой кииков воспользовалась Бабу и быстро перегнала их.

Между тем киики медленно поднимались к скалистой гряде. Когда они были уже высоко, Бабу высочила из-за камня и громко залаяла. Киики шарахнулись в разные стороны. Рассеяв их, Бабу кинулась догонять раненую киичку. Она с перепугу бросилась вниз...

Заметив ее, Джура с копьем наперевес бросился киичке навстречу. Она растерянно остановилась. И тут Бабу поймала ее, ухватив за здоровую заднюю ногу. Испуганная самка прыгнула и, потеряв равновесие, повалилась.

Джура быстро подбежал. Правой ногой он наступил на ее туловище, прижав к земле, левой схватил за небольшие рога и, запрокинув ей голову назад, ловким ударом ножа пересек горло.

И пока Джура совсем не прирезал киичку кинжалом, Бабу крепко держала ее зубами за ногу.

Прижав губами к перерезанной артерии, Джура пил горячую кровь.

Перевернув киичку на спину, он распорол ей живот, вывалил кишки и, тщательно ободрав с них нутряной жир, выдалил непереваренную пищу и бросил кишки Бабу.

Взвалив добычу на плечи, Джура закричал, делая вид, что она во много раз тяжелее чем на самом деле.

Довольный и веселый, он спускался к пещере, а впереди бежала Бабу. Заметив их издали, да еще с добычей, Кучак радостно закричал и бросился к тлевшему костру.

Пока они подошли, костер похлал уже с такой силой, что на нем можно было бы сварить сразу пять кутасов.

Кучак хотел с'есть маленькую киичку всю сразу. Но благодаря Джуре ее хватило на пять дней. За это время удалось прикончить копьем отошавших барсов и волчицу. С них сняли шкуры.

Кучак досыта наелась барсьим мясом. Тогда он ложился у костра, распахивал халат и хлопал ладонью по животу: Кучак радовался полному брюху.

Эти дни Кучак, как и всегда, охотно и много спал. Потом несколько дней опять голодали. И тогда Кучак во сне видел жирную пищу, которая никак не попадала ему в рот. Он мычал во сне, брыкался ногами и хватал зубами воздух.

Еще за едой после охоты Бабу несколько раз ткнула себя носом в живот: она жаловалась на боль.

В тот же вечер Бабу ползла в рощу и с'ела несколько голубых цветков. Собирався на другой день охотиться, Джура привязал ее, чтобы она не убежала и не наелась: сытая собака плохо охотится.

Рано утром Бабу впервые в жизни перегрызла веревку и самовольно ушла искать пищу: ее будущее потомство требовало восстановления и сбережения сил. Бабу убежала на солнечную сторону ловить сурков. Поймать осторожного сурка, пасущегося около норки, почти невозможно. Но выбора не было. Ящериц же было слишком мало.

На одном холмике свежeverытой земли сидел старый красно-черный сурок-наблюдатель. Бабу кралась за камнями. Но когда она переходила через полянку, сурок-наблюдатель ее заметил и испуганно засюрючал: все сурки сразу нырнули в норы.

Бабу мгновенно промчалась вперед и залегла у одной из нор, за камнем. Напуганные сурки долго не появлялись.

Но вот над норами появились черные кончики их носов.

Всунув головы из нор, сурки долго оглядывались и, наконец, вылезли. Затем, как столбики, стали на задние лапки и осмотрелись. Не видя врага, они отошли есть траву.

По земле пронеслась тень орла, и сурки опять исчезли в норах. Успокоившись, они снова вылезли. Теперь они уже забыли о собаке и смотрели одним глазом на небо, склоняя голову набок.

Собравшись в комок, Бабу прыгнула. Сурок метнулся в нору. Но в зад ему крепко впились зубы собаки, его высоко подбросило вверх. Описав дугу, сурок упал и бросился в спасательную темноту под камень.

На этот раз темнота не спасла. То, что показалось ему норой, было только небольшим углублением.

Снова Бабу выхватила сурка и, не выпуская из зубов, начала стукать его головой, вытряхивая из сурка жизнь. Сурок хотел виться ей в морду, но все время бился головой о камни.

Через несколько минут Бабу уже ела жир на брюшке и задние ноги сурка. Остатки она поволокла в пещеру.

Заметив Бабу с сурком, бау'аренный Кучак сбежал с камня, где он грелся на солнце, и больно ударил Бабу в живот. Она завизжала и опрокинулась. Но сейчас же вскочила и укусила его руку. Тогда Кучак, пользуясь отсутствием Джурки, стал бить ее концом перегрызанной веревки за нарушение закона. Какое дело Кучаку, что она нарушила закон ради неродившихся щенят!

Глава пятнадцатая

Рассвет давно наступил, но тьма только посерела. Туча плотно окутала горы. Шли скверю мокрую тучу все вверх и вверх.

Наконец, взобрались поверх тучи. Солнце слепило, но не грело. Стада архаров и кииков шли по направлению к леднику. Бабу рвалась вперед, натягивая веревку. Шли с трудом: не хватало воздуха.

Кондоры с мрачной яростью смотрели на них с высоты больших камней. Холодный, ледниковый ветер морозил лицо и руки.

Маленькими шагками, опираясь на древокопье, двигались охотники все выше — к Биллянд-Кику. Бабу тащилась на веревке сзади, понунив голову.

Стада архаров и кииков продвигались в том же направлении.

Едва только перевалили дальние каменноробристые гряды и вышли на приледниковую гальку, Бабу рванулась. Зазевавшийся Кучак выпустил веревку. Впереди, не так далеко, по леднику уходил киик, старый, одинокий козел — тэке. Его задняя нога была ободрана о капкан. Охотники бросились за Бабу, настигавшей киика.

Причудливые гигантские ледяные глыбы громоздились кругом. Кривобокие и уродливые, они заслоняли дали. Охотники по-

Кучак снова хотел свежей печонки с жиром.

Тогда Бабу сама бросилась на Кучака. Кучак едва спасся в пещере, отбиваясь от нее палкой. С этого времени он стал бояться Бабу.

Бабу повизгивала, но пришедший Джура, не обратив внимания на жалобу, крепко привязал ее.

Джура пришел мрачный: в капканах было пусто, а один капкан уволок попавший в него медведь. Все капканы Джура установил у дальнего ледника.

Позже задул резкий холодный ветер. Пошел снег.

Джура повеселел. Архары испугаются холодов и уйдут на юг. Матки, спасаясь от холода, пройдут по тропкам через ледники, где стоят капканы.

Всю ночь нетерпеливо сидели охотники у костра, пили чай и ждали утра. Даже Кучак решил идти с Джурой проверять капканы у ледника. За ночь Джура сделал еще одно копье с острым кремневым наконечником для Кучака.

падали из одной ледяной ямы в другую. Лишь бы козел не перешел ледник.

Грязная корка льда сменялась белым хрустящим настом. Наст перешел в сляк и, наконец, в зеленовато-черный лед. Трещины преграждали путь. Вот Джура поскользнулся на гладком льду. Но чаще Джурки, каждый раз громко икая, падал Кучак. Он очень боялся трещин и старался идти след в след за Джурой.

А трещины то извивались, то расширялись, то снова сходились.

Нагоняя киика, Бабу скользила и падала, наступая на волочившуюся веревку, но не отставала от него.

Киик, потерявший много крови, волочивший больную, изорванную капканом ногу, не удирал бы так быстро, если бы не боялся Бабу. Оглядываясь назад, он свирепо потрясал седой бородой и ребристыми рогами.

Уже два года тэке жил отшельником. Молодые соперники прогнали старика из стада. Теперь — раненый, совсем старый, но все еще достаточно сильный и выносливый — он уходил все дальше и дальше в гору: его подгонял страх.

Влажный блеск его глаз становился все суше и тусклее. Приближалась смерть. И

Бабу все смелее набрасывалась на тэке, но каждый раз встречала его наклоненные рога.

все же, когда Бабу бросилась на него, он прогнал ее взмахом рогов. Бабу испугалась. Удар этих рогов почти смертелен. Один раз Бабу чуть не схватила киика за ногу, но споткнулась: ей помешала веревка.

Охотники спешили, перескакивая через узкие щели. Тэке подходил уже к краю ледника. Бабу перерезала ему путь. Тэке свернул на остатки старого снежного обвала и неуклюже запрыгал по нему вниз. Тэке растерялся. Вместо того чтобы бе-

жать вверх, в горы, он побежал вниз, где его было легко поймать.

Бабу все смелее набрасывалась на тэке, но каждый раз встречала его наклоненные рога.

Все это происходило возле Каменного острова, известного под названием Чортов гроб, который высоко вздымался над ледником.

Там течение ледника разбивалось на два равных потока. Левый круто сворачивал. Огромные ледяные валы прижались к скале. Множество глубоких трещин рассеяло ледяную толщу. Многие видели этот старый ледник, многому был свидетелем.

Охотники почти настигли киика: до него оставалось несколько метров. Бабу ослабела. С высокого языка капала слюна. Ледник слепил охотникам глаза, отбрасывая солнечные лучи. Далеко внизу клубились тучи.

— Кыш, кыш, кыш!—крикнул Джуга собаке, подбегая с копьём наперевес.

Вдруг Бабу жалобно на него посмотрела, села кусочек льда и неожиданно улеглась.

От неожиданности охотники остановились. Загнанный, с кровавой пеной на губах, обезумевший киик бросился на Бабу.

Она хотела отскочить, но запуталась ногой в веревке.

Еще секунда — и рога тэке с силой отбросили Бабу в снежный наст. Бабу упала. Послышался слабый писк. Это у Бабу родился щенок. Но вдруг наст скрипнул, зашуршал — и все трое животных рухнули в скрытую трещину.

Впоследствии Кучак уверял, что в этот момент он услышал из трещины голос: «Кучак, тебе счастье посылаю». Но Джуга честно рассказывал, что Кучак очень испугался, упал брюхом вниз и, хватаясь за лед растопыренными пальцами, вопил: «Ай, ай, ай!»

Джуга, прищурившись и вытянув шею, старался заглянуть в темную трещину, откуда слышался затихающий звон падающих ледяных обломков. Потом наступило безмолвие, нарушаемое только сопением Кучака, лизавшего лед.

Все так же слепило солнце. Так же клубились тучи. Казалось, ничто не изменилось.

И вдруг из ледяной глубины донесся слабый визг щенка.

— Собака, собака!—заметался Джуга у края трещины.

И снова замер в ожидании. Кучак лизал лед и сопел.

— Тише!—крикнул Джуга и, прыгнув к Кучаку, ударил его в лицо носком. В наступившей тишине снова прозвучал сильный, слабенький, но пронзительный призывный вопль.

«Потерять собаку! Потерять Бабу, знаменитую Бабу, за которую давали верблюда и пять лошадей! Потерять щенков, которые были уже запроданы по яку за каждого! Как жить? Что есть? Без Бабу охотиться нельзя. Ни ружья, ни Бабу!» — с отчаянием думал Джуга.

— Кучак! — позвал Джуга.

Кучак, сидя на корточках молился аллаху. По правилам корана, во время молитвы он мог не слышать зова. Он даже не обернулся. Обозленный, Джуга так выругался, помяная Аллаха, что Кучак еще больше испугался. В уме ли Джуга?

— Что? — спросил он, забыв молитву.

— Веревки дай!—крикнул Джуга.

Он быстро сделал на веревках петли. Подрубив лед тишой, вставил копьё, привязал к копыю конец связанных веревок и, опустив другой конец в бездонную морозную щель, крикнул Кучаку:

— Лезь!

Кучак отрицательно замотал головой и попятился, не спуская глаз с Джуги.

— Слушай!—крикнул Джуга. — Клянись, я убью тебя, если ты не полезешь за щенком! А может быть, там и киик и Бабу. Если ты не полезешь, я зарежу тебя своими руками.

Кучак упал на колени: он знал, что бежать некуда, а слово Джуги—верное, некрылатое слово.

— Скорее!—крикнул Джуга, выхватив нож.

Кучак неохотно подошел к трещине и долго заглядывал внутрь, вытягивая, как цапля, шею.

— Скорее!—торопил Джуга.

И Кучак смирился.

Вынув нож, он порезал мизинец и брызнул каплями крови на лед. С пеной у рта, он стучал в грудь, заклиная бога гор помочь ему, Кучаку, принесшему жертву.

Подтянув немного веревку, Джуга помог Кучаку надеть петлю и начал спускать его в трещину.

— Холодно!—были последние слова Кучака.

(Продолжение следует).

Большевистская Правда

Дом, изображенный на этой фотографии, находится в Москве, на Лесной улице. Прохожие с удивлением оглядывают его: «*Оптовая торговля кавказскими фруктами Каландадзе*». Что это такое? Какой это Каландадзе вздумал торговать фруктами, да еще оптом, на двадцатом году Октябрьской революции? Не может быть!

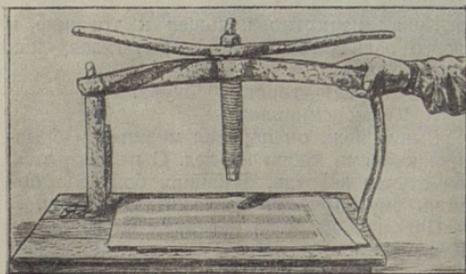
И только вторая вывеска объясняет значение первой. Это музей — подпольная типография. За этой вывеской скрывалась в 1905 и 1906 годах подпольная большевистская типография.

Из подполья этой лавки (из подполья в буквальном смысле) партия большевиков листовками, прокламациями, газетами убеждала, агитировала десятки тысяч рабочих людей; звала их на борьбу за социализм, организовывала их и учила.

Печать — самое острое оружие партии, говорил товарищ Сталин, и сам он немало поработал, организуя типографию, выпуская большевистские газеты в самые трудные времена подполья.

Вход в подпольную типографию.

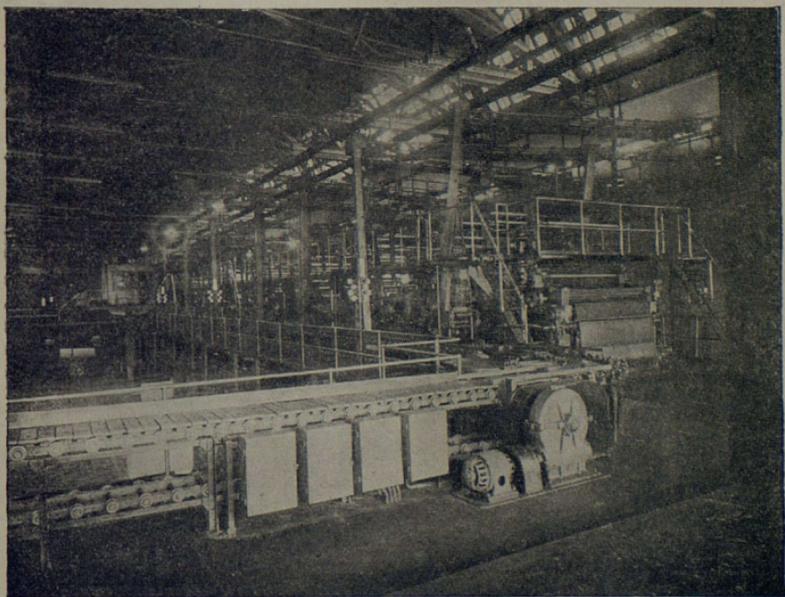

На таких ставках 25—30 лет назад большевики-подпольщики печатали листовки и прокламации.

В мае этого года мы празднуем 25-летие газеты «Правда» — центрального органа нашей партии. Огненные слова большевистской «Правды» светились в темной ночи царского времени; они звали рабочих и солдат на октябрьские бои в 1917 году. Вот уже 25 лет, как «Правда» — острое оружие Центрального комитета партии — разит врагов рабочего класса. «Правда» — могучий агитатор и пропагандист — ежедневно доносит слова партии большевиков до самых дальних углов нашей страны.

Теперь «Правда» помещается в этом здании. По случайности оно расположено квартала за два от старой подпольной большевистской типографии. Это редакционный корпус: здесь расположены редакции «Правды», «Комсомольской правды», «Пионерской правды» и журналов. Редакция журнала «Пионер» тоже в этом здании. Это здание вмещает все три поколения большевистских газет.

Гигантская ротационная машина. На ней печатается «Правда». Эта машина может за час выпустить миллион экземпляров газеты.

Утро стрелецкой казни.

Картина В. И. Сурикова.

СТРЕЛЬЦЫ

К картине В. И. Сурикова

15 мая 1682 года толпа вооруженных людей со знаменами и пушками ворвалась в Московский Кремль, к царскому двору. В толпе выкрикали имена боярина Матвеева, Нарышкина и других людей, близких царевичу Петру и его матери.

Царица Наталья с сыном Петром и царевичем Иваном вышла на крыльцо, чтобы успокоить разъяренную толпу. И одиннадцатилетний Петр увидел, как обезумевшие люди подбросили в воздух и поймали на пике боярина Матвеева. Петр знал этих людей. Он видел их каждый день. Еще недавно они охраняли дворец. Охраняли улицы и ворота Москвы. Это были стрельцы.

Со времени Ивана Грозного стрельцы несли военную службу в Московском государстве. 15 тысяч стрельцов жили в особых городках — «стрелецких слободах». Они тянулись кольцом по окраинам города, на Арбате, на Трубной и на Воронцовом поле, составляя как бы живую защитную стену. А самый главный стрелецкий полк, всюду сопровождавший царя, помещался на Лубянке.

Стрельцы жили в избах с семьями. Разводили огороды, торговали, ремесленничали. Они же были и пожарными и должны были следить за порядком в городе. Служили стрельцы «вечно». Когда в стрелецкой семье рождался сын, его сразу записывали будущим стрельцом, и он обязан был служить до самой смерти. За службу стрельцы получали жалованье и разные побрякушки в торговле.

«Черные люди» Москвы: ремесленники и мелкие торговцы — завидовали стрельцам.

И правда: стрельцы не голодали, не холодали и не изводились работой, как городские «черные люди» и крестьяне.

Но и им приходилось нелегко. Они были разделены на полки. Полком командовал голова. Он был полным хозяином в своем полку. Он и деньги платил за службу, и работу давал, и судил стрельцов.

Многие головы чувствовали себя в слободе как в своей вотчине, а со стрельцами обращались как с холопами. Стрельцы жаловались, что полковник Грибоедов «чи-

нил им обиды, налоги и всякие тесноты. Бил их жестоким боем, взявши в руки батога по два, три и четыре. На их стрелецких землях устроил огороды, неволею заставлял их шить себе цветное платье, бархатные шапки, желтые сапоги, посылал их работать к себе на деревню».

Но не только на своих полковников были обижены стрельцы. Уже со времени царя Алексея Михайловича появились в России войска иноземного строя. Это были настоящие войска, обученные иностранцами, не связанные семьей и промыслом. Стрельцы видели в них своих преемников. Они понимали, что новые, онемеченные солдаты и офицеры вытеснят старую, московскую «надворную пехоту», прочно, по-семейному устроившуюся в Москве.

Недовольством стрельцов воспользовались бояре. После смерти московского царя Федора Алексеевича в душевных покаях Московского Кремля жестокая борьба за власть особенно обострилась. Царевна Софья, князь Иван Милославский, Хованский и другие бояре, враждебные Петру и его матери, раздували недовольство стрельцов, внушали им, что все зло, все притеснения, взятки и обиды исходят от людей, близких к матери Петра.

И стрельцы, обманутые боярами, ворвались во дворец и зверски убили всех приближенных молодого Петра.

Петр мужественно перенес это испытание и, стоя на красном крыльце подле матери, говорят, даже не изменился в лице. Передав власть царевне Софье, расходившиеся стрельцы долго буйствовали по Москве, грабили боярские, купеческие дома и пропивали награбленное.

Через семь лет, в 1689 году, когда Петр с матерью и женой жил в селе Преображенском, ему тайно сообщили, что начальник стрельцов Шакловитый и другие сторонники Софьи хотят ночью спалить Преображенское и убить царя и царицу. Это было ночью. Внезапно разбуженный, Петр в страхе усакал в Троицкую лавру, бросив мать и жену.

Но стрельцы нужны были не только царевне Софье и ее приверженцам: они нуж-

ны были староверам и всем, кто хотел повернуть Москву назад, к средневековью.

И неграмотные, темные стрельцы послушно помогали проникнуть во внутренние покои дворца толпе староверов, грозящих проклятиями Петру за отход от старины. Стрельцов побуждали к восстанию, им внушали, что именно они, стрельцы, должны «постоять за старину» и, если нужно, погибнуть за нее.

Между тем положение стрельцов становилось все хуже. Став дарем, Петр не забыл им ни убийства Матвеева у красного крыльца, ни своего бегства в лавру. Он ударил стрельцов по самому больному месту: он разлучил их с Москвой.

Стрельцы вместе с новыми войсками осаждали и брали Азов. И сразу же после взятия Азова Петр послал их, не разрешив даже побывать в Москве, в западные крепости государства. Стрельцы волновались.

И в это время Петру донесли о заговоре на его жизнь. Во главе заговора стоял стрелецкий полковник Циклер. Петр спешно расследовал дело. Циклер был казнен.

Вскоре Петр уехал за границу с «великим посольством», снаряженным для заключения военного союза против Турции, у которой Москва только что отвоевала Азов.

Никто не должен был знать, что с посольством едет дарь. Зато в числе посланных числился «урядник Преображенского полка Петр Михайлов».

Но очень скоро по всем европейским дворам разнеслась весть, что Петр Михайлов — это московский царь Петр I.

Как глава государства, разговаривал Петр с министрами и королями. Упорно и властно добивался своего. Вел дела своей страны с увлечением и талантом.

И в то же время как «урядник Михайлов» плотничал в Саардаме, в Германии учился артиллерии у немецкого полковника, в Англии проходил курс кораблестроительного искусства на королевских верфях.

«Урядник Михайлов» подсмотрел у западных народов то, чего никогда не могли увидеть их собственные короли и князья. Он увидел мастерские Европы: верфи, кузницы, лаборатории, музеи, библиотеки. Он увидел людей, которые в этих мастерских создают мощь и богатство всех стран.

Он вздумал все виденное поскорее применить у себя дома, в Москве. Письма его были полны мыслями, советами, распоряжениями о добыче железа, меди, постройке

каналов и кораблей, о высылке заграничных мастеров.

А по московским базарам поплыли слухи, будто Петр за морем утонул, что вместо Петра нашли похожего немца, который его именем будет править и мучить народ.

В стрелецких полках стали открыто поговаривать, что надо разорить Немецкую слободу и посадить на престол Софью, которая стрельцов уж не обидит.

Летом 1698 года в Вене Петр получил письмо из Москвы. Князь Ромодановский писал, что «стрельцы взбунтовали» и идут на Москву.

Опять стрельцы.

Петр немедленно покидает Вену, не закончив своих дел, и скачет в Москву.

Снова стрельцы стали ему поперек пути. Пришло время с ними покончить. По дороге в Москву Петр получил второе письмо. «Бунт» был подавлен с легкостью в один день. Да и был ли это «бунт»? Стрельцы шли в Москву с единственной просьбой повидать своих жен и детей перед отправкой на западную границу. Их рассеяли картечью, переловили и обезоружили. «После того были розыски и пытки им, стрельцам, жестокие. И по тем розыскам были многие казнены и повешены по дорогам. Остальные разосланы в тюрьмы и монастыри под «стражу».

Но Петра уже нельзя было остановить. В Москву он пишет Ромодановскому:

«...Прошу вас быть крепкими, а кроме сего ничем этот огонь угасить нельзя. Хотя нам очень жаль этой полезной поездки, мы ради этой причины будем к вам так, как вы не ожидаете».

Это звучало как страшная угроза.

Петр спешил в Москву, а в его горячем воображении вставали страшные детские впечатления стрелецкого бунта.

Петр вспомнил, как стрельцы на его глазах подхватили на копыта бояр Матвеева, Голицына и других сторонников юного царя.

26 августа по Москве разнеслась весть, что накануне приехал царь. Он не явился во дворец, не был даже у жены. Ночевал в Немецкой слободе. Начался розыск.

С половины сентября 1698 года начали привозить в Москву стрельцов, которые остались в живых после первого кровавого розыска, учиненного по приказу государю Шейным. Свели более 1700 стрельцов. Ими были заполнены все окрестные монастыри и села.

17 сентября, в день именин царевны Софьи, в селе Преображенском и в 14 московских застенках начали пытать стрельцов.

Узнали, что стрельцы хотели звать Софью в правительницы, узнали, что от Софьи в Великие Луки, где стояли стрельцы, было прислано им письмо.

В передаче письма оговорили стрельчих. Начали пытать и женщин. Софью Петр допросил сам.

А по Москве ставили виселицы. Воздвигали виселицы и у ворот под Новодевичьим монастырем, где находилась Софья.

Казни начались 30 сентября. К Покровским воротам привезли первую партию осужденных — 200 стрельцов. В каждой телеге сидело по-двое; в руках они держали зажженные свечи, за телегами с громкими воплями бежали жены, матери и дети стрельцов.

У Покровских ворот в присутствии Петра была прочтена «сказка». «В распросе и с пыток все сказали, что было притить в Москве, и на Москве, учиня бунт, бояр побить, и Немецкую свободу разорить, и немцев побить и чернь возмутить, всеми четыре полка ведали и умышляли. И за то ваше воровство великий государь указал всех казнить смертию».

По прочтении «сказки» осужденных стали развозить к месту казни.

Поны из стрелецких полков тоже были повешены. Главарей бунта предавали мучительной казни: им ломали руки и ноги колесами, которые были воткнуты на колья на Красной площади.

А в селе Преображенском Петр собственноручно отрубил головы пятерым стрельцам.

Приближенные и бояре должны были следовать его примеру. Князь Ромодановский отсек 4 головы, а любимец Петра, Алексашка Меньшиков, похвалялся, что обезглавил два десятка стрельцов. Князь Голицын рубил неумело и причинял своим жертвам лишние страдания.

Только иностранцы — полковник Блюмберг и Лефорт — отказались от участия в казнях.

Петр, сидя на лошади, наблюдал за казнями.

Он чувствовал себя правым. Он беспрестанно заботился об укреплении Российского государства, он создавал новую боеспособную армию, заводил флот, завязывал полезные связи с заграницей, радел о науках.

Ленин писал, что «Петр ускорял переименование западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства».

Петр видел в стрельцах темную и опасную силу, которая все время мешала ему управлять государством, которая была опорой его врагов.

Пять месяцев труппы стрельцов болтались на виселицах. «Что ни зубец, то стрелец» — сложилась в Москве поговорка в ту страшную зиму.

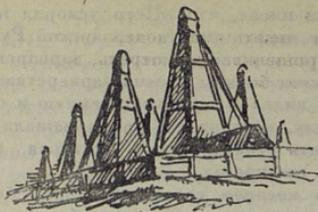
Художник Суриков в своей картине «Стрельцы» показал последние минуты перед казнью на Красной площади. На стрельцах белые рубахи, в руках у них зажженные погребальные свечи. Одного стрельца, с бессильно опустившимися руками, солдаты волокут к виселице. Остальные — в ожидании. Слева, в телеге, сидит рыжебородый стрелец. Злоба на Петра клокочет в его сердце. Чернородый стрелец в накинутом кафтане тоже смотрит загравленным зверем. Он убежден в своей правоте, и гневом сверкают его глаза.

Стрельцы сломлены. Один из них смиренно поднялся на телеге, чтобы проститься с народом.

Среди толпы стоит девочка в красном платочке. Она не понимает, что происходит. Поодаль — на коне — Петр. С непримиримой враждой смотрит он на ненавистных стрельцов.

Художник верно передал смысл происшедших событий. Он глубоко любил русский народ. Он любовно изобразил стрельцов, которые близки ему как страдающие и борющиеся люди из народа.

Но, сочувствуя замученным стрельцам, Суриков вовсе не выступает против Петра, деятельность которого была шагом вперед в истории Российского государства. Суриков не чернит Петра, не выводит его злодеем, а показывает его таким же убежденным в своей правоте, как и стрельцов. Ходом истории обреченная на гибель древняя боярская Русь уступала место новым силам. Стрельцы, которые поддерживали боярскую старину, пали жертвой этих перемен. Вместо родовитых старинных бояр Петр привлек к управлению государством новых, не столь знатных, а иногда и совсем незнатных людей из дворянства и молодого класса промышленников и купцов. Петр энергично призывал к жизни эти новые силы и этим укреплял Российское государство.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО „КОМПАС“

Известия Географического общества читателей журнала „Пионер“.

№ 12

Геологическая загадка

Геологи Каменец-Подольска уже давно предполагают, что под нашим городом залегает нефть. На такой вывод наталкивает ряд обстоятельств: территория нынешней Подолии в древние времена заливалась морем, так что нефть в этом месте действительно могла образоваться; на озерах за городом часто бывают видны жировые пятна.

Но, может быть, пятна эти возникают совсем по другой причине, и никакой нефти в нашем районе нет?

Меня очень интересует эта геологическая загадка. Прошу вас, укажите мне, как вести разведку нефти.

Сема Ташкер.

Каменец-Подольск.

Поиски нефти

С. П. Киселев, инженер-геолог, старший научный сотрудник
Института горючих ископаемых Академии наук

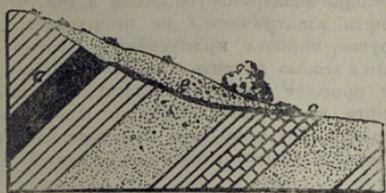
Чтобы успешно искать нефть, нужно знать, как она получилась, откуда появилась в глубинах земли.

Родина нефти — море. В морях, кроме крупных животных и рыб, живет множество мелких и больше всего такой медузы, которую простым, невооруженным глазом и не видно. Животные эти плавают в воде, а когда умирают, падают на дно. И вот тут-то начинается интересное превращение. На суше, где много кислорода, все умершие животные быстро сгнивают, остаются только их скелеты или ракушки. На дне моря кислорода мало, и его не хватает для гниения. Поэтому трупы разлагаются очень медленно, а жир, который в них есть, превращается в мелкие капельки нефти. Большую помощь в этом превращении оказывают еще более мелкие су-

щества — особые бактерии, которые могут жить на дне моря и не нуждаются, как другие животные и растения, в кислороде.

В воде всегда есть песок и ил. Если зачерпнуть стаканом воду из реки и дать ей постоять, то скоро на дне окажется осадок из песчинок и кусочков ила. То же самое происходит и в море. Там так же отстаиваются пласты глины и песку. В конце концов этих пластов накапливается много. Они не лежат спокойно. За долгие, многовековые промежутки времени земля сжимается. Пласты эти становятся более плотными, сминаются в складки и при этом выжимают нефть. Так выжимается вода из влажного белья, когда его скручивают. Если бы мы разрежали земную кору, то увидели бы складки изогнутых пластов

разных пород. В этих пластах и находится нефть. Она пробирается по крошечным порам, которые есть даже в самых крепких каменных породах, и иногда скопляется в очень больших количествах. Иногда складки земной коры выходят на поверхность. Тогда выходит и нефть.

Нефть не всегда залегает как раз под тем местом, где она выходит на поверхность. На рисунке видно, как пробирается нефть (нефть закрашена черным).

Когда мы, геологи, ищем нефть, мы прежде всего ищем наружные признаки. Их много. Конечно, там, где нефть есть на поверхности, дело ясное. Но тут надо хорошенько проверить, действительно ли эта нефть выходит из земли. А то, может быть, тут кто-нибудь ее просто-напросто пролил, или стояла здесь раньше керосиновая лавка.

Обычно нефть выходит вместе с водой. Поэтому те места, где бьют ключи, надо осматривать особенно внимательно. На воде нефть образует радужные жировые пятна. О таких пятнах, очевидно, и говорит Сема Ташкер. Но не всякое радужное пятно — нефть! Для проверки надо ударить по пятнам палкой. Если это нефть, то большое пятно разбивается на мелкие круглые пятна, в других случаях пятна получаются угловатые.

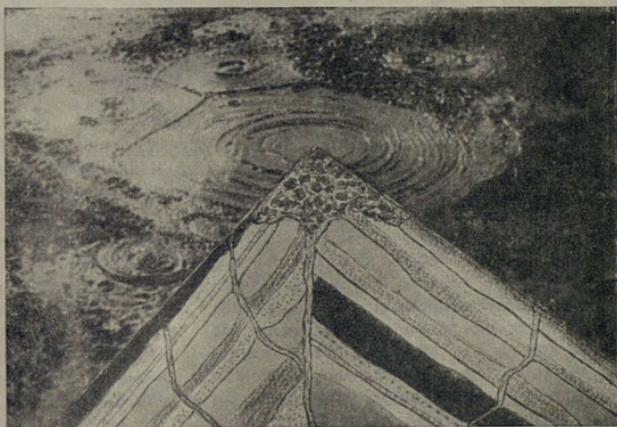
Найдя нефть на воде, опять-таки надо хорошенько посмотреть, не попала ли она сюда случайно. Я сам однажды просидел целый час, наблюдая нефтяные пятна и пузырьки газа на реке Куре, прежде чем понял, что нефть попадает в воду от молотилок, которые работали километрах в трех вверх по течению.

Один из наружных признаков нефти — грязевые вулканы. Их очень много на Апшеронском полуострове, в Закаспии, на Таманском и Керченском полуостровах. Из жерла такого вулкана все время течет грязь, выделяются пузырьки газа, а часто и капельки нефти. Это значит, что вблизи от вулкана есть нефть.

Почти всегда нефть встречается вместе с соленой или серной водой. Поэтому, когда мы находим соленые и серные источники, мы знаем, что тут, на глубине, может быть нефть, и ищем ее.

Обнаружив признаки нефти, мы стараемся проникнуть взглядом под землю. Мы составляем геологическую карту, рисуем на ней, как залегают пласты пород, на какой глубине лежит пласт с нефтью. И затем бурим скважину.

Когда скважина доходит до нефтяного

Здесь снята поверхность грязевого вулкана. На фотографию уголком наклеен чертёж, который показывает вулкан в разрезе. Капельки нефти и пузырьки газа пробиваются по трещинам к жерлу вулкана и выходят на поверхность.

пласта, часто получается то же, что бывает при откупоривании бутылки с нарзаном или сельтерской водой. Пока бутылка закрыта, все спокойно, но как только вы открыли ее, начинают бурно выделяться пузырьки газа, во все стороны разлетаются брызги воды. Так же получается и нефтяной фонтан, потому что нефть всегда залегает вместе с газом. Такие фонтаны часто бывают у нас в Баку, в Грозном, на Северном Кавказе, в Дагестане, на Эмбе и на Урале. В 1933 году около Баку, на промысле Лок-Батан, пробурили скважину, которая выбрасывала фонтаном свыше двадцати тысяч тонн нефти в сутки. Двадцать тысяч тонн—это четыреста большегрузных нефтяных цистерн, двадцать поездов...

Собрать всю эту нефть, конечно, не могли. Тремя ручьями—один метров в пять, а другие метра по три шириной—она текла в большой овраг, запруженный мешками с землей. Много нефти впиталось обратно в песок, но много ее все-таки удалось собрать. Через несколько дней все пустые резервуары на промыслах, все свободные пароходы в Бакинском порту были наполнены нефтью. А нефть все текла и текла. Несколько месяцев откачивали ее из образовавшихся огромных нефтяных озер.

Нефть ищут не только так, как я вам рассказывал: это—дело гораздо более сложное. Когда нефть выходит на поверхность, то обычно газ из нее тоже уходит, а самая нефть густеет и становится тяжелой и вязкой. Поэтому мы здесь фонтана не получим. Да кроме того, когда уходит газ, то с ним из нефти уходит и самое ценное, что в ней содержится,—бензин. А наши быстрые самолеты, могучие танки, автомобили, тракторы и грузовики нуждаются именно в бензине и керосине. Поэтому мы ищем нефть там, где она лежит в закрытых пластах, где в целости сохранились газ и бензин.

В Прикуринской низменности и в Урало-Эмбенском районе почти повсюду ровная местность. Складки земной коры скрыты на глубине, и в них далеко от взоров человека спрятана драгоценная нефть. Но как же ее обнаружить? Мы научились ее искать при помощи геофизики. Мы прибегаем к помощи электричества. Дело в том, что нефть электричества не пропускает, а другие породы пропускают. Поэтому, если в землю пустить электрический ток, он пройдет через все пласты, где нет нефти, но, попав в нефтяной пласт, застрянет. По тому, как проходит ток в земле, и узнают о наличии нефти. Там,

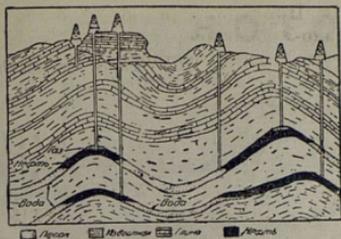

Верхняя часть этой картинки—фотография. Она снята в окрестностях Баку. На заднем плане—грязево-вулкан Кейреки. Нижняя часть картинки—нефтеносные пласты в разрезе.

где ток проходит медленно,—там, вероятно, есть нефть, и в этом месте надо бурить.

Все вы, наверное, слышали про Кара-Бугаз. Залив этот теперь постепенно выпаривается. Воды в нем становится все меньше. Все больше и больше откладывается соли. Такие заливы образовывались и раньше. Только размеры их были еще больше. В течение долгого времени здесь выпаривалась соль. Постепенно она покрылась толстыми пластами глины и других пород. Эти пласты давят на соль, а соль под их давлением становится подвижной как тесто. Она ищет выхода, и если есть где-нибудь в

Буровые скважины.

покрывающих ее породах трещина или разлом, то соль разжимает эту трещину, приподнимает покрывающие ее породы и поднимается вверх в виде столба, иногда даже выходит на поверхность. Такие столбы соли порой бывают по несколько километров в поперечнике. При этом соль выжимает из глин те мелкие капельки нефти, которые в них образовались. Вокруг соляного столба, а иногда и над ним, если он скрыт под поверхностью, образуются залежи нефти. Стало быть, скважины надо бурить вокруг такого подземного соляного столба, а для этого нужно знать его форму. Тут исследателям нефти помогает особая наука — гравиметрия. Сила тяжести в разных местах земли разная. Она зависит от пород и их плотности. А соль дает наименьший показатель силы тяжести. По этому признаку особые приборы отмечают очертания соляной массы.

Применяется для поисков нефти и сейсмический способ. В нескольких местах разведчики устанавливают очень чувствительные приборы — сейсмографы, а затем устраивают искусственное землетрясение. Они бурят маленькую неглубокую скважину, закладывают в нее взрывчатое вещество и взрывают. Тогда все частички пород приходят в сотрясение, но разные породы отвечают на взрыв по-разному, и приборы отмечают в одном месте одно сотрясение, в другом — другое. По записям сейсмографов видно, из каких пород сложена местность. Эти приборы позволяют нам проникнуть взглядом сквозь землю, раскрывают перед нами то, что скрыто в ее глубинах. Разведчики вычерчи-

вают сейсмическую карту и по ней судят о том, где тут есть нефть.

Но окончательный ответ о том, сколько нефти есть на глубине, дает только буровая скважина.

У нас в Советском союзе очень много нефти. Таких богатых месторождений, как в Баку, нет больше нигде в мире. Богатые нефтяные залежи в Грозном: там один над другим лежат двадцать два нефтяных пласта. Много нефти в Майкопе, на Кубани, в Дагестане, на Керченском и Таманском полуостровах и в Грузии. Есть нефть на Урале; весь западный Урал богат нефтью. А недавно на восточном Урале бурили скважину для воды, а нашли нефть. Богатые залежи нефти в западном Казахстане — в Урало-Эмбенском районе. Есть нефть в Сибири и в Средней Азии. В Кара-Кумах целыми пластами лежит горячая сера, а она залегает вместе с нефтью, — значит, есть нефть и в Кара-Кумах.

Богатые нефтяные месторождения открыты на Сахалине, куда при царизме сослали на каторгу. Нефти там так много, что местами, например в районе Охи, она образует целые озера. И, кажется, первыми научились здесь искать и использовать нефть коренные хозяева тайги — медведи. Когда их уж очень одолевают мошки и комары, медведи ищут нефтяные озера, вываливаются в нефть, и после этого, конечно, им ни один комар не страшен.

Разведчики-нефтяники даже иной раз используют медвежьи знания. Уходит медведь после нефтяной ванны, лезет через тайгу напролом и оставляет за собой на стволах и ветвях деревьев нефтяные пятна. По таким пятнам разведчики безошибочно находят в глухой, неведомой тайге выходы нефти.

Сема Ташкер спрашивает, есть ли нефть около Кременчуга. На такой вопрос сразу ответить трудно: надо посмотреть да поразведать. Очень возможно, что и есть, потому что с геологической точки зрения Кременчуг находится в такой полосе, где нефть может быть. Около Кременчуга не было пока разведок на нефть. Будет очень хорошо, если кременчугские ребята летом поищут выходы нефти.

Владивосток

Рис. Миши Папмейна

Во Владивосток мы приехали поздней осенью. Первое, что меня там поразило, была бухта. Прямо с вокзала мы подехали к пристани. Нам нужно было переехать на противоположный берег бухты. Катера не было. Китайцы-лодочники, стараясь перекричать друг друга, орали во все горло:

— Моя прямо!.. Моя прямо!..

Это означало, что они едут на ту сторону.

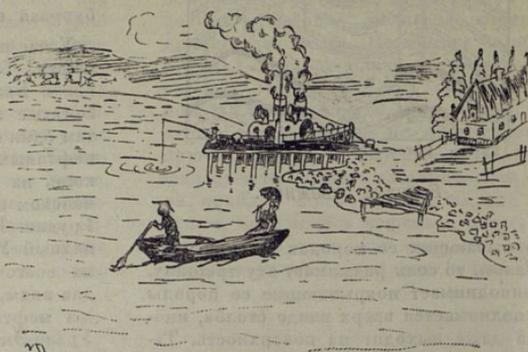
Мы сели в одну из лодок и отчалили. Китаец стоял на корме и «юлил» одним веслом, быстро двигая его то вправо, то влево. Прекрасная, величественная бухта была перед нашими глазами. Длинной она в пять километров, шириной в километр и заключена между невысокими сопками. Уголок бухты глубоко врывается в материк, он называется «Золотой рог». Такое название вполне подходит к этому месту, особенно вечером, когда заходит солнце и залил кажется на самом деле золотым.

Вдруг недалеко от нашей лодки выпрыгнуло из воды какое-то неуклюжее чудовище и опять исчезло, оставив после себя на поверхности воды большие круги.

— Кашалот, — пояснил китаец.

Первый раз в жизни увидел я кашалота. Жаль только, что он исчез так быстро. Я не успел его хорошенько рассмотреть.

Когда мы были уже недалеко от берега, я посмотрел за борт в воду и больше не мог оторваться: вода была так чиста и прозрачна, что все дно было видно. Множество больших и мелких морских животных лежало на дне или ползало с места на место. Самые маленькие, которые я мог разобрать, были сероватые ракушки—устрицы. Бочком, но довольно проворно передвигались по дну мелкие крабы. Попадались и морские звезды, они были темнорозового цвета, пятиконечные, величиной в дет-

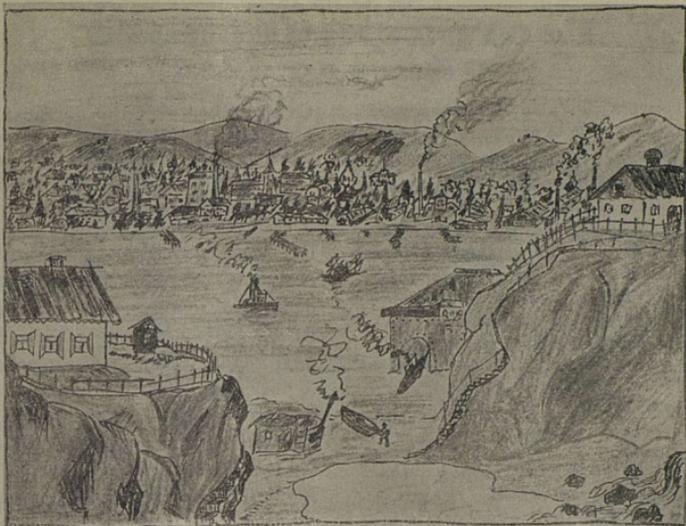
Китаец-лодочник.

скую ладонь. У другого, более крупного вида морских звезд конечности были ветвистые. Под подводными скалами медленно лазали огромные крабы. Если взять такого краба за парные клешни и растянуть, то расстояние между их концами иной раз достигает полуметра. Потом я узнал, что китайцы ловят таких крупных крабов большими проволочными сетками куполообразной формы. К центру сетки привязывается тонкая веревка, а по краям — камни для тяжести. Получается что-то вроде проволочного зонта. С этим оружием ловцы плавают на лодке недалеко от берега и высматривают крабов. А когда увидят, быстро спускают по веревке зонт и накрывают им краба.

С сожалением вылез я из лодки, когда мы подехали к берегу.

Пока мы жили во Владивостоке, мы несколько раз делали экскурсии на сопки. Сопки эти не очень высокие, но некоторые довольно крутые, так что при подъеме приходится хвататься за каждый кустик и пучок травы, чтобы найти опору. С вершин сопки открывается вид на Владивосток. Ближайшие дома ясно видны, а дальше город тонет в синеватой дымке. Далеко впереди виден выход из бухты в океан.

Зимой бухта замерзает. Лед достигает метра в толщину, поэтому по нему даже

Уголок бухты. Направо виден маленький док для ремонта катеров.

подводы ездят. Но вот весной, когда лед начинает таять и появляются большие трещины, перебираться через бухту опасно. Тогда по льду прокладывают трапы, а с наступлением темноты по бухте ходят специальные патрули и направляют прохожих на безопасные места.

Сейчас я живу в Сухуми, среди совсем другой природы, но мои впечатления от Владивостока несколько не потускнели.

Михаил Папмейн

Сухуми, 7-я средняя школа,
7-й класс «Б».

Летчики на полюсе

Во время перелета из Аляски в Ленинград через полюс самолет обледенел. Пришлось спуститься на первую попавшуюся удобную льдину. Оказалось, что место посадки находится как раз на полюсе.

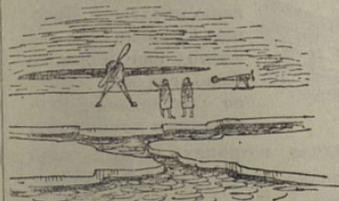
— Звать на помощь? — спросил радист.

— Пустяки, — ответил летчик, — сами справимся, переждем погоду и доберемся.

Погода исправилась, можно бы и лететь, но куда? Где север, юг, запад, восток? Солнце не восходит и не заходит, а идет кругом все на одной высоте. Как определить, где Ленинград?

Но летчик не растерялся. Он разостлал на снегу карту, поставил на нее компас. Подвигал немного карту и определил направление.

А как он это сделал, догадайтесь сами.

Фонд Географического Общества.

Люся Васильевская,
Л. Берлянд, Муся
Шутилова (город Ра-
домысль, Киевской
области) на берегу

реки Тетерева нашли старый заржавевший якорь. Якорь был большой, в полтора метра высотой. Как мог он попасть на берега Тетерева, мелкой несудоходной реки? Девочки решили, что, очевидно, раньше Тетерев был глубже и по нему ходили суда. Девочки стали расспрашивать старых людей и убедились, что их предположение правильно.

Тадзик Роговский (город Полонное, Винницкой области) описывает свою экскурсию в Крым.

В экскурсии участвовало 100 отличников учебы из разных украинских школ. В Севастополе ребят встретили краснофлотцы из бригады торпедных катеров, подшефной пионерам Украины. Три дня, проведенные в Севастополе, были очень интересны. Ребята осмотрели торпедные катеры, ездили в Херсонес на раскопки древнего города, посетили Морской музей и Севастопольскую панораму, где изображена оборона Севастополя во время войны 1855 года.

Потом на автомобилях ребята поехали в Алушку. Побывали также в Ялте и Мисхоре.

Географический кружок школы № 6 (город Калинин) прислал коллективное письмо, в котором ребята описывают свою экскурсию на морены древнего ледника в 5 километрах от города Калинина. Когда-то, в далекие, далекие времена, двигался по этим местам гигантский ледник.

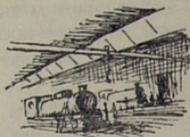
Со страшной силой он крушил на своем пути скалы, размалывал и обтачивал их, превращал в валуны. По краям ледника возникали гряды приносимых им обломков — морены.

Сейчас морены изрыты карьерами: в них добывают щебень и гальку для построек. Спустившись в глубокий карьер, ребята увидели морену в разрезе. Геологи немедленно стали собирать коллекцию пород, из которых сложена морена. А ботаники вылезли наверх и занялись растительностью. Они увидели, что почвенный слой на моренах тонок. Сразу же под дерном (толщиной в 10 сантиметров) лежит щебень морены. На моренах растут ивы, осины, ломкая крушина, можжевельник, сосны, ели.

Н. Евдокимов (Москва) жил прошлым летом в селении Макосе на берегу Черного моря. Селение это греческое. Жители занимаются земледелием и рыбной ловлей.

Однажды был сильный шторм. Огромные волны обрушивались на берег. Вдруг Евдокимов увидел, как волна выбросила на берег здоровенный камень. Он весил около четверти тонны.

Лида Назарова (Москва) описывает свою поездку в Красное Сормово. Не так давно еще Сормово было грязным селом со скверными, низенькими домишками.

Теперь вдоль широких чистых улиц стоят большие новые дома. В Сормове много заводов. Есть там и паровозные и судостроительные заводы.

Симха трубочист

Это песенка трубочиста старого еврейского местечка. У нас в СССР теперь таких местечек нет, остались они в Польше, в Литве, где еврейская беднота страдает от польских и от еврейских богачей, от ростовщиков и раввинов и от всех, кому не лень пользоваться их угнетенным положением.

Мирра Хенкина

Рис. М. Аксельрода

Перевод с еврейского Т. Спендиаровой

Симха с бубенцами —
Веселый еврей.
Чтобы в дом проникнуть, Симхе
Не нужно дверей.

Косит он левым глазом,
Смотрит вбок хитро.
В руках у Симхи веник,
Веревка и ведро.

«Я дьявол черномазый,
Я страшный домовой.
Глотаю дым и пламя,
Живу в трубе печной.

Я видел через вьюшку,
Как шойхета¹ сноха
Смолила, потрошила
Большого петуха.

А тесть его, бедняжка,
Вздыхает глубоко:
Квартиру наводнили
Заклады бедняков.

У тестя в доме тесно
От этого добра.
У тестя в кухне тесто
Раздулось как гора.

Я дьявол черномазый
Я страшный домовой.
Глотаю дым и пламя,
Живу в трубе печной».

¹) Шойхет — резник, режущий скот по религиозному обряду.

Дедова болезнь

Рассказ М. Лоскутова

Рис. Ю. Кискачи

Дед, по прозвищу Бородоед, живет в деревне Топунцы, Маляевского района, работает в колхозе. Живет, известно, хорошо, трудней зарабатывает премного. За отличную работу давно он уже в почете. В премию дали ему радиоприемник с громкоговорителем, велосипед, три пары полуботинок, калоши новые и еще много кой-чего.

Дом ему отстроили новый, как раз на площади стоит, где трибуна на случай всяких праздников, клумба с цветами и щит с красной и черной досками.

Больше всего деду понравилась трибуна. Всем он говорил, что трибуну-то как раз для него и поставили.

Известно: мужик языкастый, любитель поговорить.

В самом деле народ повадился по вечерам у трибуны собираться, деда послушать. Любил он больше рассказы из старой жизни, стариковской, но мог поговорить и по любому всякому другому предмету.

— Вот, — говорят ему, — слышь, дед: лягушки расквакались. Прямо пение оперы.

— Ну что ж, лягушки. Известно, — всякое животное петь может. Во Франции лошади, я слышал, поют. А то лягушки!

— Ну, уж ты и скажешь! Чтой-то у нас они не поют ни в какую.

— Ну это как еще и сказать — «ни в какую». К ним подход тоже нужно найти. Вот, дорогие мои, я вам расскажу, была такая история...

И пошел рассказывать.

Но только случилось как-то с ним неизвестно что. Точно вожжа какая под ноги попала. Старик заскучал, работать стал хуже, вообще сбился.

Сидит как-то у трибуны, курит цыгарку.

— Да, — говорит, — все хорошо. Все есть. Только ничего такого нету...

— Чего нету, дед? — спросил кто-то.

— Да так, того-сего...

— А все-таки чего?

— Мало ли чего. Лешего нету...

Тут народ захохотал.

— А на кой он тебе леший-то? — спросил один парень.

— Да мне он ни к чему, — сплонул старик. — Понятно, леших нету. Колхоз теперь, не старое время.

— Были ли они и в старое, еще неизвестно, — осторожно сказал кто-то.

Тут дед обиделся.

— Почему же неизвестно? — сказал он презрительно и еще раз сплонул. — Ко-му

неизвестно, а кому как... Раньше всяко бывало.

— А к примеру? — спросил парень.

Тут дед совсем рассердился:

— Вот тебе и к примеру. Чего ж тут такого? Обыкновенное дело. Бывало, ежели мужик один поехал, то лесовик обязательно пакость ему подложит. То лошадь заведет, то чихать начнет, то обернется чем...

— Чем же?

Дед развел руками:

— Чем, чем. Эх пристал... Ну кошкой, скажем. Медведем. Собакой. Мало чем.

— Неужели и собакой бывало?

— Понятно, и собакой. При старом режиме все бывало. Каждый леший над мужиком рад был потешиться.

Тут дед увидел, что народ посерьезнел, и поддал пару:

— Что собакой? Один раз курицей прикинулся...

— Ну это зачем же, курицей?.. — недоверчиво опять хмыкнули кругом.

Дед разгорячился:

— Как зачем? Каждый дурак понимает, зачем. Мужик, он видит: курица ничья бежит — да за ей. А она от него. А он за ей...

Какая-то тетка перекрестилась.

— И что же?.. Много так народу таскала? — тихо спросила она.

— Конечно, много. Иной раз по пять мужиков в день таскала. А то и по десять.

Тут деду показалось, что десять, пожалуй, много. Подумав, он сказал, завернув новую цыгарку:

— Я, конечно, не считал и не видел, но люди рассказывали...

— То-то, что люди, — сказал парень и подмигнул остальным. — Люди говорят, что гвозди едят.

Все захохотали опять, и дед, обидевшись, ушел спать.

С того времени и приуныл старик. На другой день на работу не вышел, сказал: больной. И вообще потом манкировать стал. Каждый день выходит только перед трибуной посидеть, а на работу почти не появляется. То день не работает, то два, то неделю целую. Стали его совестить, укорять, на собраниях говорить — ни в какую.

Наконец, сняли его с красной доски. А доски — черная и красная — тут же, против дома, висели. И это не помогло.

— Что тебе надо, не понимаю, — сказал ему председатель Фома Егорыч. — Дом ты

имеешь, радио, калоши. Еще, если хочешь, зарабатываешь, — только живи да наслаждайся.

— Мне калоши нипочем, — сказал дед. — Не можешь ты меня понять. Калош я хоть сто пар куплю. Я необыкновенной жизни хочу. Не могу я без необыкновенного жить. Помирать нужно.

— Пошел бы ты к доктору. Зачем помирать?

Пошел он к фельдшеру Никодиму Петровичу, потом с'ездил в амбулаторию. Не нашли ничего у него.

— А аппарат у вас есть, что внутрь просвечивает? Под названием рентген? — спросил он. — Нету? Ну то-то.

И уехал домой. А здесь его тем временем на черную доску повесили.

— Нипочем, — сказал он старикам. — Мне теперь другие доски заказывать нужно. У них, видишь ли, аппарата для просвечивания насквозь нету еще, публика отставшая. А у меня внутри от старого времени еще болезнь копошится.

— Что ж это за болезнь, Анисим Григорьевич? — подивились старики, стали его расспрашивать.

— А такая, будто во мне два мужика сидят. Живу, живу — ничего, второй мужик спрятавши сидит. А иногда он вдруг толк кулаком в живот и давай городить. «А вот в старое время, — говорит, — куда интереснее было. То да се...» Заткнешь его, а по прошествии времени он опять свое.

— В самом деле или как? — спросила его старуха.

— Болезнь такая. Двойная психография называется по-научному.

— А ты не пробовал его порошком если персидским затравить?.. Второго мужика-то?

— Пробовал. И карболкой пробовал. Живуч он. Он одной водки и то ведро выдерживает.

Пошел дед по деревне. Ни телефонные столбы, ни новая баня, ни машина — ничто его не интересует. Ходит и всем про двойную психографию рассказывает. Стали старики даже живот у него щупать, подробно-сти расспрашивать:

— Ничего сейчас?

— Так, маленьку коловротит. Сосет.

— А на кисленькое не тянет?

— Нет, только чего-то все такого хочется.

На работу совсем перестал выходить.

Встретил его председатель, просил последний раз подумать.

— Не могу. Психография, — сказал дед.

— Ну так поставим об исключении из колхоза. Будет психография, — сказал председатель, а сам позвал к себе лучшего деда друга — пионера Федю Копейкина.

— Ты, — говорит, — первый помощник и друг его. Расскажи, в чем у него дело.

— Знаю, — говорит Федя, — в чем. Давай делать, как я скажу. Вылечим.

Пока они говорили, что делать, пришел дед домой и лег на лавку.

— Помирать буду, — сказал он старухе.

— Подожди, — заплакала старуха. — Есть тут один человек, женщина, по всем болезням, — Бабуниха. Она все может.

— Ну давай Бабуниху. Все равно. Только ты ее ночью зови. Неловко: знатный ведь я человек в колхозе.

Старая бабка Бабуниха, известная специалистка по ведьмам и знаток по страданиям, гаданиям, травам и дурному глазу, пришла к вечеру, когда стемнело. Тихо юркнула она в дверь и села на лавочку перед дедом. Анисим Григорьевич лежал кверху бородой и высчитывал, сколько на потолок могло бы людей поместиться, если бы люди ходили кверху ногами.

Расспросила Бабуниха его, в чем дело, рассказал он ей.

— Ну понятно, — сказала она. — В тебе два мужика сидят. Вот мы второго сейчас и выгоним. Дело не редкое. Ложись опять на спину.

Лег он опять кверху бородой, а сам одним глазом смотрит: больно интересно ему, что бабка выделывать будет. А она развернула узелочек, вынула горшочек, поплевала в него, порошок насыпала и давай возле деда прыгать.

— Лежи, не дрожи, — сказала она, — бороду держи. Не оглядывайся на меня. Коловорот, каррабалот, на утренней заре, при тесовом дворе...

— Подожди, — сказал дед подымаясь. — А ты знаешь, с кем ты говоришь? С Анисимом Григорьевичем, знатным человеком колхоза «Трудовые дни»...

— Ясно, знаю, батюшка.

— Ну то-то, — дед опять лег. — Ты смотри, чтобы лечение было соответствующее. И слова там — повежливее. Что за каррабалот такой?

— Это слово лечебное. Мужика выгнать. Ничего такого.

Велела бабка глаза закрыть и начала опять подпрыгивать.

— Стой! Стой! — вдруг встрепенулся дед.

Он даже вскочил совсем с лавки и устоялся на старуху.

— А ты которого мужика-то выгонять будешь? — спросил он.

— Как, какого?

— Так. Колхозного или старого? Ты у меня старого, смотри, выгони.

— Ну, самой собой, какого же еще?

— А ежели не того выгонишь, ведьма старая, если выставишь прочь колхозного мужика, что я тогда буду делать?

Еле уговорила бабка его. Лег он опять. Положила ему бабка горшок на живот.

— Сейчас будем слушать, что он говорит, — сказала она, упершись в живот руками. — Говорит что-нибудь?

— Нет.

— А сейчас?

— Нет. Ни полслова.

Билась, билась она — ничего не говорит. Попыталась она что-то, еще раз стала давить.

— Слышишь что-нибудь, дед?

— Слышу.

— Что говорит? — обрадовалась бабка.

— Сейчас, дай послушать. В Воронежской, — говорит, — области ожидается пасмурная погода с умеренными осадками.

— Чего? — удивилась бабка.

— С умеренными осадками...

— А сейчас чего?

— Покупайте, — говорит, — билеты одиннадцатой лотереи Осоавиахима...

Бабка от удивления даже в пот бросило.

— Удивительный у тебя мужик, — развела она руками. — Особенный какой-то. А еще что слышать?

— Ясно, особенный. У меня, думаешь, простой будет? А сейчас ничего. «Объявляем, — говорит, — перерыв на пять минут. После чего слушайте певицу Мармеладову».

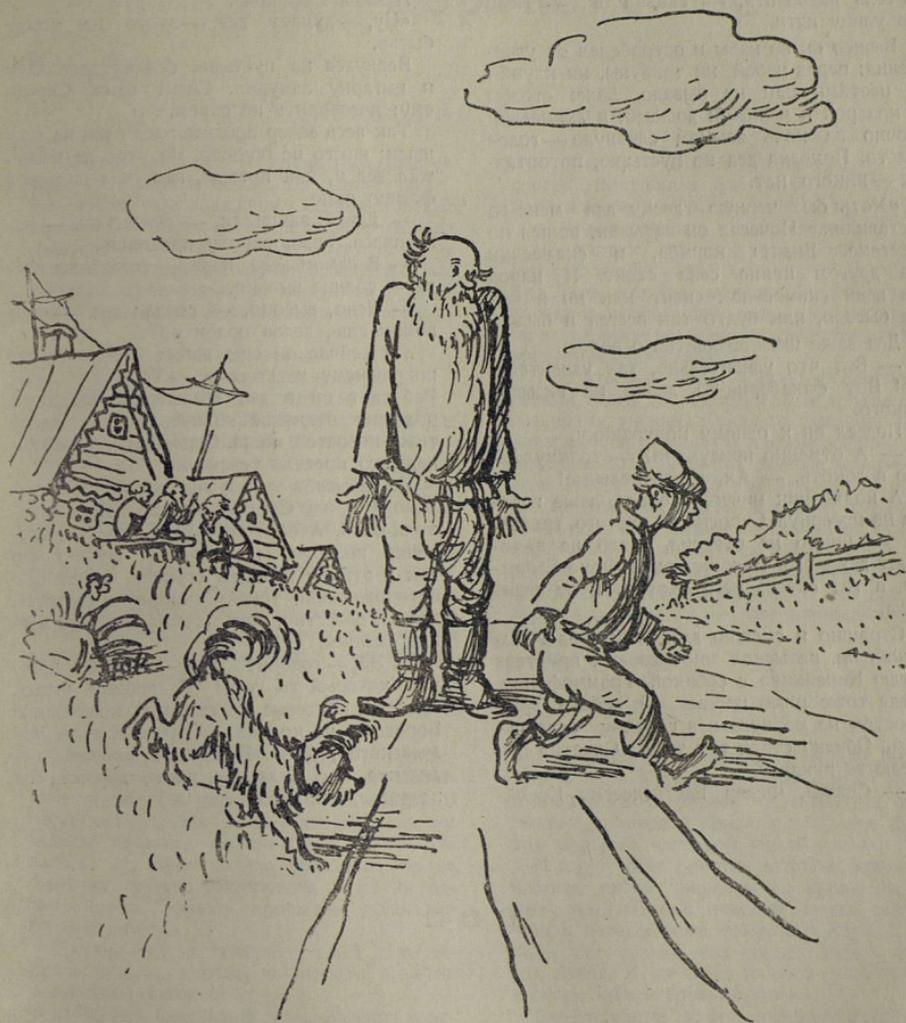
Бабка всплеснула руками.

— Да-к это, может, радио у тебя за стенкой?! — ахнула она.

— Ясно, радио. В премию дали. Ничего удивительного. Сама спрашивала, чего слышать...

Плюнула бабка и даже нехорошим словом запустила сгоряча. Начала она разводить бутафорию всю сначала.

— Подожди, что это за окном шум какой на улице? И разговор какой-то, — сказал дед.

— Скажи, Федор Евстигнеевич Копейкин, неужто в самом деле ты не видишь меня?

— Ничего, лежи. Нельзя тебе в окно смотреть.

...Словом, так она лечила его до утра без особых результатов. А на заре дед плюнул на бабу и встал.

— А ну тебя, некогда мне с тобой канитель разводить, — сказал он. — Надо на улицу идти.

Вышел он из избы и остолбенел от удивления: перед избой ни трибуны, ни клумбы с цветами как не бывало. Даже столбы с красной и черными досками и скамеечки точно за ночь языком слизнуло — голое место. Походил дед по пустырю, потоптался — никого нет.

«Хоть бы черную доску для меня-то оставили...» Почесал он затылок, пошел по деревне. Видит: клумба, и скамеечки на другом конце села стоят. И народ на всех скамеечках сидит как ни в чем не бывало, как будто так всегда и было.

Дед даже шапкой хватил о землю.

— Вот что удивительно, так удивительно! Вот фанаберия-то, давно не выдывал такого.

Подсел он к одному колхознику.

— А отменно придумано! — толкнул он его в локоть. — Ах, лапти зеленые!

А колхозник ничего в ответ, даже голову не повернул. Спросил он другого, третьего — никто не ответил, будто не замечают даже его. Подошел он к Фоме Егорычу, а тот сквозь него смотрит и не видит деда.

Страшно и смешно даже ему стало. Побежал он, разыскал друга своего, приятеля Федю Копейкина с собакой Граммофоном. Федя тоже мимо прошел. И собака даже хвостом не мотнула и в сторону отвернулась. Обидно стало тут деду. Схватил он Федю за рукав:

— Скажи, Федор Евстигнеевич Копей-

кин, неужто в самом деле ты не видишь меня? Вот же борода, штаны опять.

— Нет, — сказал тот. — Ничего не вижу. Как сквозь стекло. Вот удивительно, Граммофон. И не слышу даже. Пошли, Граммофон.

И зашагали прочь.

«Ну, — думает дед, — этого не может быть».

Вернулся на пустырь, сел на завалинку и цыгарку закурил. Сидит один. Скучно ему: поговорить не с кем.

Так весь вечер просидел дед один на площадке: никто не пришел. На утро не выдержал дед и, как прежде, застучал палкой в федино окно.

— Давай, зашагали, — сказал он, — разоспался, поди, работу просишь.

— В самом деле, пора, — согласился Федя, — солнце высоко.

— Ясно, высоко, — сказал дед. — Сам понимаешь, делов полон рот...

...И сейчас он еще живет и здравствует попрежнему в колхозе «Трудовые дни». Работает он в два обхвата и трудовой получает отличное количество. В колхозе тоже новостей масса. Справили клуб, в канцелярию провели телефон.

Не забывает туда и дед заглянуть, к счетоводу Фролу Саввичу, поздороваться и потолковать. А если счетовода нет, он тихо-тихо подходит к телефону, щупает его так и этак и пальцем стучает, потом еще осторожноенько трубку снимает и слушает. А там, известно, треск стоит и голоса всякие слышны.

— Эй, — говорит дед. — Милый человек, который ты там! С добрым утром, привет, почтение от старого колхозника Бородоеда из колхоза «Трудовые дни», Малаевского района, Боровское почтовое отделение. Это я, да. Ну, живи, дорогой, на здоровье, а я пойду...

□ □ □

На границах живого и мертвого

В. Сафонов

Плесень на шаре

Выйдем за город и посмотрим вокруг. Снег стаял почти всюду. Из земли, набухшей водой, уже показались первые молодые ростки. С каждым днем все больше птичьих голосов. Нагнитесь и присмотритесь: на черных кочках—движение: перебегают насекомые; крошечные паучки, растянув паутинку в ямке не больше пятака, караулят добычу.

«Еще прозрачные леса

Как будто пухом зеленеют...»

— Земля оживает, — говорим мы.

И все-таки листочки, перебегающие насекомые, ростки молодой травы, птицы, летающие над лесом, — как мало места, кажется, они занимают в окружающем неживом мире! Это словно редкие пятнышки, рассеянные по неживой природе.

У нас по ложбинам еще лежит снег. А на юге, в пустынях Туркмении и Казахстана, уже вовсю печет солнце. Торопливые весенние цветы отцвели. Выжженная буроватая равнина, редкие холмы с глинистыми скатами. И так мало живого в этих местах,

что кажется, если бы какая-нибудь сила совсем уничтожила тут жизнь, то мы и не заметили бы этого: и камни и бурая равнина — все осталось бы по-старому...

На картах полушарий двойной белой шапкой изображают Арктику и Антарктику. Льды, кое-где разводя, ослепительное солнце в течение дня, длящегося месяцы. И ничьих следов не видно на сверкающих безжизненных просторах...

Так что же такое жизнь: случайный и редкий гость на земле? Так и думали долгое время ученые. Какая-то тысячная доля поверхности огромного мертвого шара (так казалось этим ученым) занята жизнью. И если взлететь высоко над землей, то и вовсе не заметно станет жизни и ее работы на земле. Мы увидим пустынную гигантскую планету, мчащуюся в пустынном мировом пространстве среди других планет.

«Плесень, едва тронувшая кое-где поверхность земли», — так определяли эти ученые жизнь.

Но так ли это?

Красный снег

Швейцарский ученый Соссюр с туристской сумкой за спиной бродил по Савойским горам. Он ушел далеко от жилья. И вдруг остановился в изумлении: кровавые полосы тянулись по снежному полю. Казалось, тут происходило сражение. Но не было ни трупов, ни оружия, даже ни одного следа. Только кровавые полосы — больше ничего.

Соссюр был настоящий ученый и не верил в чудеса, поэтому он просто пометил в записной книжке:

«1760 год. Савойские горы. Явление красного снега».

Прошло 58 лет. Отважный капитан Джон Росс искал «северозападного прохода» — морского пути вдоль северных берегов Америки. Корабль затирало льдами, люди мер-

ли от цынги. Показались пустынные берега Гренландии. Корабль пристал у мыса Йорк, в Ваффиновом заливе. Измученные люди рвались к твердой земле, пусть даже будет она мертвым царством снега и льда!

И вдруг ужас охватил экипаж: кровавые полосы, пятна тянулись по высокому берегу, по снежным пластам, круто спадавшим к белесой воде полярного моря. Казалось, тут только что происходила страшная бойня. И ни следа живого существа на десятках километров кругом!

Перепуганные люди заговорили о «персте божьем».

Джон Росс нанес на карту этот кровавый берег, назвав его «Кримсон клиф» («Карминовые скалы»).

Ни Росс, ни ученые его времени не зна-

ли, что туземцы полярных стран постоянно находили красный снег на арктических островах, на севере Сибири, в Лапландии. Они не пугались его: странная раскраска снежных полей была для них обыкновенной чертой сурового пейзажа их родины.

Разгадка красного снега пришла тогда, когда его изучили под микроскопом в научных лабораториях. Снег оказался заполненным массой мельчайших круглых телец карминового цвета. Их были сотни, тысячи в каждом квадратном сантиметре. Живые существа, микроскопические водоросли!

Но как живут они там, где, казалось бы, невозможна никакая жизнь?

Ученые стали внимательно следить за шариками снежной водоросли. Они оставались неподвижными, пока снег был крепок. Но когда началось таяние снега, шарики ожили. Прежде всего они начали набухать. Они втягивали в себя мельчайшую пыль, смешанную со снегом. Даже в чистом воздухе Арктики носятся, оказывается, пылинки и оседают на снег.

Что же это за пылинки? Откуда они?

Ученые с изумлением убедились, что это мельчайшая растительная труха, остатки перепревшей цветени, поднятой ветром когда-то, может быть, в европейских лесах и садах!

Набухавшие шарики, втягивая эту пыль, питались ею.

Потом, набухши, шарики разделились каждый на несколько новых шариков. И вот у новых появилось по два хвостика, как бы два жгутика. Они заработали словно весла.

Л у н н ы й л е с

«Пустыня» — самое слово это говорит о безжизненности. Но безжизненны ли пустыни?

Наши Каракумы — одна из самых больших или даже самая большая песчаная пустыня мира. Может быть, только в Сахаре встречаются еще такие огромные пространства барханов, как в Каракумах.

Но когда я первый раз приехал в Каракумы, я поразился, как мало похожа пустыня на то представление, какое я составил о ней из книг. Цепочки следов вились по барханам. Волнистая ленточка обозначала проползшую змею. Узенькие полоски оставляли плоские желтые как песок ящерицы-круглоголовки и тяжеловесные агамы с лиловым горлом — «пустынные хамелеоны». Можно было различить отпечатки птичьих лапок. Вечерами выползали огром-

И толпы оживших шариков засновали в талой воде.

Так будут снова они все недолгое полярное лето. А на зиму отбросят жгутики и снова неподвижно пролежат до первой талой воды.

Вскоре наука познакомилась со множеством других снежных жителей.

Как-то, когда выглянуло первое, мартовское солнце, снег в горах Каринтии и даже глетчеры зачернели от миллионов снежных блох. Их видели бодро прыгающими по снежному полю даже при семиградусном морозе.

На расстоянии всего двенадцати градусов от полюса нашли в ледяных глыбах живые водоросли и мелких рачков.

А белые медведи, этот «аварийный запас мяса» для полярных путешественников, — ведь они должны же чем-нибудь питаться, и пищи им требуется немало! А медвежья пища — рыба, и ей в свою очередь нужно еще больше пищи.

На Скалистых горах, в Северной Америке, нашли странное растение. Целая метелка красных цветов подымается прямо над снегом. «Кровавая саркода», торчащая над снегом, распускается в самые жестокие метели.

Все эти живые существа находят все, что им нужно, на своей снежной родине. И в других местах они просто не могли бы жить.

Так что, пожалуй, лучше не сравнивать снежный покров с «мертвым саваном», как это часто любят делать поэты...

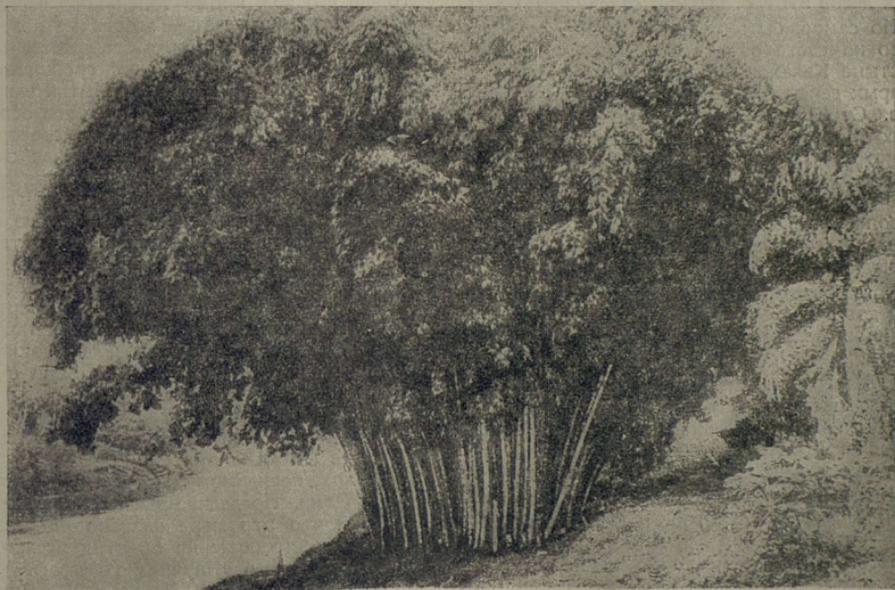
ные, в ладонь, мохнатые фаланги. Вдали показывались косяки быстрых антилоп — джейранов.

А самое неожиданное — это лес в пустыне. Голая песчаная пустыня — явление искусственное. Она буквально сделана людьми, вырубившими саксаул, их стадами, выбившими пустынную растительность. Нетронутая пустыня покрыта серо-голубыми — издали смотреть, будто сделанными из пыльной бумаги — лесами саксаула и песчаной акации. Я видел на Репетской песчанопустынной научной станции ствол саксаула толщиной в полметра. Но ни одно дерево в мире непохоже на саксаул. Под ним напрасно искать тени — листьев нет, ствол искривлен, а древесина тонет в воде, как камень!

Однажды экспедиция Репетской станции

Этот высокий холм — гнездо тропических насекомых гремитов. В Африке иногда десятки квадратных километров заняты такими холмами. Гнезда 12 метров высоты — не редкость.

Бамбук, выросший на острове Цейлоне,—самый большой злак на земле. Сотни 40-метровых стеблей, растущих из одного корня,—целая зеленая гора.

Печочка «нахлебников». Древесный клоп (слева) питается соком растений. Яйцеед (посередине) выводит свои личинки в яйцах этого клопа. А личинки «энциртуса» (справа) паразитируют в личинках яйцеда!

странствовала по юговосточным, меньше всего исследованным Каракумам. Внезапно она очутилась в лесу. Деревья высотой с двухэтажный дом, кривые стволы, почти в два обхвата толщиной. Это был лес, может быть, столетних саксаулов. Была ночь, полнолуние, и такая тишина, какая бывает только в Каракумах: спичку зажжешь — пламя не колеблется.

Один из участников экспедиции рассказывал мне:

— Знаете, я вспомнил читанный давным-давно фантастический роман о жизни на луне. Так непохож был ни на один из земных лесов этот столетний саксауловый лес!

Но самое, быть может, удивительное дерево на свете растет в южноафриканской пустыне Калахари. Толщина его ствола (у старых деревьев) доходит до полутора метров. Столетние деревья — не редкость. А высота этого дерева... только тридцать сантиметров! Оно похоже на низенький круглый стол. И имеет оно всего два листа — два огромных листа, вырастающих с противоположных сторон ствола и лежащих прямо на земле, расщепляясь на ленты — лоскутья.

Когда доктор Вельвич описал это дерево, ему долго не верили. Но потом десятки ботаников подтвердили: да, такое дерево в самом деле существует.

Его назвали: «вельвичия удивительная».

Как видите, и «пустыня» не пуста: она оживлена обильной и разнообразной жизнью. Но у пустыни своя жизнь, так же как у Арктики — своя.

Жизнь завоевала выжженные пески, снега и льды высоких гор и полярных морей — и приспособилась к ним.

Есть ли такое место на земле, где бы не было жизни?

Воздух больших городов насыщен микро-

бами. Невидимые существа обитают в серых и горячих источниках. В соляных озерах живут черви, превосходно плавающие, украшенные красивой бахромой.

Брали пробы грунта из самых глубоких шахт и шурфов. И в самых глубоких подземных пластах снова нашли невидимую жизнь!

Во время рекордного подъема американского стратостата брали пробы воздуха. И всюду находили бактерии, их зародыши, легчайшие споры растений!

Есть два удивительных водных бассейна. Один из них — Черное море. Почти вся толща его вод, кроме тоненького верхнего слоя в сто пятьдесят — двести метров, отравлена сероводородом. Образование этой гигантской «сероводородной гробницы» — одно из самых интересных событий в истории земли и жизни на ней. Но это особый вопрос, и о нем стоит особо поговорить с читателями «Пионера». А сейчас заметим, что и «гробница» Черного моря далеко не мертва. Над сероводородными глубинами висит сплошное «покрывало» из серных бактерий, и «покрывало» это такой же ширины, как само Черное море. Сколько же миллиардов бактерий живет там!

Другой удивительный бассейн — Мертвое море. В крепком рассоле его солей человек не тонет: тяжелая вода выталкивает тело человека вверх. В этом море очень много бромистых солей. Они особенно губительны для всего живого. Не даром в Мертвом море долгое время не могли найти даже и признаков жизни.

Но вот, повидимому, и тут поторопились с выводами. Последние исследования показывают, что это море названо «мертвым» по ошибке (сообщение об этих исследованиях смотрите в «Научном телеграфе»).

Тропический лес. На самой земле — мшистый покров. Надо мхом — папоротни-

ки. Тут почти полная темнота, воздух душный и сырой, как в теплице. Тут мир «тенелюбов» — мир грибов, плесени, лишаяев, паразитов, бесчисленных насекомых, пауков, змей. Отсюда могучие стволы возносятся на 50 метров. Они перевиты лианами. В трещинах коры расцветают великолепные орхидеи. Каждый лист — жилище полчищ существ. Каждое дерево — это страна с таким пестрым населением, что понадобился бы целый институт зоологов и ботаников, чтобы описать его.

Тропический лес — настоящая «небоскреб». В нем множество «этажей». Один этаж вырастает на другом. И в каждом этаже есть свои жильцы.

А жители самого верхнего этажа южноамериканской лесной области — «гилеи» (обезьяны) — могли бы совершить путешествие на такое расстояние, как от Москвы до Севастополя, не сходя на землю и даже не видя ее.

Есть такая игрушка: яйцо, в которое вложено другое, поменьше, в то — еще меньшее, внутри его — совсем маленькое, и так далее.

Так и «этажи» жизни: они не только «надстраиваются» один над другим, но и вдаиваются один в другой, как в этой игрушке.

Древесный клоп — «графозома» — питается соком растений. Это паразит расте-

ний. А в яйца «графозомы» откладывают свои яички яйцееды. Но и у яйцеедов есть свой паразит — «энциртус». А сколько микробов живет в крови «энциртуса», питаясь его соками и пожирая друг друга!

Паразитальная вещь: мы до сих пор не знаем состава морской воды! Почему? Неужели химики никогда не исследовали морскую воду? Нет, делались сотни исследований. И химики точно могут сказать, из каких химических веществ состоят их пробы.

Но дело-то в том, что в пробах этих не только морская вода, но и мельчайшие живые существа, такие, каких иной раз не увидишь в самые сильные микроскопы и которые проходят сквозь самые тонкие фильтры. И химики поневоле исследуют смесь морской воды с живыми существами.

Наш знаменитый ученый — академик В. И. Вернадский — вычислил, что в верхних слоях океана живые существа по весу составляют несколько процентов общего веса морской воды.

Академик Вернадский попробовал считать и общий вес всех живых существ на земле. Получилось чудовищное, почти невообразимое число — 10^{15} тонн — квадрильон тонн! Число с пятнадцатью нулями!

Не даром сейчас всю поверхность земли называют областью жизни — биосферой.

Ни живое, ни мертвое

И как же приспособилась жизнь ко всем уголкам биосферы и всяким условиям на ней! Жестокие морозы обращают в твердый лед воду. Но без воды не мыслима никакая жизнь. Ведь всякий живой организм состоит на восемьдесят — девяносто процентов из воды, и стоит замерзнуть сокам тела — и жизнь остановится!

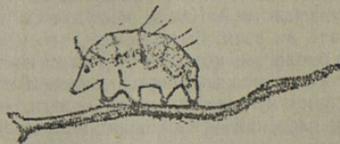
Но жизнь перехитрила зимние морозы.

Она отсиживается зимой в почве, в иле рек и прудов, не промерзающих никогда. А то попросту замерзает (вспомните снежные водоросли!), обращается в твердый, совсем безжизненный комок. А весной оттаивает, оживает.

И как не поражаться этому самому замечательному приспособлению жизни, которое мы называем сейчас явлениями анабиоза!

Зародыши некоторых бактерий кипятили при ста пятидесяти градусах тепла — и они

выжили! Их опускали в жидкие газы с температурой в двести пятьдесят три градуса мороза — и они выжили!

Тихоходка. «Это животное, — утверждал Левенгук, — может умирать и воскресать снова».

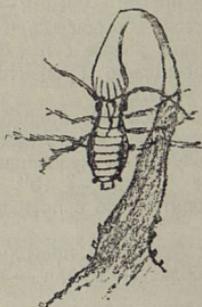
Самым первым человеком, открывшим анабиоз, был голландский шлифовальщик стекол Левенгук — тот самый, который изобрел микроскоп. В песке, собранном в жолобе на крыше, он нашел бесформенные комки. Но каково же было его изумление,

когда в капле воды эти комки ожили и стали животными — тихоходками!

Это был тепловой анабиоз. С его помощью тихоходки пережили летнюю засуху.

Животное в анабиозе — совсем как мертвое. От мертвого оно отличается разве только тем, что у него в теле ничто не разрушено. Оно мертвое потому, что не живет; оно живое потому, что может ожить. Оно на границе между жизнью и смертью.

Трудно даже представить себе, какие возможности открывает перед наукой изучение анабиоза! Оно даст науке возможность глубже понять, что такое жизнь и что такое смерть. Но мало этого. Бах-

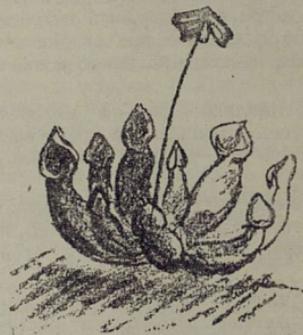

Щупальца росянки, поймавшие жертву.

метьев, русский ученый, величайший исследователь анабиоза, мечтал, что через двадцать — тридцать лет будут пчел держать зимой замороженными, чтобы не кормить их зря медом, и — кто знает! — может быть, даже скот замораживать на время бескормизны.

Профессору Каптереву уже удалось (об этом вы читали в «Пионере») оживить существа, пролежавшие как мертвые пять тысяч лет в вечной мерзлоте.

И кто скажет, что не прав другой наш исследователь, С. С. Брюхоненко, когда он говорит, что через пятьдесят лет ученые научатся оживлять и замерзших много лет назад полярных путешественников?!

Каждый лист саррацении — капкан: ни одно насекомое, попавшее сюда, больше не выберется.

Зеленые лаборатории

Сколько же разных пород живых существ составляет этот квадрильон тонн живого вещества? Науке не удалось еще сосчитать их всех. Быть может, это удастся тем биологам, которые вырастут из вас.

Вероятно, разных пород, видов живых существ не меньше полутора — двух миллионов, растений — несколько меньше чем животных.

А кормят всех растения. И не все растения, а только зеленые.

В каждом зеленом листке каждую секунду, пока светит солнце, идет самый таинственный процесс на земле — создание живого из неживого: из углерода, который растения извлекают из углекислоты воздуха, и из растворов солей, которые корни их доставляют из почвы.

Ни в одной лаборатории мира пока не

могут подражать зеленым растениям. И что происходит в них, в точности неизвестно.

Отнесемся же с уважением к зеленым соседям: они наши кормильцы и умеют они, как видите, делать такие вещи, каких не умеет делать ни один ученый на земле.

Хищники пожирают травоядных. А травоядные питаются растениями. Значит, и хищников кормят растения.

Грибы растут на перегное. Но перегной образовали другие живые существа, выкормленные растениями!

Много можно рассказать удивительных вещей о растениях, но это особая тема. Скажем только, что не такие они беззащитные и не такие уж мертвенно-неподвижные, как кажется с виду.

Время от времени приходится читать, что где-то в тропических джунглях нашли

страшное дерево, пожирающее людей. Это сказки, конечно. Но это стало бы белью, если бы мы были ростом с мальчика с пальчик. Сколько опасностей тайла бы для нас простая прогулка по лугу! Нам пришлось воевать, как со страшными врагами,

с растениями — пожирателями насекомых, бежать как от огня от клейкой росы — приманки на волосках росянки, обходить капканы на листьях саррацении, где, словно в желудке, хищное растение переваривает трупы попавших туда мух и жуков.

Самая могучая сила

Так неужели же вся эта дивно многообразная жизнь — только случайная пыль и плесень на поверхности нашей планеты?

— Не может быть! — скажет всякий удививший читатель.

И он прав.

Новейшая наука доказала, что жизнь не просто «помещается» на земле, но и все меняет на ней.

— Нет другой химической силы, такой могущественной, как жизнь, — говорит академик Вернадский.

Воздух состоит из кислорода и азота — учат во всех школах.

Но откуда этот воздух? Почему он такой?

Таким его сделали зеленые растения.

Помните, они добывают углерод из углекислоты? Углерод удерживают, а кислород выпускают обратно. И весь кислород воздуха выделен — за миллионы лет — зелеными растениями!

Без них жизнь на земле задохнулась бы в мертвой азотно-углекислой атмосфере.

Значит, можно сказать так, что растения дважды спасли нас от смерти: накормили нас и дали нам чем дышать.

Но мало этого: без кислорода остановилось бы большинство химических процессов на земле.

Вода растворяет известняки, промывает подземные пещеры, сносит в моря растворенные соли. Вода на земле выполняет гигантскую геологическую работу.

Но она выполняет ее потому, что в ней постоянно растворены кислород и углекислота. Химически чистая вода была бы жидкостью с необычными и незнакомыми нам свойствами. Она, в частности, — очень плохой растворитель. Но зато химически чистая вода и встречается только в лабораториях химиков. А в природе воду постоянно снабжают кислородом и углекислотой миллиарды обитающих в ней живых существ. Значит, и геологическая работа воды — это работа живых существ.

Когда мы говорим «земля», прежде всего мы представляем себе почву — ту самую

обычную почву, на которой зреют хлеба, растут леса. Но вся эта почва стала почвой только после того, как ее пропустили через свои желудки миллионы дождевых червей, как ее удобрила перепревшая листва, как ее переработали бактерии.

Почва тоже создана жизнью.

А известковые горы, известковые острова, целые известковые страны — ведь они сплошь состоят из неисчислимого множества микроскопических раковин живых существ!

Даже руды, серные залежи образовались с невидимой помощью жизни, гнездящейся в почве и воде.

По крайней мере половина нефти на земле — результат подземной перегонки трупов миллионы лет назад погибших животных.

Некоторые морские водоросли собирают алюминий, другие — иод. Помет бесчисленных поколений морских птиц скопился на берегах Чили горами знаменитого и дорогого удобрения — гуано. Птицы ели рыбу; рыба пожирала мелких жителей моря. И чилийские горы удобрений — морские соли, перенесенные длинной цепью живых существ на сушу.

Вся поверхность земли, весь ее облик, образованы жизнью, связаны с нею.

Нельзя даже представить себе, как выглядела бы земля, если бы на ней не было жизни.

Ясно только, что мы совсем бы не узнали ее. Вероятно, она походила бы на луну: острые, иззубренные скалы, равнины вулканического стекла и битых камней, немного песку, резкие краски: желтый, черный, красный цвет; не было бы слышно журчания ручьев, никаких рек: вода быстро, почти ничего не размывая, стекала бы по камням во впадины океанов.

Откуда же взялась эта могущественная сила на земле? Как и откуда появилась жизнь?

Это большой и сложный вопрос. Ответить на него надо отдельно.

Грозное оружие

Инж. С. Шерр

Рис. Ю. Мещерского

В 1776 году в военно-морском деле произошло крупное событие. Североамериканские штаты были в то время под властью Англии, которая притесняла и эксплуатировала население штатов. Американцы восстали против английского владычества. Тогда англичане снарядили большой флот и отправили его к берегам Америки.

Английские военные корабли загордили входы и выходы в порты Северной Америки, лишив связи прибрежные города. Хорошего сухопутного сообщения в Америке тогда еще не было, и блокада англичан отрезала города друг от друга. Трудно было подвозить продовольствие. Начались голод и болезни.

Тогда-то американский механик Бюшнель предложил правительству Северной Америки использовать для борьбы с англичанами подводную лодку.

Еще раньше, до Бюшнеля, над проектами подводных лодок работали люди разных специальностей: ученые и монахи, механики и врачи, художники и философы; наконец, люди без всякой специальности пытались изобретать подводные лодки. Однако техника и знания того времени не давали возможности построить такой корабль, который мог бы погружаться и ходить под водой.

Лишь в 1624 году, за 150 лет до описываемых событий, голландцу ван Дребелю удалось построить маленькое деревянное, закрытое со всех сторон, похожее на яйцо суденышко, которое могло погружаться, набирая воду в специальные резервуары в нижней части лодки, и ходить под водой на веслах.

Бюшнель хорошо изучил устройство лодки ван Дребеля и долго работал над своим проектом. Он мастерил маленькие деревянные модели, просиживая над ними целые ночи. Он понял, что весла очень трудно использовать под водой, и ломал голову над тем, как заставить лодку хо-

дить без весел. В то время еще не было ни колесных, ни винтовых пароходов, так что Бюшнелю приходилось самому выдумывать, как двигать лодку. Наконец, ему в голову пришла блестящая мысль. Мы не знаем, что толкнуло его на это, но Бюшнель изготовил нечто вроде винта с широкими лопастями, насадил его на ось и начал вращать в воде. Проблема была решена.

Был разработан план нападения на англичан. Подводная лодка должна была ночью под водой подойти к английскому фрегату, прикрепить к его днищу мину с порохом и неслышно уйти. Часовой механизм внутри мины через час производил взрыв.

Как же была устроена лодка Бюшнеля, получившая название «Черепаша»? Ее изготовили из двух прочных медных половинок, похожих на скорлупки грецкого ореха. Половинки были плотно скреплены друг с другом. В нижней части находились резервуары, сообщавшиеся с водой через особые отверстия, которые могли закрываться кранами. Для погружения человек внутри лодки открывал краны, и вода наполняла резервуары.

Когда нужно было всплыть, вода из резервуаров откачивалась ручным насосом. Ось гребного винта, находившегося за кормой, или, как теперь называют, гребной вал, приводилась во вращение колесом, установленным в лодке. Это показано на рисунке. В верхней части «Черепаша» была башенка-рубка с выходным отверстием — люком, который можно было закрывать изнутри крышкой. Человек влезал в лодку и запарался. В стенках рубки были круглые окошки-иллюминаторы.

Мина была устроена так. В круглом железном бочонке, наполовину наполненном порохом, был укреплен часовой механизм, заводившийся снаружи. Механизм заводился на один час. Как только механизм

Сержант Ли приступил к работе и начал сверлить дно корабля.

останавливался, освобождалась пружина, которая, выпрямляясь, ударяла по капсуле и воспламеняла фитиль. Когда огонь доходил по фитилю до пороха, мина взрывалась. Чтобы прикрепить мину к днищу вражеского корабля, к ней была привязана веревка, на другом конце которой находился буров. Буров можно было вертеть, не выходя из лодки. Для этого он вставлялся хвостом в металлический стержень, проходивший внутрь рубки. Когда буров застревал в днище корабля, его хвост выходил из гнезда в металлическом стержне, а мина оставалась висеть на бурове.

Когда лодка была готова, было решено напасть на английский шестидесятичетырехпушечный фрегат «Орел», стоящий на якоре у входа в Ньюйоркскую гавань. За дело взялся доброволец, сержант американской армии по имени Эзра Ли.

Темной, осенней ночью две шлюпки тихо подвели «Черепашу» к английскому кораблю. Лодка благополучно погрузилась, и сержант Ли приступил к работе. Но буров, вместо того чтобы легко войти в размокшее дерево обшивки, никак не ввертывался. Сколько ни старался храбрый сержант, ничего не выходило. Несколько раз всплывал Ли, чтобы освежить воздух в лодке, но дело не двигалось. Наконец, с рассветом

Ли оставил работу. Всплывшую «Черепашу» заметили англичане, и с «Орла» спустили шлюпки в погоню за странным судном. Ударяя от погони, Ли взорвал мину, которая никому не причинила вреда. Англичане на шлюпках так испугались взрыва, что повернули обратно, а «Черепаша» благополучно вернулась домой.

Почему же буров не вошел в днище? Оказалось, что «Орел» был снизу обшит тонкой листовой медью для предохранения обшивки от вредных морских паразитов, разрушающих дерево.

Вскоре американцам пришлось оставить Нью-Йорк. Перед уходом они напали на другой английский корабль, но «Черепашу» успели заметить ставшие очень осторожными англичане. Не удалась также и третья атака, которую произвели на корабль «Черебус», стоявший в устье реки Гудзона. Лодку обнаружили до атаки и потопили выстрелами из пушек. Хотя впоследствии «Черепашу» подняли и исправили, но Бюшнель разочаровался в своем проекте и больше опытов не продолжал.

Почти через 100 лет, в 1864 году, американцы вновь вспомнили про подводные лодки. В то время шла кровопролитная война между Северными и Южными штатами. К началу войны почти весь флот ос-

«Давид» поразил броненосец около порохового погреба: рулевой знал опасные места корабля.

тался у северян. Южане не имели флота и были блокированы северянами. Тогда правительство Южных штатов объявило конкурс на лучший проект подводных лодок. Несколько изобретателей немедленно предложили свои лодки правительству.

Был принят проект американца Давида Хенли. Быстро были построены две лодки, получившие по имени изобретателя название «Давидов». Внутреннее устройство «Давидов» мало отличалось от «Черепашки», но они были гораздо больше и вмещали команду из 9 человек.

Вместо мины, привязанной на веревке, «Давиды» были вооружены так называемой шестовой миной. Эта мина была укреплена на конце длинного шеста, закрепленного на носу лодки. Мина взрывалась в момент удара о неприятельский корабль. Благодаря длинному шесту подводная лодка при взрыве была в безопасности.

Один «Давид» напал на корабль северян у острова Морис. Командиром лодки был Грессель. Но он поторопился и взорвал мину раньше, чем подошел к кораблю.

Взрыв не причинил кораблю вреда, но сама лодка из-за сильного сотрясения затонула.

Второй «Давид», под командой лейтенанта Пайна, готовился к предстоящим боям в районе порта Чарльстон. Однажды вблизи лодки прошел пароход. От волны, поднятой пароходом, «Давид» потерял равновесие, перевернулся и затонул.

Так слабы и беспомощны были подводные лодки всего 73 года назад.

Утонувшего «Давида» подняли и исправили. Однако, прежде чем «Давид» вступил в бой, его еще два раза пришлось поднимать и чинить. Настойчивые американцы не оставляли лодку в покое. Наконец, 17 февраля 1864 года лодка пошла в атаку на броненосец.

В «Морской истории гражданской войны» в Америке адмирал Портер так описывает эту атаку:

«14 января морской министр написал вицеадмиралу Дальгрэну, командовавшему флотом у Чарльстона, что, по полученным им сведениям, конфедераты (южане) спустили на воду новое судно, способное уни-

От третьей торпеды «Кресси» начал перевортываться, а затем затонул.

чтожить весь его флот. Дальгрен почел благоразумным предупредить офицеров кораблей линии блокады, чтобы они приняли все меры предосторожности на случай атаки.

Однако конфедератам удалось с одной из своих миноносных лодок прорваться через линию блокады, и ночью 17 февраля недавно построенный прекрасный корабль в 1200 тонн водоизмещения, стоявший на якоре перед Чарльстоном, был уничтожен при следующих обстоятельствах. Около 8 часов 45 минут вечера сажень в 50 от корабля был замечен какой-то подозрительный предмет. Он имел вид доски, плывущей на корабль. Через две минуты он был уже около судна. Офицеры были благовременно предупреждены и имели описание новых «адских» машин со сведениями о наилучшем способе избавляться от них. Вахтенный начальник приказал погравить якорные канаты и вызвал всех наверх. Но, к несчастью, было уже поздно. В то время на лодке спокойно и хладнокровно делались все приготовления. С броненосца направили на лодку орудия, но не могли навести их, так как враг был возле самого борта.

Подводная лодка поразила броненосец

немного впереди грот-мачты, с правого борта, вблизи порохового погреба: рулевой лодки знал опасные места своего врага. В момент взрыва корабль приподнялся на воздух частью от взрыва, а частью от огромной волны, произведенной взрывом, и сейчас же начал погружаться в воду кормой, сильно кренясь на правый борт.

А что же стало с «Давидом»?

Он пропал после атаки. И только через 3 года, когда водолазы осмотрели погибший броненосец, они установили, что «Давид» втянуло водой в пробоину, сделанную миной. Лодка погибла вместе с пораженным ею кораблем.

Полный переворот в технике подводных лодок произвел изобретенный в конце прошлого столетия нефтяной двигатель внутреннего сгорания. Двигатель, построенный немецким инженером Рудольфом Дизелем, быстро завоевал себе место в подводных флотах во всем мире. Первая подводная лодка с двигателями, называющимися бесшумным именем изобретателя Дизеля, была построена в России в 1908 году.

К началу империалистической войны 1914 года морские государства имели уже довольно большой подводный флот. Особенно быстро строились тогда подводные

Разрез современной

лодки в Германии. К началу войны в Германии было 28 подводных лодок, а за время войны, то есть с 1914 по 1917 год, были построены еще 372 лодки. Около 200 германских лодок погибло во время войны.

Современная подводная лодка—грозное и могучее оружие морской войны. Ее даже нельзя назвать лодкой. Достаточно сказать, что для перевозки материалов и оборудования современного подводного корабля водоизмещением в 2500—3000 тонн нужно около 200 товарных вагонов.

Корпус корабля напоминает формы сигара и сделан из лучших сортов стали. Снаружи этот прочный корпус окружает вторая оболочка, обтекаемой формы, с острейшим носом.

Внутри лодка разделена водонепроницаемыми переборками (перегородками) на несколько отделений-отсеков. Если даже один из отсеков будет затоплен, остальные, не заполненные водой отделения не дадут лодке утонуть.

В надводном положении лодку двигают дизели, вращая гребные валы, на концах которых, снаружи, за кормой, укреплены тяжелые гребные винты.

Под водой лодку приводят в движение электромоторы. Они получают электроэнергию от аккумуляторных батарей.

Батареи аккумуляторов заряжаются в надводном положении от электрогенератора.

Электрогенераторы приводятся в движение дизелями, которые вращают гребные валы.

Основное вооружение подводных лодок—торпеды, или самодвижущаяся мина. Торпеда напоминает маленькую подводную лодку. В ее передней части заключено взрывчатое вещество большой силы, в середине находится помещение, заполненное сжатым воздухом, и в кормовой части—двигатель. Он приводит в движение гребные винты за кормой торпеды.

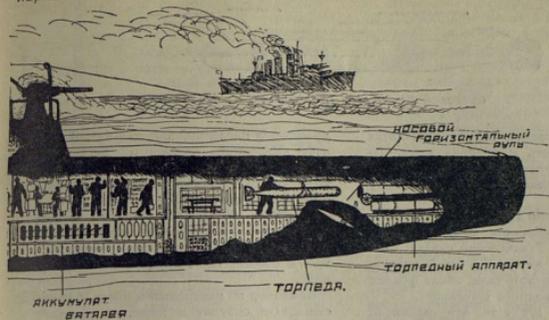
Двигатель торпеды работает сжатым воздухом, заключенным в средней камере. Длина торпеды—5—6 метров. Вес заряда торпеды доходит до 500 килограммов. Самая торпеда весит около двух тонн.

Запаса сжатого воздуха в торпед достаточно, чтобы пройти 20 километров. Если такая штука уходит в корабль, то разорвет пробину, в которую свободно может захватить трамвай. Легко представить, сколько воды будет вливаться в пораженный торпедой корабль через такую дыру!

Лодка, опускаясь под воду, не слышит и не видит хорошего глаз. Есть у нее и уши.

Глаз лодки—перископ, на рисунке видно его устройство. Кончик перископа выглядывает из воды, а командир на другом конце перископа видит, что делается на поверхности.

перископ

подводной лодки.

Уши лодки—радиостанция и гидрокустическая. Радиостанция поддерживает связь с берегом на расстоянии 10 тысяч километров. Гидрокустические приборы, улавливающие звуки, передают всякий шум снаружи лодки к наушникам «слушача», как называют обслуживающего гидрокустический прибор подводника.

Звуковые волны распространяются в воде лучше и скорее чем в воздухе, поэтому шум вращающегося винта проходящего вблизи лодки парохода ясно слышен в наушники «слушача».

Кроме этих приборов на лодке есть огромное количество разных механизмов, устройств и инструментов: гироскопы—путеводитель лодки, умный прибор—одометр, который сам чертит по карте путь лодки, лаг, определяющий скорость, глубометр, отмечающий глубину, на которой идет лодка, и множество других.

Больше 50 электромоторов управляет движением лодки. Горизонтальные и вертикальные рули, система погружения, крайкингтоны заполнения цистерн, торпедные аппараты, вентиляция и еще десятки сложных механизмов приводятся в движение легким нажатием кнопки или рычага.

Насколько опасны действия подводных лодок, показала война на море в 1914—1917 годах.

Однажды в Северном море во время

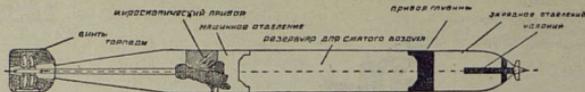
сильного шторма германская лодка «У-9» обнаружена в перископ три английских крейсера.

Командир лодки решил атаковать крейсера. На рассвете лодка подбралась и шедшему вперед крейсеру «Абукир» и поразил его торпедой с расстояния в 500 метров. Торпеда попала, и через несколько минут «Абукир» пошел ко дну.

На помощь к нему бросились два других крейсера: «Хог» и «Кресси». Лодка атаковала «Хога», выпустив в него две торпеды. От взрыва корабль начал тонуть. С «Кресси» начали спасать команду «Хога» и «Абукира». Но лодка не оставила «Кресси» в покое и подорвала его тремя торпедами, от которых последний крейсер перевернулся и затонул. Таким образом в течение часа одной небольшой подводной лодкой были пущены ко дну 3 огромных английских корабля, вооруженных дальнотонными пушками и глубинными бомбами.

Немецкие подводные лодки за время империалистической войны потопили 153 английских военных корабля и около 6000 торговых судов, принадлежавших различным странам. Не следует забывать, что все это случилось 20 с лишним лет назад.

За эти годы многое изменилось. Нет больше царской России с ее жандармами, каторгами, тюрьмами и виселицами. Под руководством партии Ленина—Сталина растет и крепнет наша свободная и счастли-

Современная торпеда (схема).

вая родина. С каждым годом укрепляется обороноспособность и военная мощь нашей страны. Партия и правительство уделяют большое внимание нашему Красному флоту.

На второй сессии ЦИК СССР VII созыва замнаркома обороны маршал Советского союза тов. Тухачевский сказал: «Мы создаем мощный морской флот. В первую очередь мы сосредоточили наши усилия на развитии подводного флота...»

Если взять за 100% то, что мы имели ко времени VI съезда, то сейчас мы имеем 535% подводных лодок, 1100% сторожевых кораблей, 470% торпедных катеров и т. д. Иначе говоря, за 4 года число подводных лодок увеличилось у нас в 5 с лишним раз.

Тяжела и опасна служба подводника. Лишних людей на подводной лодке нет. Каждый человек из команды — специалист и обязан четко и аккуратно выполнять возложенные на него обязанности.

Вот лодка идет в подводном положении. Работают дизеля, вращая тяжелые винты за кормой. Заряжены аккумуляторные батареи. На мостике стоит вахтенный командир. На главной электростанции сидят дежурные электрики, перед ними распределительная доска, рубильники, дифербаты вольтметров, амперметров. Подальше к корме, у дизелей, стоят мотористы. Разговаривать нельзя, да и шум дизелей заглушает звуки. Завякал машинный телеграф, на большом блестящем диферблате стрелка передвинулась на «Стоп!» Дизеля замерли. Подана команда: «Электромоторы, вперед!» Тихо закружили электромоторы. Тихо, но чувствуется, как напряженно дрожит корпус лодки. «Приготовиться к погружению!» Быстро задраиваются (закрываются) все отверстия, через которые может проникнуть вода. Заполняются большие цистерны. Лодка погрузилась, но рубка еще над водой. Лодка идет в позиционный положение. Вахтенный командир зорко вглядывается в горизонт. На горизонте дымок. Противник обнаружен. За-

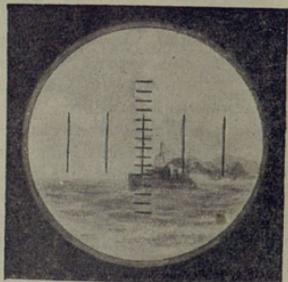
драивается последний люк над боевой рубкой. «Заполнить балластные цистерны!» Лодка опустилась глубже. На поверхности воды только кончик перископа. Подводник у гидромера отсчитывает глубину.

Команда: «Носовые аппараты, товсь!» Открываются передние крышки минных аппаратов, вода облизывает в трубах тяжелую блестящую, смазанную маслом торпеду.

Командир на центральном посту, у перископа. Он смотрит в перископ и видит приближающийся силуэт неприятельского корабля. Точка прицеливания нащупывается впереди его по курсу. Пока торпеда пройдет свой путь, корабль будет у этой прицельной точки.

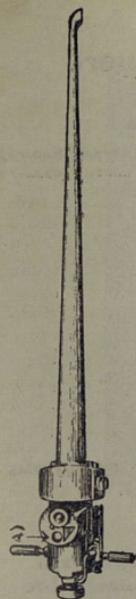
Время! Отрывистый сигнал—и огромная торпеда бесшумно выброшена сжатым воздухом через трубу торпедного аппарата.

Лодка мгновенно принимает воду в цистерны замещения, камнем падает на глубину и быстро отходит. Все ждут, лица напряжены и серьезны: попали или нет? Торпеды надо беречь: их немного. Наушники «слушача» доносят взрыв. Можно всплывать. Сжатым воздухом продувают цистерны. Лодка облегчается, всплывает

Что видно в перископ.

под перископ. Неприятельский корабль лежит на боку. Над ним густой черный дым. Торпеда попала в цель. Лодка всплыва-

Перископ.

ет и ложится на заданный курс до новой встречи с врагом. Так будут работать наши подводники, если враг посмеет подойти к любой из морских границ нашей Советской страны.

Ежегодно подводники Красного советского флота выходят на боевую учебу, на тактические занятия в море.

Однажды во время морских маневров подводная лодка, которой командует капитан - лейтенант тов. Шатский, получила задание — погрузиться на дно, лечь на грунт и пробыть под водой долгое время. На место погружения выехали корреспонденты газеты «Красная звезда», которые установили телефонную связь с лодкой, находившейся уже очень долго под водой. Подводники заявили корреспондентам:

«С глубины моря мы шлем горячий привет нашим товарищам, укрепляющим мощь красноармейского оружия на суше, на морях и в воздухе.»

Под руководством мудрого Сталина и его славного соратника первого маршала Советского союза тов. Ворошилова мы все превращаем нашу родину в несокрушимую крепость социализма. Мы, подводники, гордимся тем, что нам поручено выполнить задание длительного пребывания под водой, и мы заверяем, что задача, поставленная перед нами, будет выполнена».

Эта лодка пробыла под водой почти в 5 раз (точнее, в 4,7 раза) больше, чем положено по норме.

Практическая учеба в море развивает находчивость и сообразительность, она требует от личного состава большого мужества и отваги.

Однажды во время выполнения сложной боевой задачи на маневрах лодка, действовавшая вдали от берега, внезапно очутилась в полной темноте. Погасли все электрические лампочки. Раздался резкий звонки — сигналы тревоги. «Пробойна в пятом отсеке!» — разнеслось по всей лод-

ке. Мгновенно краснофлотцы и командиры несмотря на темь организовались для ликвидации аварии.

Несмотря на быстроту, с которой запирались двери отсеков, к месту аварии проскочили четыре краснофлотца. Они зажгли маленькие ручные фонарики. Через 20 секунд моторист тов. Ясницкий и краснофлотец тов. Севастьянов нашли место пробойны и очистили его от механизмов и приборов. Два других моториста готовили материал для заделки пробойны. К концу второй минуты старшина аварийной партии доложил: «Пробойна заделана!» Лодка была готова и могла продолжать свою задачу. Однако командир боевой части, желая проверить находчивость и знания своего личного состава, приказал открыть кингстоны (краны) затопления цистерн, поставив задание — наложить пластырь, т. е. заделать снаружи лодки отверстие, в которое проникла вода.

Боцман-орденоносец тов. Сбродов руководил заводкой пластыря на открытый кингстон. В кратчайший срок задание было выполнено.

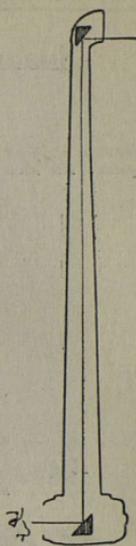
В Тихоокеанском флоте, оберегающем морские границы СССР на Дальнем Востоке, личный состав трех подводных лодок за мужество и доблесть полностью награжден орденами Ленина, Красной звезды и «Знак почета».

На всех флотах СССР сотни подводников добились своей работой высокой награды — орденов.

Советские подводники на боевой вахте: если надо, они полностью используют свою могучую боевую технику, чтобы отразить врагов.

А пока каждый день идет упорная учеба на воде и под водой.

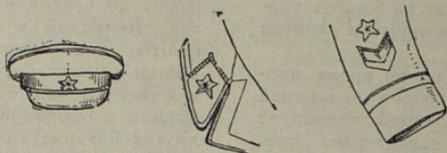
Командиры у перископов, штурманы у карт, торпедисты у торпедных аппаратов, мотористы и механики у дизелей, электромоторов и батарей. Так живут, учатся и работают подводники, обитатели современных «Наутилусов».

Так устроен перископ.

Знаки различия командного и начальствующего состава РККА

Сергея и Мара Соловьевы из Москвы просили «Пионер» напечатать знаки различия командиров Красной армии. На этой странице мы начинаем выполнять их просьбу. Потом мы напечатает знаки различия командного состава морских сил.

Знаки различия маршала Советского Союза.

Командный состав сухопутных и воздушных сил.

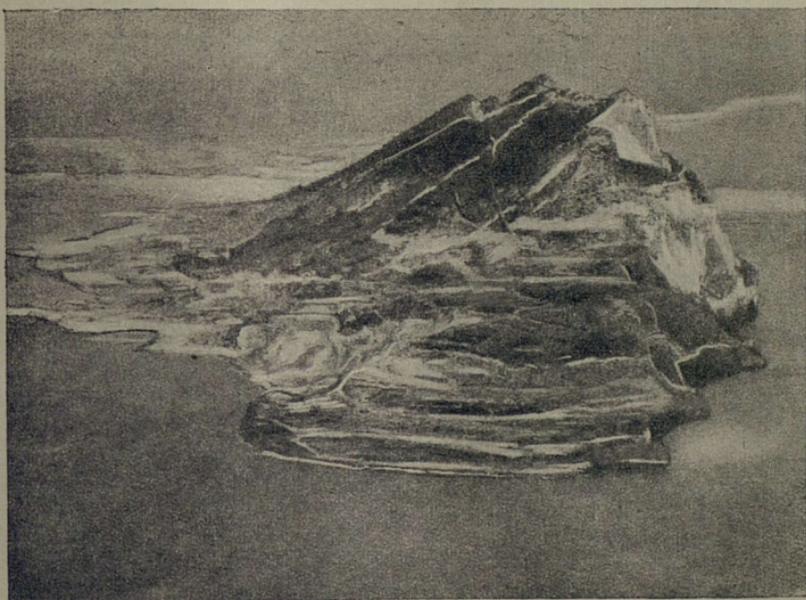
Военно-политический состав сухопутных и воздушных сил.

	Командарм 1-го ранга.		Армейский комиссар 1-го ранга.
	Командарм 2-го ранга.		Армейский комиссар 2-го ранга.
	Комкор.		Корпусный комиссар.
	Комдив.		Дивизионный комиссар.
	Комбриг.		Бригадный комиссар.
	Полковник.		Полковой комиссар.
	Майор.		Батальонный комиссар.
	Капитан.		Старший политрук.
	Старший лейтенант.		Политрук.
	Лейтенант.		

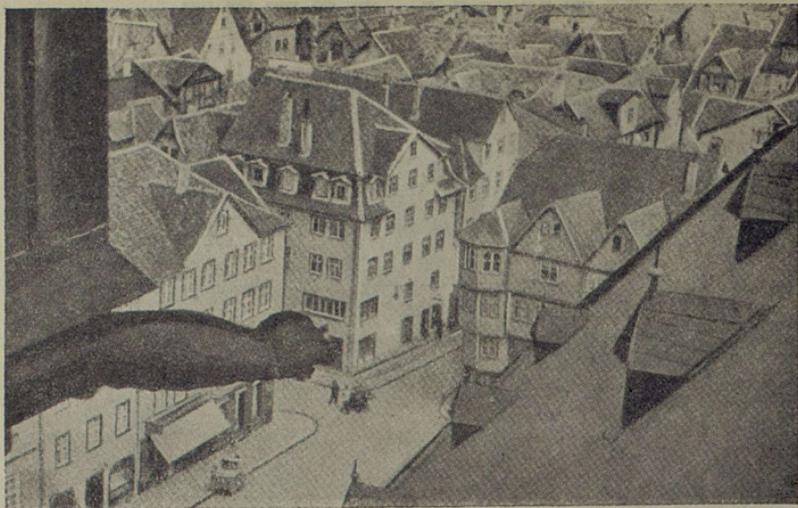
Птицы летят

Каждую весну с далекого жаркого юга на просторы севера летят неисчислимые стаи птиц...

...может быть, где-нибудь около Гибралтара...

...над средневековыми городами Германии с ее средневековыми, варварскими фашистскими порядками...

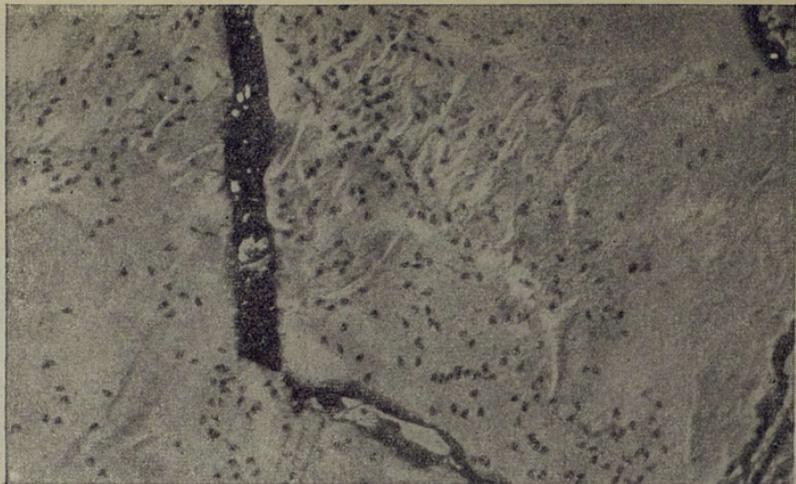
...летят и над социалистической Москвой — примерно от Ленинских гор на Сокольники, от одного зеленого массива к другому. Самый город для них — словно муравейник...

...и дальше, в даль водных просторов нашей родины...

...над раздвигающимися льдинами судами северных советских экспедиций...

... над ничтожными точечками — громадными лежищами тюленей...

...вплоть до безлюдных берегов Новой Земли, где можно спокойно выводить новое потомство.

Рекордный снимок

Рассказ Н. Павловой

— Уж кому, как не туристу, и уж где, как не на Дальнем Востоке, легче всего сделать мировой снимок, — сказал Саша.

И тут только мы с Гришей поняли, от какой искры вспыхнула сашина страсть — фотографировать: это было объявление о всесоюзном фотоконкурсе.

Так Саша надеялся выйти победителем. Это он, который за две недели до экспедиции впервые взял в руки фотоаппарат.

Правда, мы ничего не знали об его успехах. Саша никогда никому не показывал своих фотографий. У него был замкнутый, независимый характер.

Даже во время веселых привалов нашего маленького отряда на берегу Японского моря он удалялся в сторону и купался где-то вдалеке, среди скал. А один раз в тайге дошел до такого сепаратизма, что развел себе маленький индивидуальный костер на другом берегу ручейка. Что он там делал, у своего костра, мы разглядеть не сумели.

Так и со снимками. Ведь Саша не разлучался со своей «Лейкой», но мы ни разу не видели его в позе фотографа.

И все-таки, несмотря на этот окружающий Сашу мрак неизвестности, было ясно, что для рекордного снимка он совершенно не подготовлен. Как мог он надеяться!

Такая дерзкая мысль не приходила в голову даже Грише. А Гриша был отличным фотографом. Он учился у знаменитого Сурикова и был его любимым учеником.

Я всегда любовалась гришиними снимками. Что бы он ни снимал, — всегда снимет в самом выгодном освещении. Но зато и трудился же он над этим! Терпения не хватало дожидаться, когда он, наконец, начнет снимать. Только наставит аппарат, взглянет — нет, что-то не то. Справа вышло бы интереснее. Перенесет штатив направо — опять неладно: свет падает недостаточно эффективно.

Я успевала сделать дюжину снимков, пока Гриша возился с одним.

Не знаю, из какого материала сделаны гришины нервы, но, во всяком случае, совсем не из того, что мои.

Вот уж из меня хороший фотограф не вышел бы никогда. Я всегда волнуясь и нервничаю во время съемки и то спущу

затвор слишком рано, то сделаю на одной пластинке два — три снимка. А негативы у меня — как инеем покрыты!

Какое мучение — промывка после гипосульфита! Промывать, когда так хочется поскорее увидеть, что получилось!

Я всегда относилась к себе критически и потому прекрасно понимала, что с моими данными надеяться победить во всесоюзном конкурсе было бы смешно.

Но как странно устроено живое существо!

Взять, например, собаку. Ведь вряд ли найдется на свете такая собака, которая «в душе» считала бы себя способной обогнать курьерский поезд. Но когда собаку догоняет скорый поезд, то разве она не бросает все свои силы и всю свою страсть на безумную попытку — перегнать?

Так вот из-за этого-то психологического свойства я, неожиданно для себя самой, объявила, что вступаю с обоими в соревнование и хоть плохонький, но мировой снимок сделаю.

С этого знаменательного дня в экспедиции нашей произошла резкая перемена.

До него дальневосточный мир был для нас миром научного плодводства. В нем мы видели только дикие яблоны, груши, вишни. Над нашими головами, из-под огромных перистых листьев, свешивались тяжелые грозды манчжурских орехов. С дерева на дерево перепутанными петлями перекидывались лианы: амурский виноград с мелкими черными виноградинами, бледнолистый лимонник с его коралловыми гроздьями и актинидия, нежная и сладкая, с пестро расцвеченной листвою.

Больше мы не видели ничего или почти ничего.

Теперь тайга разделилась надвое. В одной половине попрежнему росли только плодовые деревья и ягодные кустарники.

В другой же нас окружали странные, невиданные существа. Гигантские сияие бабочки-махаоны носились над головами. С дерева на дерево перескакивали черные уссурийские белки. Внизу, где цвели дикая сирень и жасмин, бродили енотовидные собаки и, лениво извиваясь, ползали двухметровые змеи — полозы Шренка.

В поисках мелких рачков — чилимсы.

Мы с Гришей не жалели пленок.

Я не пропустила ни одного интересного сюжета. Гриша мучил нас невероятно. Мы ждали как-то около часа, пока на выбранную им скалу спустится стадо горных козлов.

Это была бы чудесная фотография — отвесная скала и козы на фоне заходящего солнца.

Но было ли у самих коз стремление создать эту картину, — осталось неизвестным.

Солнце зашло гораздо раньше, чем мы смогли разгадать их намерения.

Мы с Гришей жили соревнованием, но Саша, наш вдохновитель Саша, ни разу не вынул аппарата из футляра, по крайней мере на наших глазах. Точно он не находил достойного сюжета ни в тайге, ни в селениях, хотя поселки, через которые мы проходили, изменились для нас не меньше чем тайга.

Раньше мы видели в них только одно интересное явление — сады уссурийских слив.

А с началом фотосоревнования в них появились жители.

Корянки с ловкостью акробатов носили на головах мешки картофеля и 4-ведерные сосуды с водой. Посаженные верхом и крепко привязанные сзади к талиям матерей, младенцы беспомощно качали черными щетинистыми головками. Китайцы с огромными сачками медленно бродили вдоль залива по колени в воде в поисках мелких рачков — чилимсы. Мы видели, как вылавливают морскую капусту, чудовищных крабов и отвратительных трепангов.

Мы с Гришей меняли катушку за катушкой, но у нас не было мирового снимка.

У нас не было даже кандидата в мировые снимки.

Рекордный снимок должен был, кроме оригинального сюжета, содержать еще какую-нибудь интересную идею.

Вот в том-то и была вся трудность положения.

Работа наша на юге кончилась, и мы перебросились в Суйфун-Уссурийский район. И вот здесь, в этом районе, мы впервые увидели настоящую, дикую, первобытную, нетронутую человеком тайгу.

Вскоре мы увидели следы медведя и услышали страшное слово «тигр». Меня оно парализовало. Я мгновенно вся превратилась в слух и почувствовала, что в ответ и тайга стала прислушиваться к шороху моих движений.

Да, здесь жил тигр и уже второй год бродил вокруг опытной Суйфин-Уссурийской станции!

Гриша и Саша, как это ни странно, этому известию обрадовались. Особенно Саша. Он не приставал к проводнику с вопросами, но глаза его загорелись героическим огнем, а движения приобрели необыкновенную живость. Гриша же нудно попытывался таких деталей, какие проводник мог бы ему сообщить, только если бы убил этого тигра, взвесил его на весах и измерил бы по частям сантиметром.

— Его видели месяц назад, — сказал проводник. — Бухгалтер Уссурийской станции сидел с удочкой у озера и вдруг услышал на противоположном берегу шум. Поднял от поплавка глаза и остолбенел. Видит: бьется лошадь, а на спине у нее тигр рвет мясо, грызет горло. Бухгалтер бросил удочку и без памяти побегал домой.

Потом он рассказал про охотника, который решил взять тигра.

Охотник пошел по свежим следам, но, не дойдя до зверя, увидел тушу загрызанного и объеденного тигром изюбря.

Тогда охотник переменял намерение. Он повесил кусок оленя на дерево и рядом насторожил самострел. Потом выбрал себе лучшие части мяса, положил их в мешок и пошел домой.

На следующий день он взял товарища и опять пошел по следам.

Присмотрелся он к следам и оторопел: они показывали, что тигр накануне провожал его до самого дома.

Мысль об опасности, которой он подвергался, так испугала охотника, что он отказался от преследования зверя.

Тигр идет по следам охотника.

Этот-то тигр и продолжал бродить по той самой тайге, где проходили мы.

— Как ты думаешь, Гриша, — вдруг спросил Саша неестественным, философским тоном. — Есть тут идея: идет охотник с мешком, а за ним по пятам тигр?

— А кто его знает! — задумчиво ответил Гриша.

— А в ударающем от тигра бухгалтере?

И как только они могли думать об идеях, об этом рекордном снимке, в такой момент! У меня, когда я мысленно представляла эту кошмарную картину, начинали слабеть ноги. Чувство самозащиты заставляло меня не только не говорить, но и не думать об этом ужасном звере.

Но вспомнить о нем пришлось на другой же день.

В тот день мы собирали образцы диких вишен в русле высохшей речки Чертовки. А на обратном пути проходили через маленькую полянку.

— Здесь вот в прошлый четверг череп медвежий нашли и кость. Тигр с медведем боролись, — сказал проводник.

Я сразу почувствовала желание поскорее уйти, но Саша и Гриша заинтересовались.

Они осмотрели примятую и вырванную траву, поваленные деревья и пихту с ободранной корой.

— Это, должно быть, медведь лез на дерево спасаться, а тигр стащил его вниз. Тут ему и крышка. А, верно, долго отби-

вался, молодец! Вот сколько тут всего наворочено.

Конечно, я не стала исследовать, сколько и чего наворочено. Нужно было быть Гришей, чтобы задерживать весь отряд, разыскивая исчезнувшие следы, подбирая кору и фотографируя пихту. Саша стоял в стороне и, глядя в пространство, чему-то улыбался.

Вечером на опытной станции нам показали череп медведя со следами зубов тигра.

Это был тяжелый, страшный череп. И зубы этого черепа, медвежьих зубы, произвели на меня гораздо более сильное впечатление, чем следы зубов тигра.

Раньше я как-то недооценивала медведя. Мне и в голову не могло прийти, что он может бороться с тигром.

Если бы я раньше знала об этом, если бы видела раньше его зубы, — наверно, медведь не выходил бы у меня из головы во все время наших странствований по тайге.

Ведь это тигры — редкость, а с медведем встретиться нетрудно.

Я стала так много думать о медведе, что постепенно у меня выросла уверенность, что встреча с ним неизбежна. Я мысленно к ней готовилась, но не было ни одного момента, когда я чувствовала себя готовой.

И каждый раз мне казалось по-разному. То я видела себя окаменевшей от ужаса — я была не в силах крикнуть, пошевелить пальцем, не в силах отвести взгляда от темного, лохматого чудовища.

То мне представлялось, что я лишь взгляну и сразу брошусь бежать, как бухгалтер от тигра.

А иногда, когда мы мирно пили чай у костра, мне думалось, что я буду бояться медведя до тех пор, пока не увижу его близко. А как увижу, — посмотрю спокойно, с интересом и одобрением, как на сильное, большое домашнее животное.

Гриша уверял, что это невозможно. Каждый человек обязательно должен испугаться, увидя медведя на воле.

Но к чему волноваться заранее? Может, мы и не встретим никакого медведя.

Гриша никогда не волновался и уверял, что этим предохраняет себя от старости.

Саша не высказывал своего мнения. Но в эти дни он был каким-то озабоченным

— Тпрусь, тпрусь, подожди, подожди немножко!

и уделял большое внимание своему аппарату: то протирал объектив, то осматривал через лупу стенки.

Стряслось ли что-нибудь с его «Лейкой» или он готовился к рекордному снимку, — неизвестно.

Вскоре мы отправились за дикими абрикосами.

По пути Гриша остановился, чтобы снять актинидию. Она росла на полянке, освещенная солнцем. И солнце раскрасило ее листья зеленым, фиолетовым и белым. У некоторых темных листочков белели верхушки, как будто их кто-нибудь окунул в сливки.

Вероятно, Гриша намеревался снять эту актинидию так, чтобы она вышла не хуже чем в натуре.

Никогда он еще не был таким медлительным. Я помогла ему вначале, подвязывая побеги, но вскоре мне надоело.

А Саша, по своему обыкновению, ушел куда-то в сторону и исчез. Я не стала его искать. Решила, поджидая Гришу, заняться фотографией сама.

Мне понравилась маленькая аралия на дальнем конце полянки. Захотелось сняться, сжимая рукой страшные колючки ее тонкого стволика.

Я привязала к затвору шпагат, приколотла его рогаткой к земле и, встав под аралией, хотела уже щелкнуть, как вдруг вспомнила: а фокус?

Оставив его «на бесконечности», как будто собралась снимать что-нибудь вдаль, я вернулась к аппарату — и вдруг из тайги чей-то крик:

— Помогите!

Сердце остановилось.

Треск, шорох, топот, кто-то бежал, кто-то кричал. И внезапно стало ясно, что

бежал и кричал Саша. За ним кто-то гнался. Медведь?

Слышно было, что бегут двое, и один из них — зверь. Это он бежал осторожно, это под ним еле похрустывал хворост.

А Саша топал, давил, топтал сучья и кричал что-то вроде: «Помоги, помоги немножко!»

Топот все ближе и ближе. Они бежали на полянку.

Дрогнули листья, и из темного зева тайги на полянку выскочил медведь, а за ним, сминая кустарники, путаясь в травах, неуклюжий, длинноногий бежал Саша, растрепанный, взъерошенный, мокрый Саша. В вытянутых руках он держал свою «Лейку» и задыхаясь кричал:

— Тпрусь, тпрусь, подожди, подожди немножко!

И если бы я, запутавшись о шпагат и свалив аппарат, не упала бы лицом в крапиву, — неизвестно, когда бы я кончила хохотать.

Саша скоро вернулся, измученный и растроенный.

— Досада! Иду по тайге и вдруг вижу: он под деревом роется: корни какие-то для себя выкапывает. И в такой естественной позе! Я за «Лейку», а он взглянул на нее с таким недоверием, как на пушку. Серьезно, за пушку счел. Повернулся и бежать. Я с ним — ласково, уговариваю: «Тпрусь, тпрусь». Чорт знает что! Ведь рекордный был бы снимок!

— Идеи нет, — пробурчал Гриша. Ему было досадно, что он из-за своей актинидии проморгал замечательную сцену.

✱

По приезду в Ленинград мы отдали наши пленки Сурикову. Но он был завален работой.

Первые дни мы его тормозили, но потом мы завертели в кругу других дел и событий, и экспедиция стала забываться.

Все-таки гришины снимки, которые Суриков приготовил, конечно, в первую очередь, мы просмотрели с волнением. Все они были красивы. Все — технически безупречны. Но какой из них выбрать для конкурса, — ни Гриша, ни мы с Сашей решить не могли.

Саше Суриков снимки отдал уже после нового года. Саша нам их не показал, и мы не настаивали. Все это казалось уже давно прошедшим и неинтересным.

Меня же Суриков не извещал до весны. Я о нем уж и думать позабыла, увлеченная подготовкой к новой экспедиции, как вдруг он как-то остановил меня на улице.

— Послушайте, как вам удалось это сделать? — спросил он меня неожиданно.

— Что сделать?

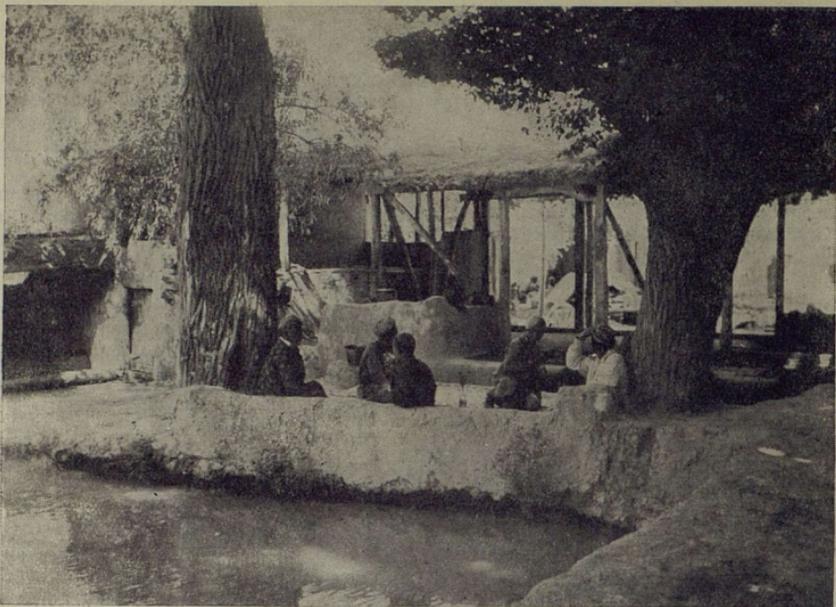
— Да этот снимок: бегущий медведь, а за ним энтузиаст-фотограф. Как вам удался этот фокус?

Так он все-таки снялся! Рекордный снимок вышел сам собой. Это действительно был фокус. Но я его разгадала: ведь я же слышала, как щелкнул затвор, когда я зацепила за шпагат. Вот в этот-то момент и родился рекордный снимок. Но тогда, падая в крапиву, я была совершенно неспособна ни к анализу звуков, ни к выводам и обобщениям.

Вот так-то я победила Гришу. И мало этого, сам его знаменитый учитель позабывал моему мировому снимку.

Его увеличили—восемнадцать на двадцать четыре. Мы послали его на конкурс. И я совершенно уверена, — а Гриша и Саша тоже, — что неуклюжая сашина фигура станет знакома всему СССР.

★ ★ ★

Чайхана на дороге Пенджекент — Фальгара.

Оазис в пустыне

Проф. Н. Леонов

I

Всякого, кто впервые будет под'езжать к Ташкенту с севера, поразит внезапная перемена: после нескольких дней пути по сухим степям поезд ворвется в густую зелень садов. Мимо окон вагона побегут фруктовые сады, стройные ряды тополей, хлопковые поля. Узкими серебряными ленточками блеснут в зелени наполненные водой оросительные каналы — арыки. Мы в оазисе, мы в Узбекистане. Только тот, кто видал своими глазами внезапный переход от пустыни к зелени садов, сможет по-настоящему почувствовать это слово «оазис».

Оазисы созданы упорным трудом человека. Там, где сбегаящие с гор речки несут свою звонкую воду, там человек с помощью арыков увлажняет почву пустыни, там зеленеют поля и сады.

Когда под'езжаешь к Ташкенту, столице Узбекистана, уже из окна вагона видишь горы, увенчанные снегами. В горных ледниках — источник жизни оазисов. В горах Тянь-Шаня и Памиро-Алая белеют поля вечных снегов, оттуда медленно сползают вниз тяжелые ледяные реки — глетчеры. Чем ниже, тем становится теплее и теплее. Лед начинает таять. У конца ледяных языков из ледниковых пещер вырываются с грохотом потоки мутной воды и несутся по крутому ложу вниз, на равнину.

У выхода из гор реку подстерегает человек. Запрудами он делит ее на несколько потоков, идущих по разным направлениям. От основных каналов ответвляется целая сеть более мелких. Вода dribится по канавкам. Если взглянуть сверху, то вся система таких оросительных канавок представится в виде веера. Чем дальше от гор, тем шире расходятся арыки. А вся площадь,

лодные ночи укрываясь теплыми ватными одеялами.

Посреди кишлака, обычно над большим арыком, расположена колхозная чайхана. Там можно выпить несколько пиал горьковатого, прекрасно утоляющего жажду кокчая и отдохнуть в тени на разостланных коврах.

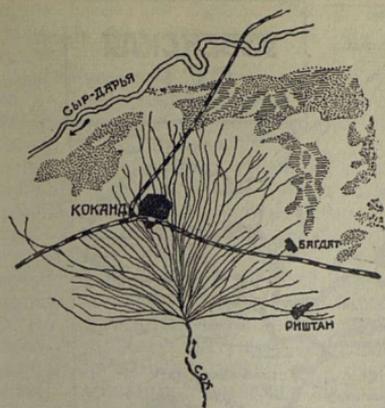
II

Двадцать дней пути по сыпучим пескам. Неторопливо шагают величавые верблюды по барханам. Песок осыпается, шелестит. В горле пересохло. Голос стал хриплым. Губы потрескались. Каждый глоток воды, хранящейся в кожаных бурдюках, на счету. Колодцы встречаются редко. Пески раскинулись на сотни километров. Двадцать дней пути по сыпучим пескам. Качаясь на верблюьем горбу, дремлешь. В дремоте померещится поле, журчащий арык, зеленые деревья. Откроешь глаза — вокруг лишь пески да пески без конца, без края. Мечтаешь о глотке свежей воды.

И вдруг впереди, километров за десять, за пятнадцать (воздух пустыни прозрачен), увидишь не во сне, а на яву зелень. Зелень среди песков! Верблюды прибавят шаг. Еще два—три часа мотанья на верблюьем горбу — и вы в оазисе. Пески остались за спиной. Вокруг раскинулись засеянные хлопком и кукурузой поля, сады, человеческие жилища, а главное, всюду журчит вода в арыках. Вот это и есть оазис. Таков, например, оазис Хорезма в низовьях Аму-Дарьи. Попадешь в такой оазис и с трудом поверишь, что кругом, на сотни километров, расстилаются горячие пески. Забывается, что вокруг ведется непрерывная война — кто кого: человек ли одолеет пустыню или пустыня — человека.

В Средней Азии я встречал немало развалин вымерших городов. Когда-то на месте этих руин жили люди. Посреди селений пестрели базары. Земледельцы упорно боролись с пустыней. Но происходили междоусобицы — побежденные в кровопролитных схватках ослабевали. И тотчас надвигалась пустыня: пески засоряли арыки и водоемы, сохли деревья, выгорали поля. А люди, выбившись из сил в безуспешной борьбе с пустыней, либо бежали в другие зеленые оазисы либо гибли. Города вымиралли.

Хорезмский оазис, как и всякий другой оазис в Средней Азии, целиком создан и поддерживается руками человека. Жители Хорезма берут воду для орошения из Аму-

Веер арыков, расходящихся от реки Сох.

покрытая сетью арыков, курчавится зеленой.

Почва сухих степей плодородна. Благодатное солнце посылает изобилие тепла и света. В сочетании с водой, приведенной с гор человеком, под лучами знойного солнца щедро родит земля Средней Азии. Среднеазиатский оазис — это бесконечные поля хлопка, это темная зелень люцерны, это рис, это бахчи с темнокожими арбузами и желто-золотистыми дынями, это сады, где вырастают сладкий урожай, мохнатые, нежные персики, гранаты, наполненные рубиновым соком. Это виноградники. В зелени прячутся глиняные заборы — дувалы и глиняные же дома без окон — кибитки. Длинные дороги прорезают кишлак вдоль слепых стен кибиток и дувалов, и только маленькие калиточки с двустворчатыми деревянными дверцами манят путников. В раскрытые дверцы калитки ничего не увидишь. Только войдя внутрь и обогнув глиняную стенку, попадешь на чисто выметенный дворик. Посреди дворика, под деревом, находится глиняное четырехугольное возвышение, на нем семья обедает, а поодаль, под навесом виноградных лоз, стоят широкие деревянные топчаны, служащие узбекам одновременно и кроватями и диванами. Посреди двора журчит арык. В стороне — очаг для приготовления пищи и печь для лепешек. На двор выходят двери и окна кибитки. В кибитке живут только месяца три в году, зимой. Большую же часть времени проводят на дворе, в хо-

разрешена. Теперь позабыта вековая вражда, раз'единявшая народы. Каждая национальность получила право строить свою жизнь.

На территории бывшей царской колонии — Туркестана — теперь четыре союзных республики. Из них наиболее многочисленная — Узбекистан.

Чем же располагает узбекский пятимиллионный народ, для того чтобы строить свою жизнь, свое хозяйство? Первое богатство — это те орошенные земли, которые отвоевали у пустыни узбеки. Богатство огромное. Ведь по всей Средней Азии орошенные земли составляют всего 4 процента. Но и Узбекистан вовсе не представляет собой сплошного цветущего сада, единого оазиса. Орошенные земли и там располагаются отдельными пятнами, большими и малыми. Этих зеленых оазисов в Узбекистане больше чем в какой-либо другой из среднеазиатских республик, потому что земли узбеков расположены близ гор, при самом выходе рек на равнину. Но все же воды и в Узбекистане хватает для орошения только четвертой части всех земель. А без воды на равнинах Средней Азии нет жизни, нет урожая, только на значительной высоте, где выпадает относительно больше дождей, возможно земледелие без полива. Чтобы вы яснее представили себе, как сильно жаждет земля в тех местах, я расскажу вам об одной весне в Хорезме.

Весна была холодная. Медленно таял снег в горах. В Хорезме говорили только об одном — о воде. Когда весна приходит быстрая и дружная, когда жарко прогревает солнце, — расплавляются снега и льды, вздуваются от обилия воды реки. Ревет в ущельях Вахш, стремительно мчит свои воды коричневая Аму-Дарья. Весело скрипят чигири, подымая воду в арыки. Вода идет на поля, в сады, вода несет радость людям. А когда хмурится небо над горами, когда расплзается в горах сырой туман, тогда подстывают снега и льды, слабеют реки, останавливаются чигири на арыках. Медленно умирают посевы, сохнут сады. Запыленные деревья и неокрепшие побего хлопка напрасно ждут воды, люди с печалью смотрят на обмелевшую реку — все ждут воды.

Так и случилось в ту весну в Хорезмском оазисе. Обмелела река. Воды было мало: вода не шла в арыки. Трескалась от жажды богатая хорезмская земля.

Десятки тысяч людей чистили и углубляли арыки, проверяли головные сооружения,

по которым вода входит из реки в арыки. А воды все еще не было. На арыках стояла зеленая плесень. С деревьев осыпалась сохнувшая листва. Вянул хлопок. В тот год вода пришла в Хорезм только 18 мая. Вода пришла — и урожай был спасен.

Хорезм далек от гор. Но и в цветущей Ферганской долине, лежащей в тесном кольце Тяньшанско-Алайских гор, бывают напряженные дни ожидания воды. И в благодатной Фергане расходуется вода можно лишь по строгому порядку. Не даром водопропускные шлюзы закрываются в Фергане на замок. Количество воды, приносимое с гор каждой речкой, измеряется с большой точностью и с такой же точностью распределяется между кишлаками. Может быть, единственным видом воровства встарину в стране узбеков было похищение воды. Оросительная система была огромной силой в руках прежних богачей. Вода распределялась сообразно влиянию и богатству. Голодными глазами смотрели в прежнее время на воду в арыках узбеки-бедняки. В стране узбеков самый лозунг — «Земля — крестьянам!» — звучал иначе: «Земля и вода — де х канам!» Ибо там земля без воды бесплодна, бесплезна.

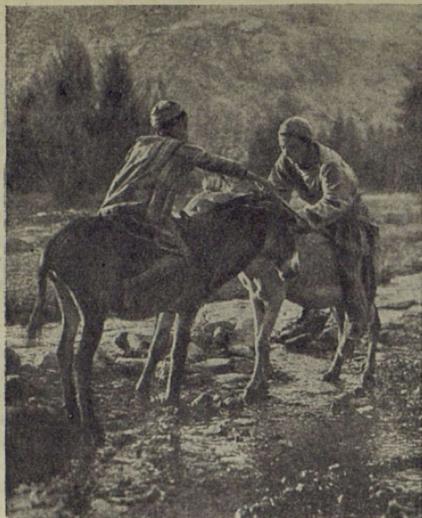
Орошенные земли — первое сокровище узбеков. Только под одним хлопком в Узбекистане занято около одного миллиона гектаров орошенной земли. Желтоватосерые, лесовые почвы, прогретые лучами великолепного азиатского солнца, политые водой горных потоков, в прошлом году дали почти полтора миллиона тонн хлопка.

Лучшие сорта хлопчатника зеленым морем покрывают поля Узбекистана. Белой пенной волокна покрываются темнозеленые кусты осенью. Это белое волокно, вытирающее из лопнувших коробочек, выбирают проворные руки колхозников. Хлопковое волокно не даром называют белым золотом Узбекистана.

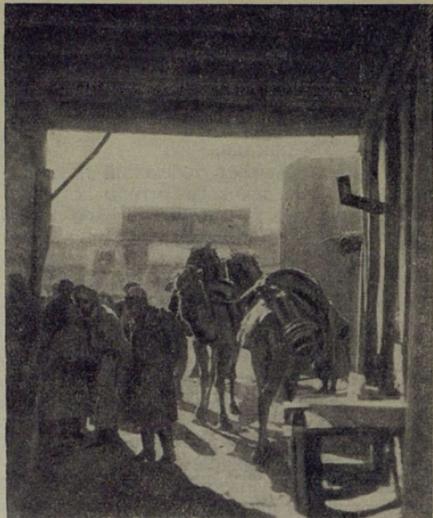
В состав Узбекистана, по новой Конституции, вошла также автономная Кара-Калпакия.

Кара-Калпакия — это массив земель в низовьях Аму-Дарьи по берегам Аральского озера. Кара-Калпакия — это грозные пески Кара-Кумов, узкая полоса орошенной земли вдоль Аму-Дарьи и болотистая дельта, где Аму дробится на ряд рукавов.

Близ Чимбая — лучшие земли Кара-Калпакской республики. Они славятся не пшеницей, не хлопком, а кормовым растени-

На водопое в кишлаке.

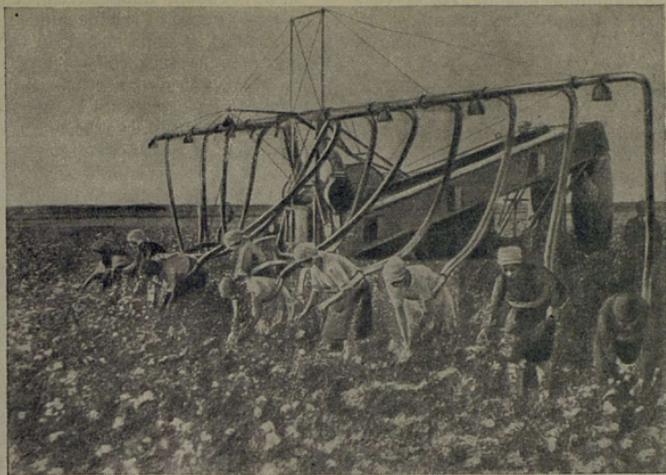
Караван - сарай в Самарканде.

У городских ворот в Бухаре. Закутанная женская фигура пробирается вдоль стены. Еще недавно это было обычной картиной. Теперь почти все узбечки ходят с открытым лицом.

Узбекистан славится своими дынями. Осенью коджозники привозят на базар на двухколесных арбах целые горы арбузов и дынь.

На полях Узбекистана хлопок собирают усовершенствованные машины. На снимке: одна из таких машин. Своими длинными рукавами машина всасывает хлопок, быстро и начисто опустошая одну хлопковую коробочку за другой.

ем — люцерной. Отсюда, из Кара-Калпакии, лучшие в мире семена люцерны развозятся в хлопковые районы Средней Азии, их везут также и на Украину, и в Армению, и в Грузию, и за границу. Везут туда, где растет хлопок. В совхозы Чимбая и Кегейли приезжают ученые изучать люцерну. Это не просто корм для скота. Люцерна обладает чудесным свойством: она обогащает почву азотом, а хлопчатнику как раз нужен азот. Вот отчего хлопчатник и люцерна должны быть друзьями.

У

Реки Узбекистана не только оживляют почву и делают ее плодородной: в реках Узбекистана ключ к пробуждению земных его недр. В этих движущихся, сбегающих с гор массах воды таятся огромные запасы энергии. Преправив рекам путь плотинами, направят струю их в турбины электростанции — и страна узбеков станет страной электричества. Белопенные горные потоки таят в себе шесть с половиной миллионов лошадиных сил. Запрячь эти реки — и тогда на каждого жителя страны будет неустанно — и днем и ночью и летом и зимой — работать электрическая лошадь. Уже работают Боз-су и Кадырья под

Ташкентом. Строятся гидроэлектростанции на стремительном Чирчике. От Чирчика ток побежит к медеплавильным заводам Алмалыка, к текстильным фабрикам Ташкента и Ферганы. Силой этого же тока на специальном заводе будет совершаться чудесное превращение воды и воздуха в белые кристаллы амиачной селитры. Чирчикский завод азотистых удобрений будет одним из интереснейших предприятий нашей страны.

В первом цехе этого завода с помощью электротока воду будут разлагать на составные элементы: на кислород и водород. Кислород пустят для автогенной сварки, а водород пойдет на дальнейшее производство. Часть водорода будет использована на то, чтобы в герметически закрытых баках, путем сжигания водорода в атмосферном воздухе, освободился имеющийся в воздухе азот. Итак, первый цех даст водород, второй — азот. Дальнейшее производство состоит в получении амиака от смеси водорода с азотом и в превращении этого амиака в амиачную селитру. Дешевизна чирчикской электроэнергии позволяет нам с выгодой наладить производство связанного азота. А хлопковые поля Средней Азии нуждаются больше всего именно в азотистых удобрениях. Чирчикский за-

вод даст эти удобрения полям. Тогда еще выше подымется урожайность хлопка.

VI

Есть в Узбекистане и другие сокровища. По всем окраинам Ферганской долины, особенно же по южной и восточной, на глубине около 400 метров, залегают нефтеносные пласты, содержащие в себе сорок пять миллионов тонн нефти. Это промысла Шор-су, Ченгырташ, Ким. Нефтеносные фонтаны большой силы выбрасывают нефть также и у вышек Хаудага, на юге, близ Сурхан-Дарьи.

Богаты полезными ископаемыми и горы, отступающие Фергану: отроги Алая и Тянь-Шаня. К юговостоку от Ташкента, в Кураминских горах скрыто не менее двух миллионов тонн меди. Медь эта скопилась в горных породах, поднималась по трещинам вместе с горячими водами в те времена, когда возникали Кураминские горы.

Алмалыкские медные руды — всеоюзные сокровище. Добыть это сокровище из горных недр помогут близкие соседи — электростанции Чирчика.

Так вот каков Узбекистан — это хлопок, шолк, фрукты, это медь и нефть и огромные гидроресурсы! Это хлопкоуборочные машины Ташкентского завода сельскохозяйственных машин, это ткани текстильного гиганта.

Двенадцать лет назад в стране узбеков насчитывалось всего-навсего одиннадцать тысяч индустриальных рабочих, а теперь в промышленности Узбекистана занято четверть миллиона рабочих. Так шагает страна узбеков, до революции бывшая хлопковой колонией России.

VII

В течение веков обладатели богатейших оазисов: Ферганского, Ташкентского, Хорезмского, Самаркандского, Кашкадарьинского — не могли спаяться в единый народ. Не было общей родины, не было общих интересов, не было даже общего имени. Жители Ферганской долины звались коканлыками, по имени города Кокана. Жители Хорезма — хивинцами, по имени города Хивы. Население Кашкадарьинского оазиса называлось по имени города Бухары — бухарлыками. Они нередко враждовали

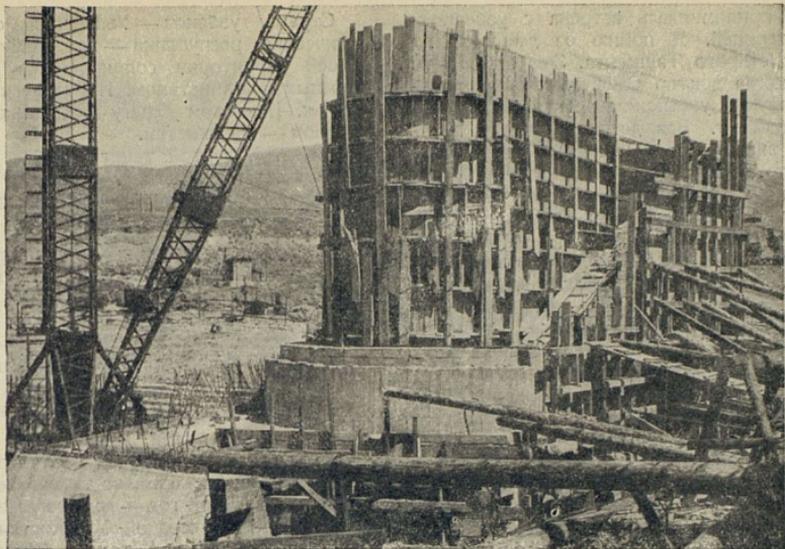
между собой. Завоеватели с севера — русские — назвали завоеванные страны Туркестаном, а коканлыков и бухарлыков звали общей кличкой — сартами. Об этом недавно напомнил в своем докладе секретарь ЦК компартии Узбекистана тов. Акмаль Икрамов на Чрезвычайном съезде советов Узбекской республики, на том съезде, который обсуждал проект новой Сталинской Конституции.

Октябрь дал новую жизнь древним народам Средней Азии. Нет больше коканлыков и бухарлыков, а есть единая нация — узбеки. Двенадцать лет самостоятельного существования Узбекистана сделали свое дело: во весь рост распрямился народ.

Недавно я зашел к своему старому приятелю, колхознику Имамову, в колхозе имени Ахун-Бабаева. Дворик выглядит по-прежнему: он чисто выметен, журчит арык. Во дворе привычный топчан. Но хозяин не приглашает садиться на него, а ведет меня внутрь кибитки. И что же я вижу? Пол кибитки устлан цветистым кашгарским ковром. Вдоль стен стоят четыре новых европейских кровати. В углу патефон. Хозяин не может отказать себе в удовольствии: он заводит патефон — и мы слушаем пение любимой артистки — узбечки Тамары-ханум. Имамов рассказывает мне, что недавно он отпраздновал свадьбу старшего сына. В нише я вижу висящие новые халаты.

А затем мы выходим во двор: хозяину хочется показать мне новую, только что купленную им корову. Кибитка заново отремонтирована, под крышей я вижу заготовленную для зимы печку и вспоминаю прежний сандал. Посреди кибитки в глиняном полу, углубление, в нем тлеет угли. Над углями ставилась низенькая табуретка. Табуретка покрывалась сверху огромным стеганым одеялом. И мы все залезали под него, ногами к углям. Теперь пришла печка — прощай, сандал! И ковер, и кровати, и корова — все это итоги хозяйственного колхозного года.

Преображается быт кишлака. Иным стал самый труд земледельца-узбека. На полях Узбекистана работают тысячи тракторов. Земля рыхлится новейшими плугами и боронами, обрабатывается культиваторами, а сеют теперь рядовыми селками. Землю обильно удобряют искусственными удобрениями. Узбеки-бригадиры, узбеки-трактористы, узбеки-инженеры, узбеки-агрономы — огромная армия твердо ведет страну к светлому будущему.

Мощная гидроэлектростанция строится на реке Чирчик. На снимке — устой плотины на левом берегу Чирчика.

Дворик в Самарканде.

Мне припомнилась встреча с узбекской-фельдшерницей. Я помню ее девочкой на улицах старого Ташкента. Это было в те годы, когда доктор Сейфулмулюков впервые приучал узбекских ребятишек соблюдать чистоту. Вся детвора старого Ташкента знала его и называла «дядя Санпросвет».

Девочку звали Айше. Ее мать носила паранджу: черный чачван закрывал молодое лицо матери.

Братишка Айше, Юнус, был болен. Тайком от старух мать пронесла мальчика к врачу. Врач дал узбечке рецепт. А что с ним делать, она не поняла. Спросить было не у кого. Мулла давал больным женщинам молитвы, начертанные на листочках бумаги. Эти бумажки надо было прикладывать или даже привязывать к больному месту.

Мать Айше привязала рецепт к ручонке мальчика, но ему не стало от этого легче.

Айше помчалась к «дяде Санпросвету». Врач постучал в кибитку. Мать Айше, тщательно прячась под паранджой, неохотно впустила его. Сейфулмулюков с трудом разобрал, в чем дело. Но, разобравшись, он взял с собой Айше и получил по рецепту лекарство в аптеке. Айше принесла лекарство домой. Юнус выздоровел и теперь учится в сельскохозяйственном техникуме. А сама Айше стала фельдшерницей. С открытым лицом ходит она по кишлакам — «тетя доктор».

Ну, а как мать Айше? Мать работает в женотделе.

Как резко изменилась жизнь за десять—пятнадцать лет!

Редко-редко услышишь теперь сиротливый голос призывающего к молитве азана. Опустели мечети, зато переполнены школы и гудят, как ульи, бодрыми ребячьими голосами.

Страна узбеков — Узбекская социалистическая республика — на крайнем юге своей территории соприкасается с зарубежным Афганистаном. Их разделяет Аму-Дарья. На левом берегу — Афганистан, на правом — Узбекистан.

«Желтой лентой течет Аму.

Чем ты гордишься, Аму-река?

Шепчет сквозь заросли ив, сквозь тьму:

— Я разделяю миры и века.

Слева от вод моих — Афганистан:

Древний кетмень там да ветхий омач

Слева к мечетям сзывает азан,

Саблю кривую точит басмач.

Берегом правым владеет труд —

Трактор согнал с борозды быков,

Красные маки знамен цветут,

В школах слышны голоса бедняков...»

Так и стоят два мира лицом к лицу. У нас, в Узбекистане, мы это твердо знаем, календарь показывает тысяча девятьсот тридцать седьмой год — год, когда забьется электрическое сердце Узбекистана — чирчикские станции. А там, в Афганистане, какой идет год? На полях — тысячелетний деревянный плуг — омач, древняя гуза, коробочки которой надо раздирать руками, чтобы извлечь оттуда хлопковое волокно; с минаретов несется все тот же старый-престарый клич «Ла-илаха-иллаалла!» Так же все было там и в 1537 году и раньше.

Двенадцать лет назад товарищ Сталин говорил студентам Коммунистического университета трудящихся Востока: «Размежевание Туркестана есть, прежде всего, в соединении разорванных частей этих стран в независимые государства. Если эти государства пожелали потом вступить в Советский Союз в качестве равноправных его членов, то это говорит лишь о том, что большевики нашли ключ к глубочайшим стремлениям народных масс Востока...»

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ НАУК
БИОЛОГИЧЕСКИХ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ,
ГЕОЛОГИЧЕСКИХ, ТЕХНИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ

А С Т Р О Н О М И Я

Цвет планет

Цвет звезд зависит от их температуры. Самые горячие звезды — голубые, за ними идут белые, желтые и, наконец, красные.

Но вот отчего у холодных планет у каждой тоже свой цвет? Почему Марс красный, а Уран и Нептун зеленые?

Этот вопрос разрешил известный американский астроном Рэссел.

Ультрафиолетовые лучи Солнца превращают кислород воздуха в озон. Это тот же кислород, но он гораздо легче соединяется с другими веществами. Землю окружает толстый слой воздуха. Он задерживает большую часть ультрафиолетовых лучей. Поэтому озон образуется высоко над поверхностью земли. Ниже его почти нет.

Другое дело на Марсе: там слой атмосферы тонок, и все лучи проходят его насквозь. Озон на Марсе образуется не только наверху, но и у самой поверхности планеты. В скалах, камнях и песке, покрывающих Марс, повидимому, много железа. Озон соединяется с железом — образуется ржавчина. И этой ржавчиной, оказывается, покрыта почти вся поверхность Марса. Вот чем, по мнению Рэсселя, объясняется ржавый, красный цвет планеты Марс.

Уран и Нептун окутаны очень толстым слоем атмосферы, во много раз толще нашей земной. И по составу их «воздух» тоже непохож на наш или марсов: в нем много метана — болотного газа. Это тот самый газ, который иногда выходит из земли на болотах и кладбищах и вспыхивает блуждающими огоньками. Метан легко пропускает зеленые лучи, но задерживает красные и оранжевые. Он действует как своеобразное сито для солнечных лучей. Поэтому мы и видим эти планеты зелеными.

Юпитер и Солнце

Известно, что Солнце — как бы «центральное отопление» нашей солнечной системы. Но, оказывается, что у «центрального отопления» — Солнца — есть... истопник, и этим истопником служит самая большая планета — Юпитер!

Как настоящий кочегар мешает кочергой дрова и уголь, так и он «размешивает» Солнце и заставляет его давать больше тепла.

Как же это происходит?

Гигантская масса Юпитера, вращаясь вокруг Солнца, вызывает в нем «приливы» и «отливы». Под влиянием притяжения Юпитера Солнце слегка сплющивается и сторона его, обращенная к Юпитеру, выпячивается. Но

Солнце, вращаясь вокруг своей оси, поворачивается к Юпитеру разными сторонами. Поэтому получается так, что форма Солнца все время изменяется. Это сплющивание и выпячивание «перемешивают» массу Солнца: еще более раскаленное вещество из глубин Солнца выходит на поверхность, а остывшая масса с поверхности погружается вглубь.

Мало того: от постоянного перемешивания происходит усиленное трение внутри солнечной массы, а трение возбуждает тепло. Вспомните, как нагревается проволока, которую вы быстро гнете, чтобы сломать, свинцовый шарик под молотком или резиновый шарик, если катать его, сплющивая, между двумя дощечками.

Но может ли притяжение планеты, находящейся в сотнях миллионов километров от Солнца, вызывать такие явления? Чтобы понять, как это может быть, надо представить себе гигантскую силу притяжения Юпитера. Рассчитано, что оно могло бы разорвать стальной проволочный канат толщиной в 64 тысячи километров, т. е. в 5 раз больше диаметра земли!

Юпитер вращается вокруг Солнца не по кругу, а по эллипсу: он то удаляется от Солнца на 811 миллионов километров, то приближается на 734 миллиона километров. И Солнце дает больше всего тепла как раз тогда, когда Юпитер находится ближе к нему.

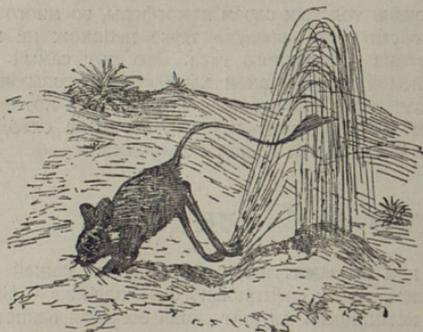
Эти колебания в солнечной теплоте заметили давно, но до сих пор никто не мог объяснить, отчего они происходят.

То, что вы сейчас прочли, — это и есть объяснение, предложенное недавно американским астрономом и инженером Эдвардом Годфреем.

Разумеется, и другие планеты тоже помогают Юпитеру «размешивать» Солнце, но Сатурн, Уран, Нептун и Плутон слишком далеки, а ближайšie к солнцу планеты — Меркурий, Венера, Земля и Марс — в тысячи раз меньше Юпитера. Вот почему их действие почти незаметно.

БИОЛОГИЯ

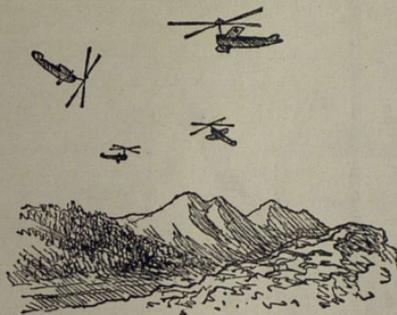
Крыса-бомбардировщик

ровка — замечательный инстинкт самозащиты: она помогает зверьку обнаружить врага.

Если подозрительный предмет — подкрадывающийся хищник, то после бомбардировки он непременно выдаст себя, а если он слаб, то обратится в бегство. Удивительная повадка крысы выработалась как приспособление к пустынной жизни, где жертва издали видна хищнику.

Жироплан

Луи Бреге и Рене Доран. Эта машина настолько отличается от прежних, что ей даже дали новое название — «жироплан».

Что же такое жироплан, и как он летает? Самое главное в нем — это два огромных винта. Они насажены на одну вертикальную ось и вертятся в разные стороны. Винты поднимают жироплан вверх.

Но как устроить, чтобы жироплан двинулся вперед? Вот это и есть самое главное изобретение Бреге и Дорана. У старых вертолетов одни винты поднимали машину вверх, другие тянули ее вперед, третьи поворачивали ее направо и налево. Всего винтов и моторов набиралось много — и машина оказывалась тяжелой и неуклюжей.

У жироплана одни и те же винты тянут его и вверх, и вперед, и в стороны, как захочет летчик. Для этого лопасти винтов сделали поворотными. Когда лопасть идет вперед, она стоит ребром и легко рассекает воздух; идя назад, она поворачивается и загребает воздух, как весло воду. Поэтому и самый жироплан движется вперед, как лодка.

Первый жироплан сделан кустарно, из старых самолетных частей. Мотор на нем в три раза слабее, чем надо. Однако он летал больше часу, поднимался на 180 метров и развивал скорость больше 100 километров в час, то есть оставил далеко позади старые вертолетные рекорды.

Сейчас задача состоит в том, чтобы построить жироплан, который будет летать так же скоро, высоко и долго, как самолеты. А перед самолетом такой жироплан будет иметь много преимуществ.

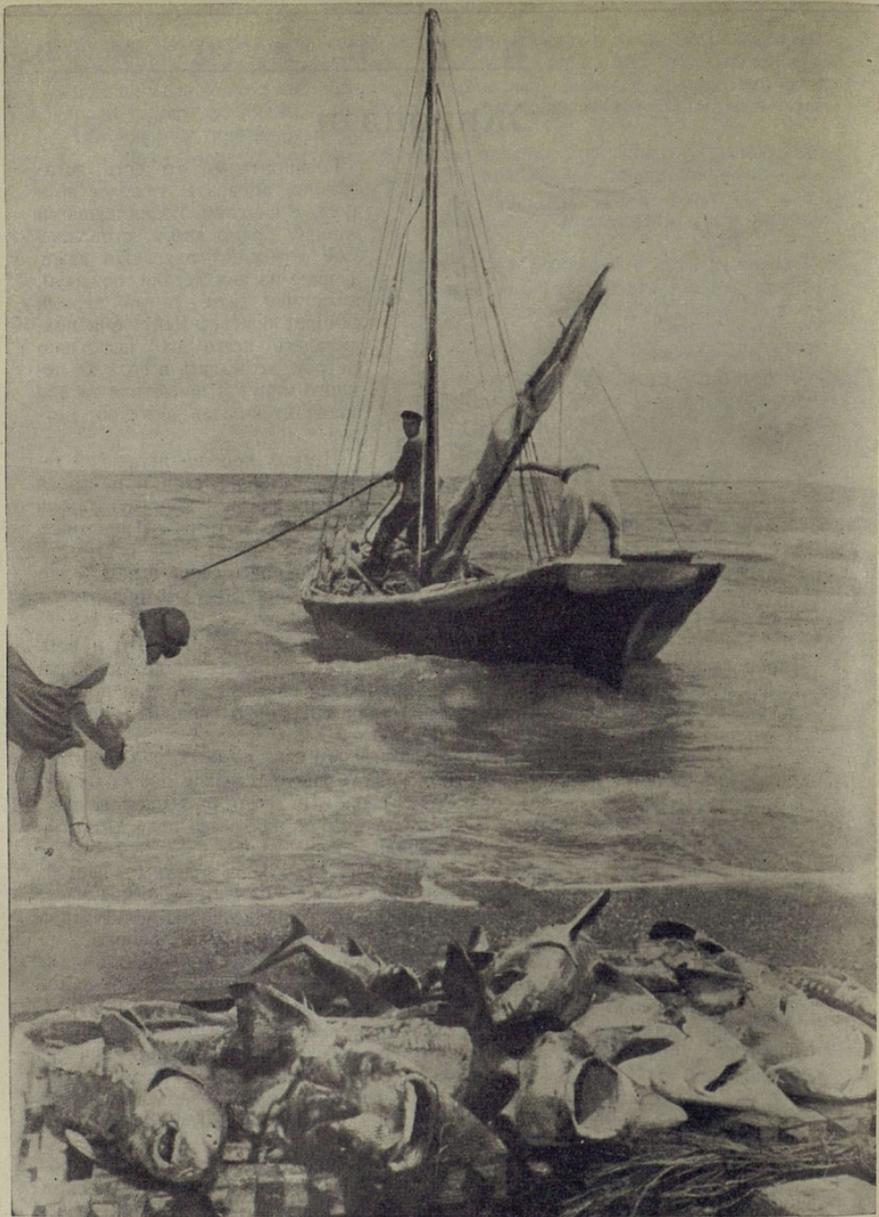
Жироплан может подниматься вертикально и так же спускаться — ему ненужны аэродромы. Даже двор, окруженный высокими домами, — вполне подходящий аэропорт для жиропланов!

Жироплан может остановиться в воздухе и висеть неподвижно. Как удобно делать с него фотографические снимки, и как метко можно бросать бомбы!

Самолет не может резко повернуть в сторону, вверх или вниз, а жироплан легко делает резкие, «ястребиные» движения, например: на полном ходу вдруг падает вниз или взвивается вверх. Управлять самолетом трудно, а ошибка грозит катастрофой. С жиропланом — дело другое: если даже остановится мотор или летчик потеряет сознание, жироплан, как парашют, плавно опустится на землю.

Вертолеты, то есть летательные аппараты тяжелее воздуха, с винтами, поднимающими машину прямо вверх, строились уже довольно давно. Но даже лучшие из них летали, пожалуй, хуже чем даже самый первый самолет братьев Райт: они поднимались всего на несколько метров, держались в воздухе немного минут и пролетали за это время несколько десятков метров.

Первый хорошо летающий вертолет изобретен и построен французскими конструкторами

Только сошел снег и сломало льды на море, и по берегам Каспия все чаще слышится слово «путина».

Путина—это весенний ход рыбы. Гул моторов стоит в это время над Каспием, а рядом с моторными катерами идут в море старые парусные шаланды и рыбницы.

Здесь на снимке рыбаки на паруснике пританивают невод, а на берегу уже лежит часть их улова—огромные осетры—«красная рыба», которой так славится Каспий.

Весна

(Из наблюдений юного натуралиста)

Юра Шibaев

Москва, ул. Горького, д. 44, кв. 27

После серых зимних облаков небо кажется замечательно чистым и голубым. А весенний воздух по-особенному действует на людей. Весной мне хочется бродить по улицам, смотреть на небо, а если есть возможность, — уехать за город и наблюдать там, как просыпаются от спячки звери и оживает природа.

С крыши моего дома капает. Сосульки стали совсем прозрачные и вот-вот исчезнут. А в садике снег серый, мокрый, и из-под него в некоторых местах видна земля. Земля влажная, черная, и на ней сохранились прошлогодние кустики травы и цветов.

Из почек ивы вылезают мягкие, пушистые барашки. Они совсем серебристые. А у ольхи и орешника коричневые сережки. При малейшем дуновении ветерка пыльца высыпается из сережек.

Я поставил в чашку ветку тополя. Красные червячки вылезли из тонких веточек, и комната полна чудесным запахом расцветающего тополя.

Позже всех распускаются сережки берез, цветы клена и дуба. Не даром ведь дуб и клен редко растут на севере: они распускаются, когда уже совсем тепло.

Еще не успевает стаять снег, как сквозь его тонкий покров пробиваются молодые листочки подснежников. Они растут все выше и выше, храня между своими листьями бутон с голубым цветочком.

Когда на улицах начинают продавать первые подснежники, люди весело говорят: «Наконец-то весна пришла!»

Мы поехали с моим товарищем, Юрой Мейеровичем, в парк Тимирязевской академии. В некоторых местах снег совсем пропал. В прудах и озерах закипает жизнь. Только появится свободная ото льда поверхность в озере или в пруде, как сразу всплывают дафнии и циклопы. А подальше от берега, плескаясь, играют малявки, всю зиму проводившие подо льдом.

Со дна прудов, из тины, выплывают сонные караси. По рогалистникам и другим речным растениям карабкаются улитки, личинки ручейников и стрекоз.

Почки ивы.

Подснежник.

Молодые листья
клена.

По растениям карабкаются улитки.

На берегу большого пруда мы нашли лягушачью икру. Недавно на моем окне весело чирикал воробей. Он совсем непохож на скучного зимнего воробья, который весь день проводит в поисках пищи.

Потом воробей улетел с моего окна. Он сел на ветку дерева, почирикал, потом перелетел на другую ветку и снова стал беззаботно чирикать.

Скоро прилетят грачи, скворцы и жаворонки. А потом из далеких южных стран к нам прилетит веселая ласточка.

Когда зацветут яблони и грушевые деревья и сады покроются чудесным белым цветом, я поеду за город. В это время там еще немного народу. Но это — самое лучшее время года. Только весной бывает трава такая свежая и зеленая. Летом она пылит и засыхает от зноя. Я поеду за город и привезу большую коллекцию растений и насекомых.

Весна — очень хорошее время для нас, юных натуралистов. Только не надо сидеть в это время дома.

Животные на марках

Розанов и Комиссаров

Москва, 203-я школа

Мы работаем в кружке филателистов в Московском городском доме пионеров 10 октября и сейчас готовим выставку.

Все марки для выставки мы собрали среди членов нашего кружка. Мы выбрали марки всех государств.

У нас есть самая первая марка в мире. Она была выпущена в Англии в 1840 году. А в России первая марка была выпущена в 1857 году.

Самый интересный отдел выставки — это марки с животными.

Марки с нарисованными на них животными выпускали самые различные государства. У нас набралось этих марок около сотни, мы могли бы набрать и еще больше, но они сильно загашены, а это неинтересно: не видно рисунка.

Очень интересны марки африканской республики Либери с изображениями слона, обезьяны, гигантской ящерицы, носорога, змеи. Мы посылаем вам одну марку из этой серии. На ней нарисован крокодил. Пожалуй, это самая лучшая марка Либери.

Среди марок острова Борнео выпущена и марка с изображением тапира. На спине у него природная белая попона.

Тувинская республика выпустила уже целый зверинец. Нам всем очень нравится треугольная марка: на ней нарисован лось. Все ребята хотят иметь эту марку. Мы посылаем ее вам.

Вопрос

В моей коллекции 730 почтовых марок. Объясните, пожалуйста, что изображено на марках, которые я вам посылаю?

Ким Ливенцев
с. Опошня, Харьковской области,
Ленинская ул., д. № 10

Ответ

Вильгельм Телль на марках

Многие ребята, наверно, слышали легенду о Вильгельме Телле. Эта легенда рассказывает, что в начале 14-го века германская империя покорила Швейцарию и туда был послан наместник императора Геслер, крутой и своенравный человек. В Швейцарии люди были очень вольнолюбивые — и Геслер решил приничить их почитать власть. Он выставил на шесте шляпу герцога австрийского и приказал каждому, кто проходил мимо, обнажать голову.

Один молодой крестьянин-охотник, Вильгельм Телль, не подчинился этому приказу. Тогда Геслер решил его так наказать, чтобы никто не смел последовать примеру Вильгельма Телля. Он приказал Теллю сбить стрелой яблоко с головы сына Телля. Вильгельм Телль был замечательный стрелок, но он боялся попасть в голову сына и спрятав на груди стрелу, которой решил в случае неудачи убить Геслера.

Вильгельм Телль сбил яблоко с головы своего сына, но за намерение убить правителя Геслера его посадили в тюрьму. Из тюрьмы ему удалось бежать. Однажды в горах Телль подкараулил наместника и убил стрелой из своего арбалета.

И вот в честь этого героя в Швейцарии в 1914—1918 годах была выпущена эта марка. На ней хорошо видны мужественное лицо Вильгельма Телля и арбалет на левом плече.

Мальчик с арбалетом в руках, изображенный на второй марке, — это сын Вильгельма Телля; он, поставив арбалет на приклад, одной рукой держится за тетиву, а в другой у него яблоко, пробитое стрелой отца. На рисунке очень хорошо видно устройство самого арбалета.

В. Головкин

Нерка

Т. Сайера

Западносибирский край, город Рубцовск, Сад-город, Оросительная ул., 78

Однажды я подарил своему другу, Коле, собачку. Ее звали Нерка, но имя Нерка Коле не понравилось, и он решил ее назвать Сойкой. Каких только способов ни перепробовал! Как только ее ни приучал к новому имени! Но Нерка попрежнему оставалась Неркой и не признавала нового имени. Раз я зашел к Коле, он сидел с собакой и уговаривал ее, что имя Сойка звучит лучше чем Нерка. Нерка только махала хвостом, но, видно, не соглашалась с ним. Когда он кричал ей: «Сойка, поди сюда!», — она не вставала с места. Тогда мы вдвоем составили план, по которому каждый день ее имя должно было понемногу изменяться. Через четыре дня Нерка должна стать Сойкой. Вот наш план: Нерка — Нюрка — Нюська — Сюнька — Сонька — Сойка. В этот же день я уехал в соседнюю деревню. Когда я на четвертый день вернулся к Коле, собака уже откликнулась, когда ей кричали: «Сойка, поди сюда!»

да он кричал ей: «Сойка, поди сюда!», — она не вставала с места. Тогда мы вдвоем составили план, по которому каждый день ее имя должно было понемногу изменяться. Через четыре дня Нерка должна стать Сойкой. Вот наш план: Нерка — Нюрка — Нюська — Сюнька — Сонька — Сойка. В этот же день я уехал в соседнюю деревню. Когда я на четвертый день вернулся к Коле, собака уже откликнулась, когда ей кричали: «Сойка, поди сюда!»

„Страшный“ жук

Север Никитищенко

Киев, Курневская ул., д. 4

Любимым моим занятием во время летних каникул была рыбная ловля. Часто мы с товарищами уходили на луг, к речке или к озеру. Мы жили там целыми днями, ночевали в шалаше из веток или просто в стого сена.

Однажды я один пошел на ночевку к озеру: ребята все были заняты.

День был жаркий. Парило, как говорят, а это верный признак, что будет дождь. Я не обратил на это внимания и, лишь пройдя пять километров, у самого озера, заметил, что горизонт застелен темными тучами. Возвращаться домой было поздно: все равно дождь застал бы меня по дороге.

Едва я успел расположиться и закинуть удочки, как налетел сильный порыв ветра и начали падать крупные капли дождя.

Птицы затихли и куда-то попрятались. Озеро почернело и вздулось.

«Ну, будет буря», — подумал я.

Нужно было поскорее куда-нибудь спрятаться. Невдалеке от озера стояли копны недавно скошенного сена. Недолго думая, я смотал удочки и побежал к ним.

Пока я рыл в сене ямку, небольшой дождь превратился в ливень. Я забрался в вырытую мною нору и решил переждать, пока буря кончится.

Мне было очень хорошо и тепло в копне.

Я прислушивался к шуму дождя. Вдруг над самым моим ухом раздался громкий, незнакомый, похожий на шипенье звук.

Я перестал шевелиться и прислушался — звук прекратился.

Я поворошил рукой сено — шипенье повторилось.

В один миг я вспомнил все прочитанное мною о змеях, которые прячутся в копнах, и от одной мысли, что рядом со мной

Июльский хрущ.

змея, я выскочил из копны прямо под дождь.

Но мое любопытство уже было задето. Я стал рыться в сене, чтобы найти то, что меня так напугало.

Но несмотря на все мои старания я ничего не нашел, кроме большого жука.

В другое время для меня этот жук представлял бы ценную находку, но теперь мне было не до него. Я отбросил жука в сторону и вдруг снова услышал тот странный звук, который меня испугал, когда я сидел в копне.

Мне стало ясно, что звук издавал тот самый жук, которого я только что держал в руке.

Я забрался в копну, снова нашел жука и принялся его рассматривать. Такого жука мне еще не приходилось встречать. Он был большой, немного меньше жука-оле-

ня, черный, с белыми пятнами, с небольшими усиками ввиде веера. Когда я его тревожил, он издавал странный шипящий звук. Видно, это был способ самозащиты. Своим шипением он отпугивал врагов.

Жук меня настолько заинтересовал, что я решил пожертвовать рыбной ловлей ради него. Когда бура кончилась и из-за туч выглянуло солнце, я быстро пошел домой, крепко держа жука.

Во втором номере журнала «Пионер» я прочел твое письмо, Белла. Ты пишешь о дружбе. «Дружить лучше с мальчиками, чем с девочками», — говоришь ты. Так ли это? Нет, по-моему, ты неправа. Я расскажу один случай из моей жизни, и, может быть, ты согласишься со мной.

Был у меня один приятель. Пять лет мы учились вместе и сидели за одной партой. На шестой год мы поссорились. Вышло это из-за пустяка. Он испачкал мою половину парты мелом, потом я—его половину, он ударил меня, я схватил его за ворот и тоже ударил. После этого мы несколько дней не разговаривали. Сидели на той же парте вместе и не разговаривали.

Под новый, 1937 год в нашей школе был бал-маскарад. Коля, так звали моего прежнего друга, был в костюме разбойника. Он ходил с длинным деревянным пистолетом и стрелял гильзами в меня.

Я был в костюме Мефистофеля. Сбоку у меня болталась шпага. Я хотел быть похожим в самом деле на Мефистофеля: ходил мрачный и старался не смеяться. Когда колины гильзы попадали в меня, я гордо говорил, что чорта пули не берут, что мне просто не хочется связываться с дураком. Я не хотел, чтобы подумали, что я обращаю внимание на Колю и хочу с ним помириться.

Дома я прочел в книге Брема, что мой жук — это июльский хрущ.

Когда на другой день я хотел отнести интересного жука в школу, чтобы показать ребятам, меня постигло разочарование: коробочка, в которой сидел жук, была полуоткрыта — жук уполз. Наверно, я неплотно прикрыл коробок, и мой пленник, воспользовавшись этим, уполз. Второго такого жука я не нашел.

„Друзья“

Юра Папков

Москва, Тихвинский пер., д. 10/12, кв. 203

Рисунок Глеба Баскакова

Одна девочка подошла ко мне и сказала:

— Юра, ты должен помириться с Колей. Обязательно помириться сегодня же. Столько лет дружили и вдруг из-за пустяка рассорились. Все наши ребята хотят, чтобы вы помирились. А то весь год будете в ссоре.

— Если ребята хотят, я могу помириться, — сказал я, — но мне это не очень нужно.

К концу вечера, когда уже наступил новый год, ребята окружили нас, и мы по-

Коля был в костюме разбойника.

1=0?

мирились. Пожали друг другу руки — и все.

Когда прошли каникулы, мы явились в школу. Мы сидели с Колей на одной парте, не ссорились, но и быть вместе нам не хотелось.

Я сказал бы неправду, что с первого же дня нашей ссоры Коля мне стал безразличен. Первые дни еще хотелось говорить с ним, обсуждать свои дела. Но после каникул ничего от этого чувства не осталось. Я к нему не относился хуже, чем к другим ребятам, но и не лучше. Я впервые подумал о дружбе. Я подумал, что если бы предложили мне вместе с Колей сделать какое-нибудь очень трудное дело, хотел бы я делать это дело с ним или выбрал бы человека более надежного?

Юра верно сказал: настоящие друзья не расстаются так легко. Конечно, дружба не в том заключается, чтобы сидеть на одной парте.

Есть настоящая, крепкая дружба. И мы

Наверно, я пошел бы делать это трудное дело не с Колей, хотя с Колей мне приятнее всего было разговаривать. А разве дружба в том, чтобы разговаривать?

Так вот, Белла, когда ты пишешь о том, что с мальчиками дружить лучше чем с девочками, я вспоминаю свою ссору с Колей. Ведь с девочкой я, пожалуй, не подрался бы. Значит, я тоже могу сказать, что с девочкой дружить лучше. Но это будет неправильно. Дело не в том — с мальчиком или с девочкой дружить, а в том, как дружить.

Если первая же ссора так отдалила меня и Колю друг от друга и нам не о чем было говорить, — значит, это была ненастоящая дружба. Настоящие друзья не расстаются так легко.

хотим услышать и об этой дружбе, о преданных друзьях, которые вместе и в веселье, и в беде, и в учебе, которых водой не разольешь. Напишите, ребята, о своих хороших, верных друзьях.

З и м а

Стихотворение Юры Кубова

Западносибирский край, город Анжерка, Озерный пер., д. 8

Седая зимушка пришла.
И снег с собою принесла,
И реки бурные остановила,
И снег на них уж поселила.
Ее товарищ, брат и друг — мороз,
Он нам в подарок льдинки мерзлые привез.
Он наши окна разукрасил,
Он щеки и носы покрасил,
Он заморозил наши руки,
Он не горюет никогда со скуки.
Он для себя везде веселье ищет,
Он незамерзшие места для себя сыщет
И заморозит их.

Хотя Юра прислал нам свои стихи в конце зимы, мы все-таки решили их напечатать, а то пришлось бы ждать очень долго, пока новая зима придет.

Город Кунгур

Боря Хахалкин

Свердловская область, город Кунгур, Советская ул., д. 7, кв. 10

Я очень интересуюсь историей нашего города Кунгура. Я узнал, что первый Кунгур был построен от теперешнего Кунгура в пятнадцати километрах. Но на него напали татары и уничтожили весь город. Тогда жители построили новый город, в котором мы живем. Он стоит на реках Сылва и Ирень. А на месте старого Кунгура теперь село Старый посад.

В центре нашего города стоит большой собор. В подвале этого собора, в стене, есть углубление. Там лежат череп и кости башкирца Юлая.

Углубление в стене наполовину закрыто доской, на которой написано: «Здесь покоится тело несчастного башкира Юлая, погребенного в 17...8 году».

Эту надпись я пишу по памяти, а третью цифру числа я забыл. Я хотел еще раз пойти в собор, но теперь в подвале устроили склад овощей и никого не пускают.

Сейчас я занимаюсь изучением пугачевского восстания в нашем городе.

Кто похоронен под собором?

Все, что рассказал Боря об истории города Кунгура, верно. Город был построен в 1647 году на границе татарских и башкирских поселений и земель Соликамского монастыря и помещика Строганова. Помещики и попы все время отнимали земли у татар и башкир, и поэтому там часто происходили восстания. Нападение татар на город, о котором пишет Боря, произошло в 1662 году. Весь город был сожжен, а самые ненавистные богачи и попы убиты. Когда началось восстание Пугачева, угнетенное население примкнуло к нему, и около Кунгура происходила долгая борьба.

В Кунгуре попы даже поставили памятник в честь освобождения города от пугачевцев. Только уж после революции этот памятник был снесен.

Какой же Юлай был похоронен под собором? Это сказать очень трудно. Во-первых, в Кунгуре есть два собора, а Боря не пишет, под каким собором он видел надпись на доске. А кроме того

только на основании надписи сказать что-нибудь трудно. Во всяком случае, это кости не Салавата Юлая. Правда, Салават Юлай долгое время осаждал Кунгур. Он был одним из близких сподвижников Пугачева. В одной из битв под Кунгуром Салават был ранен. Потом его сослали очень далеко.

Имя «Юлай» — вообще очень распространенное среди башкир. Может быть, это похоронен какой-нибудь местный житель.

Пусть Боря продолжает собирать материал об истории города, и если он сумеет точно сказать, кто такой Юлай, погребенный под собором, — это будет большая удача. Мой совет ему: не бросать этого дела. Ведь все открытия мы делаем из наблюдений, которые требуют серьезной работы и времени.

Научный сотрудник Исторического музея
П. Черкассов

По реке плыли бревна.

Охота

Письмо и рисунок Лени Шлоссер
Ст. Кемь, Кировской
ж. д., д. 507, кв. 4

Однажды я и два моих товарища пошли на охоту. Мы взяли с собой ружья и пошли к берегу реки Кемь. Там стояла наша лодка, но весел не было. Рядом лежали лопата и доска. Мы решили поехать без весел. В это время по реке плыли большие бревна, они стукались друг о друга и расходились в разные стороны. Ехать было опасно, тем более что вниз по течению реки были большие пороги. Но нам не хотелось откладывать поездку. Мы сели в лодку, оттолкнулись лопатой от берега и поехали. Сначала все шло хорошо, но на середине реки быстрым течением нас понесло вниз. Сзади на нас плыли бревна, мы отталкивали их от лодки лопатой. У берега застопорилось несколько бревен. Мы стали править к ним, потому что боялись, что нас унесет к порогам. Наша лодка остановилась среди этих бревен, и мы, перепрыгивая с одного на другое, выбрались на берег.

У нас в Карелии куропатки к зиме ме-

няют свою окраску: становятся светлее. Хотя на берегу снега было мало, куропатки, которых мы видели, были совсем светлые. Мы долго шли по лесу. Вдруг недалеко от меня поднялись в воздух две куропатки. Я выстрелил, и одна, подстреленная пулей, упала. Другая покружилась над раненой подругой, тоже, видно, хотела опуститься на землю, но потом увидела нас и быстро полетела прочь.

За весь день охоты мы убили еще двух куропаток. Одна куропатка долго улетала от нас, пока мы ее не поймали. Она перелетала с одного дерева на другое и завела нас очень далеко в лес. Мы даже смеялись, что это, наверно, заколдованная птица. Но когда мы уже были совсем близко от нее, она взмахнула крыльями, полетела, и больше мы ее не видели.

Домой мы вернулись без всяких приключений.

Кто такие лунатики?

Меня очень интересует вопрос: почему лунатики, вставая ночью, сонные, могут лазать и ходить там, где днем, не во сне, они ни за что не прошли бы? Что помогает им так ловко лазать по крышам? Почему, если их разбудить в это время, они становятся калеками, либо зайками, либо глухими, либо слепыми? Какое действие на эту болезнь оказывает луна?

НИКОЛАЙ ШУНТАКОВ

Дальневосточный край,
Амурская область, город Благовещенск,
Красноармейская ул., д. 28.

Сомнамбулизм

Хотя слово «лунатизм» и происходит от слова «луна», тем не менее никакой связи с луной эта болезнь не имеет. Люди, которые говорят, что лунатики ходят только в лунную ночь, неправы. Научный термин этого явления — «сомнамбулизм» — происходит от латинского слова «somnus» (сон) и «ambulo» (хожу, прогуливаюсь). Таким образом, сомнамбулизм означает прогулку во сне.

Это — своеобразное расстройство сна. Человек, спящий нормальным сном, никаких особых движений во сне не делает. Он лежит неподвижно, даже если ему снится, что он участвует в борьбе, беге или играет в футбол. Сновидение ограничивается только видением, то есть зрительными образами. Все двигательные центры мозга (центры, заведующие движениями, например ходьбой) спят очень глубоко, заторможены, а центры мыслительные, центры воспоминаний и фантазии, спят менее глубоко.

При сомнамбулизме двигательные центры не так заторможены и развивают привычную, но автоматическую деятельность. Они работают при выключенном сознании.

Лунатик взбирается на крыши самых высоких домов без страха, потому что сознание опасности

у него отсутствует. Он не чувствует в это время страшной пропасти под своими ногами.

Если его в это время разбудить, то есть включить сознание, он может сразу осознать опасность, растеряться и упасть. Но в безопасном месте — в комнате или на улице — можно разбудить лунатика без всякого вреда для него. От этого он не делается «калекой, занкой, глухим, слепым», как пишет Коля. Но вообще будить лунатика не надо. Ведь через короткий срок он спокойно сам возвратится на место.

Сомнамбулизм, или сомнамбулические припадки, чаще встречается в детском возрасте. Думали одно время, что сомнамбулизм у детей связан с эпилепсией (падучая болезнь), но теперь мы, долго наблюдая и изучая эту болезнь, решили, что это не так.

Конечно, лунатизм чаще всего бывает у очень нервных, впечатлительных ребят. В период возмужалости сомнамбулизм обыкновенно проходит.

Ничего опасного в лунатизме нет. Но если больной будет курить или пить вино, то эта болезнь у него не пройдет.

Профессор Ю. В. КАННАБИХ

Моя коллекция

Алик Никитин

Москва, ул. Кирова, д. 21, кв. 4

Я собираю русские и зарубежные этикетки со спичечных коробок. В моей коллекции уже 600 штук. Как-то я достал этикетку, на которой нарисован якорь. Этикетка эта не была похожа на советские этикетки, хотя на ней были написаны слова по-русски. Я стал ее рассматривать и узнал, что спичечная коробка с моей этикеткой была выпущена в России очень давно, в 1862 году. А выпустила ее первая спичечная фабрика в России — братьев Волковых.

В моей коллекции много этикеток, выпущенных в память исторических событий. Я посылаю вам этикетку, на которой нарисованы челюскинцы. На льдину спускается самолет, и все челюскинцы радостно приветствуют его. Это самая лучшая этикетка в моей коллекции.

Приключения капитана Врунгеля

(Продолжение)

А. Некрасов

Рис. К. Ротова

В Саутемптоне Лом остался пасти селедок, а мы с Фуксом сели на ялик и высиделись в прекрасном местечке: трава подстрижена, дорожки посыпаны песком, и всюду такие красивые загородочки и надписи: «Здесь не ходить, Усадьба Арчибальда Дунди».

А навстречу джентльмены во фраках, в белых галстуках...

Оказалось — нищие. Фрак у них там — вроде спецодежды. Так, просто, побираться запрещено, а во фраке — пожалуйста. Если кто и подаст, — считается, что нищих нет, а просто помог джентльмен джентльмену.

Я роздал им кое-какую мелочь, иду дальше. Вдруг вижу: еще один. Длинный, точно версту проглотил. Порвнялись. Он расклялся самым дерзанным образом, а я пошарил в кармане, выудил две копейки и прямо ему в цилиндр.

Он фыркнул, вставил в глаз монокль и очень внушительно произнес:

— Арчибальд Дунди, эсквайр. С кем имею честь?..

— Капитан Врунгель, — представился я.

— Очень приятно, защищайтесь, капитан...

Я вижу, извиняться поздно: он поставил цилиндр на травку, сбросил фрак...

— Секунданты, ауг! Гон! — крикнул Фукс, и мистер Дунди завертел кулаками.

Я размахнулся... и едва успел задержать удар.

Вижу: скверная штука: я, куда бы ни метил, все равно, попаду ниже пояса. Это не по правилам.

Но решать бой все равно как-то нужно, и тут нас выручил Фукс.

— Пожалуйста, капитан, — и подставляет плечи.

Мы начали снова.

Мистер Дунди дрался блестяще. Но я вспомнил молодость, пришорил Фукса и нанес противнику сокрушающий оперкут.

Он рухнул как мачта, Фукс достал у него из жилетного кармана часы и стал громко отсчитывать секунды.

Минут через 40 мистер Дунди очнулся. Я объяснил ему причину недоразумения, он успокоился, а когда осмотрел мою яхту, пришел в восторг.

— Мистер Врунгель! — воскликнул он неожиданно. — В воскресенье национальные гонки. Помогите мне обогнать мистера Гримсби, я давно до него добираюсь.

Я объяснил, что не могу распоряжаться судном, что связан седелками, но он обещал это уладить. В тот же вечер и получил разрешение и ввел весь табун в портсмутский адмиралтейский док.

В день гонок мистер Дунди пришел на «Беда» в белой форме и погрузил на корму два ящика сода-виски на случай неожиданного поражения. Старт мы взяли блестяще; но у самого финиша

я сплеховал: зашел за мысок и попал в полосу безветрия. Зашился так, что хоть ноздрей поддувай. Паруса обвисли, яхта стоит, конкуренты подпирают, и впереди яхта мистера Гримсби.

Мистер Дунди оглянулся, сорвал крышку с ящика, извлек бутылку и хлоп в доньшко.

Пробка вылетела как из пушки. При этом «Беда» получила такой толчок, что заметно продвинулась вперед. Я учел это, и пока мистер Дунди заливал свое горе, мы вдвоем встали на корму и одну за другой стали вышибать пробки.

Мистер Дунди несколько оживился, принялся командовать, и, знаете, с командой пошло еще лучше.

«Кормовая башня, огонь!» — кричит он. Три пробки залпом вылетают с громоподобным звуком. Содовая летит. Вода за кормой кипит. Мистер Дунди машет платком и все чаще кричит: «Огонь! Огонь!»

А «Беда» между тем движется вперед по ракетному принципу. Вот уже мысок позади, паруса взяли ветер, снасти обтанулись, зазвенели.

Мы первые пришли к финишу. На берегу оркестр ударил туш, а мистер Дунди напоследок скомандовал: «Кормовая башня, салют!»

На другой день мы пошли получать призы. Королевский яхтклуб в полном составе собрался в старинной таможне, в весовом зале. Там особо почетным считается, когда призы весят больше призера. Но мы столько набрали, что я решил поставить на весы сразу всю команду. А на другой чашке расставил золотые призы. Целый псевдно-хозяйственный магазин: ушаты, вазы, кубки, стаканы, рюмочки. Потом подсыпал медалей, жетонов, каких-то игрушечек. Когда чашки весов уравновесились, председатель яхтклуба, первый лорд адмиралтейства, произнес торжественный спич. Но не успел он кончить, как поднялся мистер Гримби:

— А известно ли уважаемому лорду председателю, что призер, капитан Врунгель, ожезорил честь морского мундира? — спросил он и пустил по рукам норвежскую газету с фотографией, где я верхом. В зале поднялся шум.

— А известно ли лорду председателю, — продолжал Гримби, когда шум несколько стих, — что

указанный капитан Врунгель перехватил груз седелок, адресованный в английские колонии?

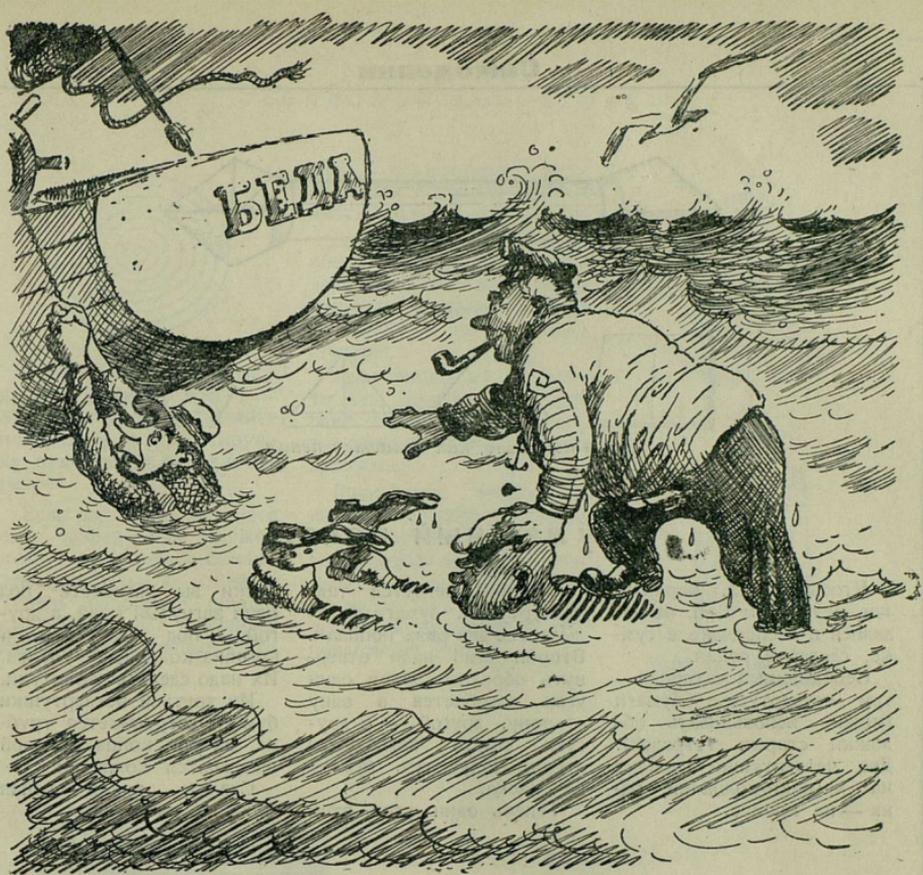
— А известно ли председателю, что указанные седелки по протекции Арчибальда Дунди, эсквайра, отстаиваются в адмиралтейских доках его величества? Известно ли, наконец, что указанный капитан Врунгель — тайный агент Коминтерна?

В зале поднялась паника. Одни свистели, другие аплодировали, потом все повскакали с мест, разделились на партии и пошли на сближение с самым угрожающим видом.

Тут мистер Дунди не выдержал, прыгнул с весов, налетел на мистера Гримби, и началась всеобщая потасовка. Не сдобровать бы и нам, но спаси призы, не даром мы их заработали: как только Дунди прыгнул, наша чашка взвилась над самые стропила. Оттуда мы наблюдали побоище.

Бойцы падали один за другим. Скоро битва утихла... Мы спрыгнули и тихонько пробрались к выходу. В это время лорд председатель приподнялся на локтях, позвонил в колокольчик и тихо произнес:

— Нет, не известно.

Мы бегом побежали на «Беду», подняли якорь, поставили паруса и полным ходом пошли в Портсмут выручать наш табун. Там, к счастью, еще ничего не знали, выпустили селедок и даже пожелали нам счастливого плавания.

Через час перед нами открылся остров Уайт. Мы обошли его, согнали селедок поплотнее и, стоя на правом борту, долго смотрели, как в тумане тают английские берега.

Я еще не успокоился после пережитых волнений, Лом тоже стоял грустный, один Фукс был доволен. Этот-таки успел схватить с весов золотую цепочку с якорем на конце и внимательно разглядывал ее, разыскивая пробу.

— В нашем деле за это бьют подсвечниками, — неожиданно сказал он и плюнул за борт.

Я осмотрел цепочку: там, на крайнем звене, совершенно ясно было выбито:

«Завод искусственных драгоценностей «Алхимик», сделано в Англии».

— Ну что ж, отличная работа и марка солидная, — сказал я, подал Фуксу цепочку и в тот же момент оказался за бортом.

Неожиданно я ухватился за что-то. Открыл глаза, вижу: нога. А впереди Лом, тоже держится за ногу, а впереди Фукс, этот держится за свою цепочку, а цепочка держится за борт «Беды»: зацепилась якорем.

Понимаете, какое положение: яхта идет полным ходом, а мы все за бортом. Размечтались, бросили руль, а тут перекинуло парус и сбило весь экипаж. Хорошо еще эта цепочка, даром, что фальшивая, а без нее яхта ушла бы одна с селедками.

Я командовал:

— Так держать да покрепче!

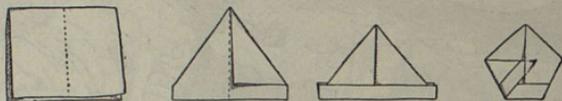
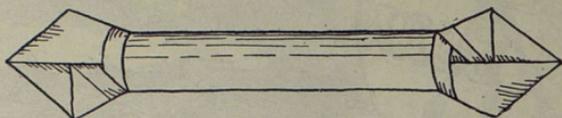
— Есть так держать, — ответили оба, а я, не горюясь, подтянулся поближе, по Лому, потом по Фуксу, потом по цепочке — и на «Беду». Потом так же Лом, потом Фукс...

Я снова осмотрел цепочку: ни одно колечко не рванулось. Прочно делают.

— Берегите ее, Фукс, — сказал я и выдал всем по чарке водки. «Беда» вышла в Атлантический океан.

«Прощай, добрая, старая Англия!» — подумал я и пошел спать.

(Продолжение следует).

Здесь показано, как делается пенал.

Бумажный пенал

Чтобы ручка, карандаши, резинка и т. п. не валялись в беспорядке в сумке, сделайте пенал.

Необходимый материал — три четвертушки бумаги (можно использовать обложки старых тетрадей). Две четвертушки пойдут на крышки-колпачки, одна — на корпус.

Крышка делается так: четвертушка бумаги складывается два раза пополам. Второй сгиб надо отвернуть обратно. Затем один угол загибается в одну сторону, другой — в другую. Борты загибаются вверх. Получилась бумажная каска.

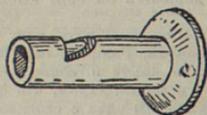
Теперь один угол этой

каска вы загибаете под один загнутый край, а другой — под другой — и крышка-колпачок готова. Их надо сделать две штуки.

Из третьей четвертушки бумаги свертывается трубка, на оба конца которой надеваются колпачки.

Сделать такой пенал можно в пять минут.

Самоделный свисток

Материал — катушка от ниток и маленькая палочка. Инструменты — перочинный нож.

Обстругайте палочку так, чтобы она была круглой и чуть-чуть толще отверстия катушки. Отрежь-

те от палочки кусочек, около сантиметра, и забейте им отверстие с одного конца катушки наглухо. Срежьте ободок у второго конца катушки и, отступя немного от края, прорежьте дырку, как указано на рисунке. Отрежьте от палочки еще кусочек, около сантиметра, и расколите его так, чтобы одна половинка была немного больше другой.

Большую половинку — она будет называться пищиком — вставьте в отверстие катушки так, чтобы скользящая плоскость была обращена к прорезанной дырке. Свисток готов.

Возможно, что свисток будет плохо свистеть. Если так случится, то подвиньте пищик поглубже или, наоборот, выдвиньте его. Отрегулировать свисток легко.

Тепловой двигатель

Вырежьте из бумаги кружок диаметром в 7—8 сантиметров и сделайте ножницами по этому кружку правильный спиральный разрез.

Если вы теперь вытянете ваш разрезанный кружок книзу, то получите бумажную спиральную змейку. Теперь разогните шпильку, чтобы у вас получился длинный проволочный стержень,

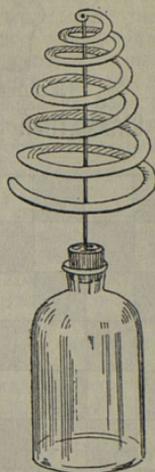
и воткните этот стержень в пробку какой-нибудь бутылочки.

Затем согните верхний конец спирали в виде маленького конусообразного колпачка и насадите этот колпачок на конец стержня.

Если теперь вы поставите ваш прибор над батареей парового отопления, то спираль начнет быстро вращаться.

Вращение вызывается движением вверх от батареи нагретого воздуха.

Нагретый воздух поднимается вверх потому, что от нагревания он сделался легче чем окружающий его, ненагретый воздух.

Вот как выглядит тепловой двигатель.

Письменный стол из спичечных коробок

Возьмите 7 пустых коробок из-под спичек, склейте их вместе, как показано на рисунке.

Для верхней доски стола сверху наклейте кусок картона.

Сбоку, сзади и снизу стол и ящички обклеиваются цветной бумагой, а еще лучше—обшить материей. Такой письменный столик может служить украшением, а ящички пригодятся

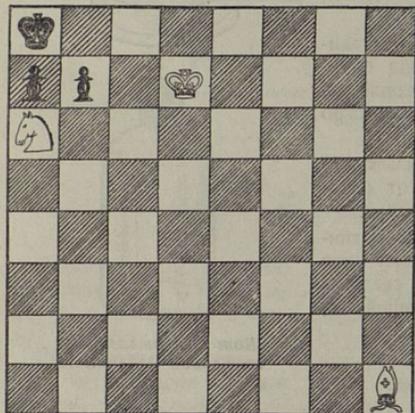
для марок, кнопок, перьев, резинок, пуговиц, булавок и т. п. К ящичкам пришиваются пуговицы или застёжки от крючков для платья, чтобы их можно было легко выдвигать.

Загадки, задачи, игры и фокусы

ШАХМАТНАЯ ЗАДАЧА

Как нетрудно заметить, ходить черным некуда. Если бы был их ход, то дело кончилось бы патом.

Но ход белых. Они должны объявить черным мат в три хода. Задача нелегкая. Как пойти? Конем? Королем? Слоном?

Решите это сами, а ответ на эту задачу пришлите в редакцию.

ОГРАДА

(задача)

На набережной надо построить ограду длиной в 100 метров. Через каждые 5 метров ставят столбики. Сколько понадобится столбиков?

ПОЧЕМУ РУДА НАЗЫВАЕТСЯ РУДОЙ

Кто из вас, ребята, задумывался над тем, почему руда называется рудой? И почему гогалевского пасечника в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» звали «Рудым Паньком», а у Алексея Толстого встречается выражение, относящееся к раненому: «Ишь, как руда-то бежит!» Кто догадается, что общего в значении этих слов, какая же руда и почему получила это название?

ШАРАДА

Первое от целого родится,
А целое последнего боится.

ВЕЛИКИЙ МАГ

(фокус)

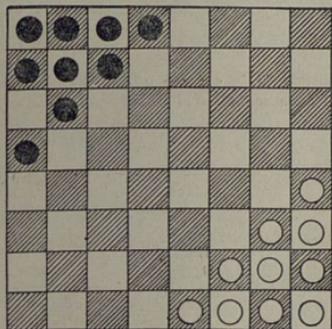
Скажи ребятам, что ты великий маг, в доказательство чего можешь хоть сейчас отгадать любое однозначное число, которое они задумают.

Пока они будут задумывать, выйди за дверь. Когда они тебя позвут, подходи к каждому поочередно и гляди в глаза, положив руки на щеки. Между ребятами есть твой тайный помощник. Когда ты положишь руки на его щеки, — он начнет то напрягать, то ослаблять челюстные мускулы. Тебе останется только сосчитать, сколько раз он это проделал.

ЯПОНСКИЕ ШАШКИ

На обычной шахматной 64-клеточной доске можно играть в целый ряд игр. Шахматы и шашки — самые популярные и сложные из них. Но кроме того давно уже существуют и другие игры, хотя и менее известные, но при некоторой сноровке, опыте и виртуозности они тоже могут быть очень увлекательны.

Обычно эти игры имеют несколько вариантов, с разными правилами, отклонения-

ми и пр. Это происходит потому, что в отличие от шахмат и лашек они всюду развиваются по-своему и порядок игры не приведен к единым международным правилам.

Игра, которую мы приводим в этом номере, также имеет несколько вариантов, и даже называют ее обычно по-разному, но чаще всего — «японские шашки» или же просто «уголки». Это потому, что шашки в этой игре в исходном положении действительно располагаются в уголках доски, как показано на диаграмме.

1. Задача каждого из противников заключается в том, чтобы в наименьшее количество ходов перевести свои шашки в противоположный угол (т. е. белые должны к концу игры стоять там, где сейчас черные, и наоборот). Таким образом обе партии шашек двигаются навстречу друг другу и друг через друга.

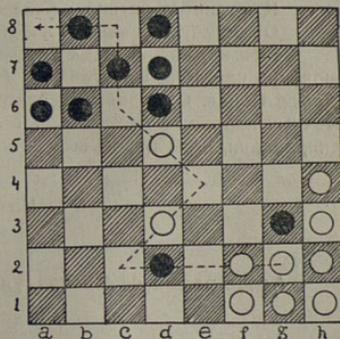
2. Ходить можно: а) как вперед, так и назад, б) как по диагонали, так и по прямой, в) как на соседнюю клетку, так в любое место доски, если только на пути есть шашки, через которые можно перепрыг-

нуть (делается это так же, как когда в обычных шашках берутся чужие шашки, с той только разницей, что здесь можно перепрыгивать и по прямой), г) перепрыгивать можно как через свои, так и через чужие шашки. Чужие шашки при этом не «берутся» и не удаляются с поля, а остаются в игре. Для примера см. диаграмму: белая шашка, стоящая на поле g2, может за один ход попасть в самый дальний угол, на поле a8. Для этого она продельвает следующий путь: g2 — e2 — c2 — e4 — c6 — c8 — a8.

3. В процессе игры нужно стараться: а) подготовить для своих шашек наиболее экономичный путь, т. е. чтобы с наименьшим количеством ходов попасть как можно дальше, б) не дать того же противнику, загораящая открытый путь, сбивая возможные его планы путем передвижения своих шашек и т. п.

4. После того как один из противников переведет все свои шашки в противоположный угол, — другому дается такое количество ходов, которое ему потребуется, чтобы поставить на место свои шашки, причем это количество ходов записывается. Счет игры ведется не по количеству партий, а по количеству проигранных ходов.

По нашему варианту, в игре участвует по 10 шашек. Иногда играют по 12 ша-

шек, — в этом случае они располагаются в углах прямоугольником, в три ряда, по 4 шашки в ряду. Можно также разрешить ходы только по прямой, но это суживает игру и дает меньше возможностей для интересных комбинаций.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Шота из Рустава— <i>Е. Лундберг</i>	5
Витязь в тигровой шуре— <i>Шота Руставели. Перевел и обработал Н. Заболоцкий</i>	7
Джура и Таке— <i>повесть Ю. Тушкана, рис. В. Цельмера</i>	16
Большевистская Правда	54
Стрельцы (<i>К картине В. И. Сурикова</i>)	57
„КОМПАС“— <i>известия Географического общества читателей журнала „Пионер“ № 12:</i>	
Поиски нефти— <i>С. П. Киселев</i>	60
Владивосток— <i>Миша Папмейн</i>	64
Фонд Географического общества	66
Симха-трубочист— <i>стихи Мирры Хенкиной. Перевод с еврейского Т. Спендиаровой, рис. М. Аксельрода</i>	67
Дедова болезнь— <i>рассказ М. Лоскутова, рис. Ю. Кискачи</i>	68
На границах живого и мертвого— <i>В. Сафонов</i>	73
Военные страницы:	
Грозное оружие— <i>инж. С. Шерр, рис. Ю. Мецшерского</i>	80
Знаки различия командного и начальствующего состава РККА	88
Птицы летят	89
Рекордный снимок— <i>рассказ Н. Павловой</i>	93
Оазис в пустыне— <i>проф. Н. Леонов</i>	98
Научный телеграф	107
ПОЧТА:	
Весна— <i>из наблюдений юного натуралиста Юры Шибаева</i>	111
Животные на марках— <i>Розанов и Комиссаров</i>	112
Марки Вильгельма Телля— <i>В. Головкин</i>	113
Нерка— <i>Т. Сайер</i>	113
„Страшный“ жук— <i>Сефир Никитищенко</i>	114
„Друзья“— <i>Юра Папков</i>	115
Зима— <i>стихотворение Юры Кубова</i>	116
Город Кунгур— <i>Боря Хахалкин</i>	117
Кто похоронен под собором— <i>ответ П. Черкасова</i>	117
Охота— <i>письмо Лени Шлоссера</i>	118
Кто такие лунатики?— <i>Коля Шунтаков</i>	118
Сомнамбулизм— <i>ответ проф. Ю. В. Каннабиха</i>	119
Моя коллекция— <i>Алик Никитин</i>	119
Приключения капитана Врунгеля— <i>А. Некрасов, рис. К. Ротова</i>	120
Самodelки: Пенал. Самodelный свисток. Тепловой двигатель. Письменный стол из спичечных коробок	124
Загадки, задачи, игры и фокусы	126

На обложке: картина худ. Г. Нисского „На охоте“.

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24, комн. 822, тел. Д 3-30-73.

Ответ. редактор Б. Ивантер	Отв. секретарь В. Поддубная	Худ. редактор М. Аскинази
Зам. редактора В. Фраерман		
Сдано в набор 21/III 1937 г.	Подписано к печати 10/IV 1937 г.	Изд. № 367
Уполномоченный Главлита № Б-10748. 82 × 110 ¹ / ₁₆ бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.		
Типография газеты „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Зак. № 662. Тираж 90 000		